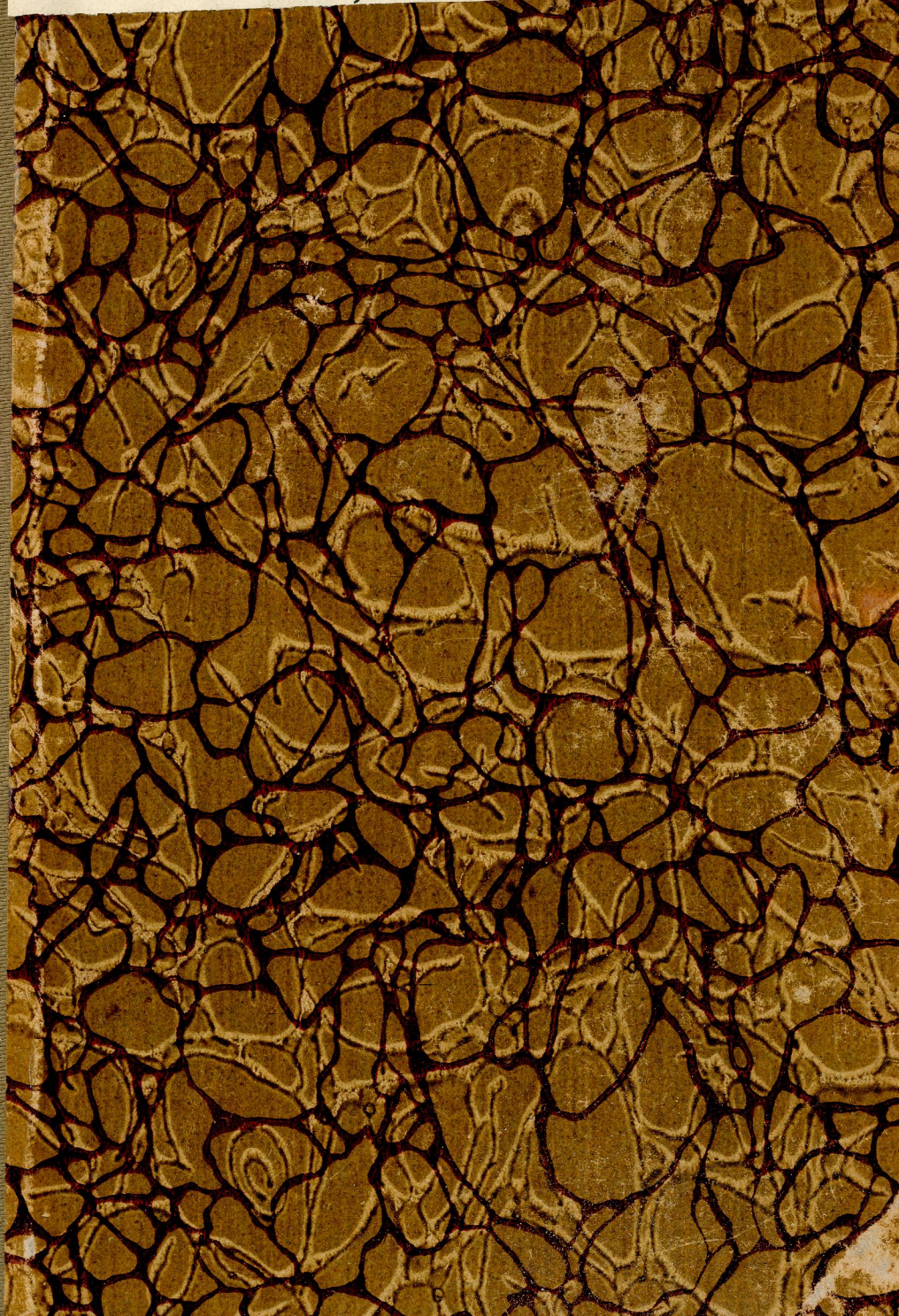

III

HC-15024

1915-5/6

XXIV

Ср. 3.

о.з.н

1928/5290.

№ 5-6.

III
2/c 15.024

1915-5/6

1

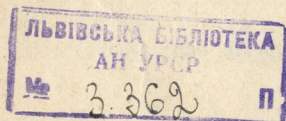
07

Украинская Жизнь

Ежемесячный научно-литературный и общественно-политический журнал.

№ 5-6.

Годъ издания четвертый.

Москва.—1915 г.

МОСКВА.
Тип. Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, Путинковскій пер., с. л
1915.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.

Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Отъ редакціи.	
I. Н. Костомаровъ и его историко-литературная дѣятельность (Къ 30-лѣтію со дня кончины). М. Жученка.	5
II. Земельная собственность въ Галиціи (Къ исторіи землевладѣнія въ Галиціи). (Окончаніе будетъ). Д-ра. Ивана Франка	22
III. Украинская кооперація въ Галичинѣ (Окончаніе). В. В. Садовскаго.	32
IV. Акад. О. Е. Коршъ объ украинскомъ вопросѣ (Окончаніе). О. Бьлоусенка	41
V. Аграрное законодательство Галичины (Окончаніе будетъ). И. В. Лебединскаго.	53
VI. Судьба галицкихъ украинцевъ въ освѣщеніи русскихъ журналовъ (статьи о Галичинѣ въ „Педагогическомъ Листкѣ“ С. Сѣрополка, въ „Голосѣ Минувшаго“ С. Ефремова, въ „Современникѣ“ Р. Выдрина и въ „Русской Мысли“ Старосельскаго). Н. И. Дворянской	65
VII. Двойною мѣрою („О провокаціи“). С. А. Ефремова.	76
VIII. Случайныя замѣтки: I. Легенда А. Погодина о С. В. Соловьевѣ. С. Петлюры.—II. Еще одинъ Тряпичкинъ - очевидецъ. Мих. Могилянскаго.—III. Государственный прозорливецъ г. Савенко. С. Петлюры	82
IX. Открытое письмо В. А. Маклакову. С. Ефремова.	98
X. Изъ русскихъ газетъ. Колумбъ изъ „Русскаго Слова“	106
XI. На Украинѣ и внѣ ея. За два мѣсяца.—Прекращеніе украинскихъ изданій. Борьба „Кіева“ противъ кинематографа.—Некрологи.—Музей Подольской губ.—Съ кооперативной выставки. Б. Стопневича.—Украинскій лазаретъ въ Петроградѣ (Отъ нашего корреспондента). О. Б. Извѣстія изъ Галичины и про Галичину.	103
XII. Библіографія Ю. Я. Хейфицъ. Галиція. Политическое, административное и судебное устройство. И. Лебединскаго.—Улановъ. Галиція въ ея прошломъ и настоящемъ. Его же. „Галиція“. Н. М.—Систематическій указатель литературы за 1914 годъ. Библіографическій Ежегодникъ. Вып. IV. Подъ ред. И. В. Владиславлева. Изв. Коваленка.	130
XIII. Литературная лѣтопись.	130
XIV. Открытое письмо О-ва им. Квитки Основьяненка.	135

Отъ редакціи.

Настоящая книжка „Украинской Жизни“ выходитъ двойной и съ запозданіемъ по причинамъ, отъ редакціи независящимъ. Майская книжка журнала своевременно была готова къ выпуску, но по указаннымъ причинамъ значительную часть предполагавшагося въ ней къ помѣщенію матеріала пришлось отложить и замѣнить новымъ, болѣе отвѣчающимъ современнымъ условіямъ.

Въ силу происшедшихъ измѣненій пришлось майскую и іюньскую книжки соединить въ одну. Редакція надѣется, что подписчики и друзья „Украинской Жизни“ будутъ удовлетворены настоящимъ сообщеніемъ, которое въ то же время является и отвѣтомъ на многочисленные запросы по поводу задержки въ выпускѣ очередныхъ №№ журнала.

Н. И. Костомаровъ и его историко-литературная дѣятельность

(Къ 30-лѣтію со дня кончины).

7-го апрѣля исполнилось 30 лѣтъ со дня кончины выдающагося русско-украинскаго историка и общественнаго дѣятеля Николая Ивановича Костомарова. Его имя пользуется высокимъ почетомъ и авторитетомъ въ русской исторической наукѣ; цѣлыя поколѣнія русскаго общества учились по его сочиненіямъ исторіи родной земли и выносили изъ этого изученія чувства глубокой любви къ творцу этой исторіи—народу.

Но труды Костомарова, при всей оригинальности его взглядовъ, строгости критическихъ приѣмовъ и богатству фактическихъ изысканій, были только однимъ изъ звеньевъ въ блестящей цѣпи замѣчательныхъ трудовъ, которыми обогатилась историческая наука съ половины XIX вѣка. Совсѣмъ исключительное мѣсто занимаетъ Костомаровъ среди ученыхъ дѣятелей общества украинскаго. Здѣсь онъ является не только Несторомъ національной исторіографіи, не только талантливымъ изобразителемъ былыхъ судебъ украинскаго народа, но и выдающимся культурно-общественнымъ дѣятелемъ, однимъ изъ творцовъ и идеологовъ національнаго украинскаго возрожденія. Будучи русскимъ и даже всеславянскимъ патриотомъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, еще въ 40-хъ годахъ лелѣявъ мечты о всеславянской федераціи подъ гегемоніей Россіи, Костомаровъ полагалъ, что славянское возрожденіе должно начаться съ возрожденія каждой отдѣльной славянской народности, въ томъ числѣ и украинской. Для поднятія культурнаго уровня этой народности,—одного изъ наиболѣе обойденныхъ судьбой членовъ славянской семьи,—онъ работалъ болѣе полувѣка на поприщѣ науки, литературы и публицистики.

Значительную часть своих трудов Костомаровъ посвятилъ прошлымъ судьбамъ великорусскаго народа. Безчисленными нитями чувствовалъ онъ себя связаннымъ съ русскимъ обществомъ въ лицѣ лучшихъ его представителей; вообще трудно даже опредѣлить, любилъ ли онъ свою родную украинскую народность больше, чѣмъ великорусскую; однако весь складъ его мысли, его характеръ и все вообще интеллектуальное строеніе изобличало въ немъ южно-русса, украинца. И если справедливо замѣчаніе проф. Мандельштама относительно другого великаго украинца, Гоголя, что только „Малороссія единственно вдохновляла его, что только въ ней черпалъ онъ положительное содержаніе своихъ художественныхъ воззрѣній, идеальные мотивы своего творчества, а для Великой Россіи у него оставалось только отрицаніе, его беспощадный, злобный, неподражаемый юморъ“,—то это же самое можно съ полнымъ правомъ отнести и къ Костомарову: въ исторіи Украины онъ видѣлъ развитіе болѣе симпатичныхъ ему общественныхъ началъ, а изображая великорусскую, московскую старину, онъ нерѣдко склоненъ былъ сгущать темныя краски, схватывать преимущественно темныя стороны быта и характера.

Всѣ произведенія Костомарова носятъ на себѣ яркую печать его своеобразной индивидуальности, его кипучей натуры и интересовъ, вѣчно устремленныхъ къ познанію исторической правды. Его ученая дѣятельность вообще испытала на себѣ сильное вліяніе его личной судьбы, сложившейся далеко не благопріятно для развитія его разностороннихъ блестящихъ дарованій. У Костомарова былъ, на примѣръ, выдающійся талантъ лектора. Объ этомъ единогласно свидѣлствуютъ всѣ, кому довелось слушать его лекціи. Въ началѣ 40-хъ годовъ, когда Костомаровъ началъ чтеніе курса русской исторіи въ харьковскомъ университетѣ, самая большая аудиторія не могла вмѣстить всѣхъ слушателей. Но его диссертация „О причинахъ и характерѣ Уніи въ Западной Россіи“ была присуждена къ уничтоженію за нѣкоторыя мѣста, „слишкомъ рѣзкія и неосновательныя, сомнительныя или неприличныя“, какъ выразился попечитель округа, и Костомаровъ кафедры не получилъ... Спустя почти 20 лѣтъ началъ онъ вновь читать лекціи, уже въ петербургскомъ университетѣ. И здѣсь онъ имѣлъ громадный успѣхъ. „Его лекціи,—говоритъ А. Н. Пы-

пинъ,—были замѣчательны по искусной реставраціи древняго быта и міровоззрѣнія“. „Только тѣ, кто слушалъ его,—разсказываетъ Скабичевскій въ своихъ воспоминаніяхъ,—могутъ оцѣнить его художественный талантъ, ту тайну обаятельнаго и могучаго очарованія, которое онъ производилъ на слушателей,—тайну, унесенную имъ въ могилу“. Но и въ петербургскомъ университетѣ Костомарова скоро лишили кафедръ, и онъ до конца дней своихъ оставался безъ профессорской трибуны, а его громаднѣйшій лекторскій талантъ остался втунѣ для общества. Его программа Кирилло-Меѳодіевскаго братства и его позднѣйшія публицистическія статьи говорятъ о несомнѣнныхъ способностяхъ Костомарова какъ общественнаго дѣятеля; но и эта дѣятельность оборвалась въ самомъ расцвѣтѣ вслѣдствіе катастрофы, постигшей кирилло-меѳодіевскихъ братчиковъ, а впослѣдствіи не могла уже получить широкаго и свободнаго развитія. Натура Костомарова была гораздо сложнее и шире тѣхъ рамокъ русской дѣятельности, въ которыхъ ему пришлось жить и работать. И только въ сферѣ архивныхъ изысканій и кабинетной работы талантъ Костомарова могъ развернуться во всю свою широту.

Еще при жизни нашего историка Драгомановъ замѣтилъ какъ-то, что біографія Костомарова должна быть болѣе интересна, чѣмъ обыкновенныя біографіи кабинетныхъ ученыхъ; и это совершенная правда: Костомаровъ никогда не замыкался, не уходилъ отъ жизни съ ея кипучими, волнующими интересами, никогда не забывалъ своихъ обязанностей гражданина. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ и испытанныхъ рыцарей науки; но для него существовалъ и другой предметъ столь же вѣрнаго и постоянного служенія: это—благо родного ему народа, и потому научная дѣятельность Костомарова какъ специалиста-историка тѣсно переплетается съ его культурно-просвѣтительной работой въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Въ этомъ отношеніи его біографія отличается особой поучительностью.

Біографія Костомарова вообще мало разработана и еще менѣе извѣстна, даже въ общихъ чертахъ, русскому образованному обществу. До сихъ поръ нѣтъ не только полной и подробной монографіи юбъ его жизни и трудахъ, но нѣтъ даже хотя бы краткой, но систематической біографіи. Костомарову посвящались болѣе или менѣе обстоятельныя

главы въ общихъ трудахъ по исторіи украинской литературы и этнографіи,—напримѣръ, у Петрова, Пыпина, Огановскаго; много вниманія удѣлялось ему въ біографіяхъ болѣе счастливыхъ въ этомъ отношеніи его друзей и соратниковъ—Шевченка и Кулиша, но самъ по себѣ Костомаровъ еще ждетъ своего біографа и критическаго изслѣдователя. Въ виду малой распространенности біографическихъ свѣдѣній о Костомаровѣ, а также въ виду того интереса его біографіи, который отмѣтилъ еще Драгомановъ, мы считаемъ нелишнимъ предпослать оцѣнкѣ его ученой и литературной дѣятельности краткій обзоръ главныхъ моментовъ жизни славнаго историка, уясняющихъ черты его своеобразной личности и характера.

Костомаровъ родился 4-го мая 1817 г. въ слободѣ Юрасовкѣ Острогожскаго уѣзда Воронежской губерніи, въ той части ея, гдѣ малоруссы составляютъ свыше 90% всего населенія. Отецъ его былъ мѣстный помѣщикъ изъ стариннаго дворянскаго рода, мать—крѣпостная крестьянка. Несмотря на свое увлеченіе идеями французской освободительной литературы XVIII в., которое онъ старался привить и сыну, отецъ Костомарова былъ суровъ въ отношеніи къ своимъ крѣпостнымъ. Это создало почву, на которой произошло убійство стараго Костомарова, ѣхавшаго въ лѣсу съ маленькимъ Николаемъ,—будущимъ историкомъ,—въ то время усадьба подверглась нападенію и ограбленію со стороны оставшихся неоткрытыми злоумышленниковъ. Это произошло въ 1828 г. и напугало Костомарова на всю жизнь. Онъ остался на рукахъ у матери. Она отдала его учиться въ воронежскій дворянскій пансіонъ, а оттуда въ гимназію, которую онъ окончилъ въ 1838 году и поступилъ затѣмъ въ молодой харьковскій университетъ.

Обстановка тогдашней культурной жизни Харькова, въ которой доминировало вліяніе университета, дала толчокъ къ пробужденію въ молодомъ студентѣ научныхъ интересовъ въ сферѣ народоизученія и исторіи. Харьковъ былъ въ первой половинѣ XIX вѣка центромъ украинскаго литературнаго движенія: здѣсь проживалъ знаменитый родоначальникъ народной украинской повѣсти Гр. Квитка-Основьяненко; здѣсь познакомился Костомаровъ съ П. Гулакомъ-Артемовскимъ, первымъ ректоромъ харьковскаго университета и украинскимъ поэтомъ; познакомился также онъ съ проф. А. Метлинскимъ, украинскимъ поэтомъ и этно-

графомъ, съ Изм. Срезневскимъ, издателемъ извѣстной „Запорожской Старины“, и др. лицами, отъ которыхъ, несомнѣнно, заимствовалъ интересъ къ этнографіи и сочувственное отношеніе къ меньшему брату. Въ особенности проникался онъ стремленіемъ къ изученію этнографическихъ особенностей украинскаго племени, близкаго ему по происхожденію и по впечатлѣніямъ дѣтскихъ лѣтъ. На первыхъ порахъ увлеченіе Костомарова этнографіей выразилось болѣе въ художественной формѣ, чѣмъ въ научной, результатомъ чего были тѣ его украинскія драматическія и лирическія произведенія, которыя онъ началъ писать еще на школьной скамѣ и издалъ по окончаніи университета подъ псевдонимомъ Іереміи Галки. Однако и научный интересъ давалъ себя знать: Костомаровъ начинаетъ самъ собирать сырые матеріалы народной словесности, а затѣмъ приступаетъ и къ изслѣдованію этого матеріала. Этому изслѣдованію онъ придавалъ впослѣдствіи огромное значеніе въ дѣлѣ примѣненія добытыхъ имъ результатовъ къ писанію на народномъ языкѣ и къ историческимъ трудамъ; въ 1857 году въ рецензіи на извѣстныя „Записки о Южной Руси“ Кулиша онъ высказываетъ мысль, что „прошла пора скользить по поверхности народнаго быта и схватывать съ него общія черты,—наступила потребность знать и изображать свою народность основательно со всѣми ея изгибами“. А немного позже, говоря о значеніи изученія пѣсеннаго творчества для исторіи, онъ замѣчаетъ: „Пѣсня—это памятникъ воззрѣнія народа самого на себя и на все окружающее“. Нѣтъ сомнѣнія, эти взгляды зародились въ немъ подъ вліяніемъ харьковскихъ знакомствъ и тамошнихъ литературно-научныхъ интересовъ.

Окончивъ въ 1836 г. университетъ, Костомаровъ почему-то поступилъ въ драгунскій полкъ, квартировавшій въ Острогожскѣ. Однако странный юнкеръ больше обращалъ вниманія на архивъ полка, чѣмъ на военныя упражненія, и самъ полковникъ посовѣтовалъ ему бросить военную службу для ученой, сказавъ: „Вы тамъ скорѣе сдѣлаете себѣ карьеру“. Костомаровъ уволился изъ полка „по неспособности“, поѣхалъ въ Москву, гдѣ, записавшись вольнослушателемъ, сталъ готовиться на степень магистра, все болѣе и болѣе обращая вниманіе на украинскую старину и народную словесность. Онъ все болѣе укрѣплялся въ мнѣніи, что „исторію народа надо изучать не только по

мертвымъ лѣтописямъ и запискамъ, но и на живомъ народѣ“.

Въ 1840 г. Костомаровъ выдержалъ магистерскій экзамень при харьковскомъ университетѣ, но его диссертациі „О значеніи Уніи въ Западной Руси“, какъ уже я упомянулъ, не суждено было увидѣть свѣтъ: она была предана сожженію. Костомаровъ написалъ новый трудъ, „Объ историческомъ значеніи русской народной словесности“, въ которомъ сдѣлалъ опытъ выясненія по украинскимъ пѣснямъ психологическихъ типовъ въ народной жизни. Этотъ трудъ былъ зачтенъ Костомарову какъ магистерская диссертациі въ 1844 г. Однако исторія съ первой диссертацией повела къ тому, что Костомарову не дали каѳедры въ Харьковѣ и ему пришлось ѣхать учителемъ въ ровенскую гимназію на Волыни. Увлечшись исторіей хмельницыны, Костомаровъ объѣхалъ историческія мѣста на Волыни, связанныя съ эпохой великаго гетмана, собралъ здѣсь немало народныхъ пѣсенъ и преданій, впоследствии напечатанныхъ въ 1859 г. въ саратовскомъ литературномъ сборникѣ. Въ 1845 г. Костомарова перевели въ Кіевъ, гдѣ въ слѣдующемъ году ему удалось получить каѳедру русской исторіи.

Пребываніе въ Кіевѣ оказало рѣшающее вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу и ученую карьеру Костомарова. Здѣсь онъ сошелся съ кружкомъ украинскихъ патріотовъ, среди которыхъ были: проф. Н. Гулакъ, П. Кулишъ, Т. Шевченко, А. Марковичъ, В. Бѣлозерскій и др. Все это были искренніе народолюбцы, проникнутые мечтами о возрожденіи и братскомъ объединеніи всѣхъ славянскихъ народовъ, о необходимости пропаганды уничтоженія крѣпостного права и приобщенія забитыхъ крѣпостныхъ массъ къ общечеловѣческой культурѣ. Эти мечты были отраженіемъ возникшаго тогда національнаго движенія среди западныхъ и южныхъ славянъ и питались общимъ романтическимъ направленіемъ въ литературѣ, поднимавшимъ интересъ къ народности и къ національному прошлому. Какъ писалъ впоследствии самъ Костомаровъ, „пробужденіе славянскихъ народностей быстро отразилось на Украинѣ и подняло изъ летаргическаго сна народную мысль и чувство; явилось стремленіе возродить свою умирающую народность и возсоздать самобытную литературу. Но идея панславизма принялась въ Украинѣ совсѣмъ не такъ, какъ въ Москвѣ, гдѣ она проявлялась или въ стремленіи уразумѣть смыслъ тропарей и

букварей, или въ риторическихъ похвалахъ старомосковской Руси... Въ Украинѣ эта идея тотчасъ облеклась въ свѣтлую форму федеративнаго союза славянъ, гдѣ бы каждая народность сохраняла свои особенности при всеобщей личной и общественной свободѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникло убѣжденіе, что только этимъ путемъ Украина можетъ подняться изъ упадка и сохранить свой собственный образъ“.

Эти мечты украинскихъ славянистовъ носили замѣтную мистическую окраску, были нечужды своеобразной идеи украинскаго мессіанизма въ pendant польскому мессіанизму Товянскаго и Мицкевича и русскому—раннихъ славянофиловъ и Герцена. Въ этомъ смыслѣ любопытно признаніе опять-таки самого Костомарова въ одной изъ его рукописей, отобранныхъ у него при арестѣ въ 1847 г. и недавно только опубликованной на страницахъ „Былого“ вмѣстѣ съ показаніями Костомарова на слѣдствіи. „Эта идея,—говоритъ Костомаровъ о своемъ славянизмѣ,—въ числѣ другихъ, порожденныхъ нашимъ мыслящимъ вѣкомъ, едва ли не самая нравственная, справедливая, богатая жизнью и полная надеждъ. Это стремленіе цѣлаго племени славянскаго выйти изъ вѣковой запоздалости, стремленіе каждому изъ славянскихъ народовъ даровать собственное развитіе при помощи другихъ родственныхъ націй, всѣмъ вмѣстѣ братскою семьею принять живое участіе въ движущейся сферѣ образованности человѣчества и дабы явиться передъ судіею съ незарытымъ въ землю талантомъ. Ничего не можетъ быть справедливѣе такой идеи, ничего, потому что подобнаго явленія исторія до сихъ поръ намъ не представляетъ“.

Молодые украинскіе славянисты рѣшили объединиться въ одно общество, для котораго Костомаровымъ былъ составленъ статутъ. Въ этомъ статутѣ были изложены пожеланія или программа кружка, сводившіяся къ такимъ пунктамъ: 1) освобожденіе славянскихъ народностей изъ-подъ власти иноплеменниковъ, 2) организованіе ихъ въ самобытныя политическія общества съ удержаніемъ федеративной связи между ними; точное установленіе взаимоотношеній славянскихъ народовъ предоставлялось времени и дальнѣйшей разработкѣ этого вопроса исторіей и наукой; 3) уничтоженіе всякаго рода рабства въ славянскихъ обществахъ, подъ какимъ бы видомъ оно ни скрывалось,

4) упраздненіе сословныхъ привилегій, 5) религіозная свобода и вѣротерпимость, 6) при полной свободѣ всѣхъ вѣроученій употребленіе единого славянскаго языка въ публичныхъ богослуженіяхъ всѣхъ существующихъ церквей, 7) преподаваніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ народностей и т. д. Общество собиралось проявлять свою дѣятельность вполне открыто и лояльно въ согласіи съ существующими законами, а патронами общества были избраны славянскіе первоучители и просвѣтители Кирилль и Меодій.

Очень можетъ быть, что дѣло и не пошло бы дальше энтузіастическихъ бесѣдъ въ дружескомъ кругу и, самое большое, литературной пропаганды, но суровое николаевское время приуготовило для плановъ кирилло-меодіевскихъ братчиковъ скорую и неожиданную развязку: по доносу нѣкоего Петрова, подслушавшаго пососѣдству разговоры братчиковъ на квартирѣ профессора Гулака, всѣ они были арестованы, и всѣхъ ихъ постигла болѣе или менѣе суровая кара. Костомаровъ былъ въ числѣ прочихъ вывезенъ въ Петербургъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Здѣсь пришлось высидѣть ему подъ слѣдствіемъ цѣлый годъ въ тревожномъ ожиданіи своей участи. Дѣло было раздуто до размѣровъ государственнаго преступленія величайшей важности. Костомарова считали однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ. Частые допросы съ угрозами, долгое заключеніе произвели подавляющее вліяніе на нервнаго, впечатлительнаго Костомарова. Онъ палъ духомъ, доходилъ до отчаянія, старался облечь себя на допросахъ всѣми возможными способами. Тяжело читать его письменныя показанія на допросахъ, недавно опубликованныя въ „Быломъ“: столько въ нихъ нескрываемаго малодушія, отреченія отъ своихъ мыслей и словъ, стремленія во что бы то ни стало выгородить себя... И потомъ раскаяніе въ этомъ, безконечное уныніе и мольбы о прощеніи.

Въ результатъ слѣдствія и суда Костомаровъ былъ высланъ въ Саратовъ на службу, подъ строжайшій надзоръ, съ воспрещеніемъ научной дѣятельности и печатанія какихъ-либо произведеній. Незадолго до ареста Костомаровъ собирался жениться на Алинѣ Леонтьевнѣ Кисель, его ученицѣ по пансіону Залѣсской въ Кіевѣ, но арестъ раз-

строилъ женитьбу, и только черезъ много лѣтъ, въ 1875 г., женился Костомаровъ на своей прежней невѣстѣ послѣ того, какъ она побывала замужемъ за другимъ и овдовѣла.

Въ Саратовѣ Костомарова причислили къ губернскому правленію, а потомъ опредѣлили въ статистическій комитетъ. Костомаровъ здѣсь не оставлялъ своихъ научныхъ занятій; изучалъ мѣстную старину, собиралъ и изслѣдовалъ этнографическіе матеріалы, готовился къ большой работѣ о Богданѣ Хмѣльницкомъ, изучая и перечитывая все, что можно было достать въ провинціи изъ печатныхъ изданій. Онъ принялъ здѣсь участіе въ „Малорусскомъ литературномъ сборникѣ“ Д. Мордовцева (изд. въ 1859 г.), напечатавъ свое волынское собраніе пѣсенъ и нѣсколько стихотвореній на украинскомъ языкѣ. По восшествіи на престолъ Александра II участь опальнаго ученаго облегчилась. Въ 1856 г. съ него сняли надзоръ и запрещеніе печатать, хотя недозволеніе служить „по ученой части“ было еще оставлено въ силѣ. Костомаровъ въ 1857 г. уѣхалъ за границу. Весною 1859 г. онъ получилъ приглашеніе занять въ петербургскомъ университетѣ кафедру русской исторіи и съ тѣхъ поръ поселился навсегда въ Петербургѣ, выѣзжая въ лѣтнее только время на Украину или въ ученые путешествія. Съ этихъ поръ начинается его блестящая ученая дѣятельность. На страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“, а затѣмъ и другихъ изданій появляются его монографіи и изслѣдованія. Костомаровъ работаетъ въ архивахъ, извлекаетъ массу новыхъ матеріаловъ и строитъ на нихъ свои изслѣдованія. Его лекціи въ университетѣ имѣли выдающійся успѣхъ, но читать ему пришлось недолго. Въ 1861 году университетъ закрыли вслѣдствіе студенческихъ волненій. Костомаровъ съ нѣкоторыми другими профессорами сталъ читать публичныя лекціи въ залѣ городской думы, осуществивъ такимъ образомъ идею теперешнихъ такъ-называемыхъ народныхъ университетовъ. Но эти чтенія были также непродолжительны. За произнесенную на одномъ банкетѣ рѣчь администрація выслала въ Ветлугу профессора Павлова. Студенты изъ комитета, который завѣдывалъ устройствомъ публичныхъ чтеній, въ видѣ демонстраціи рѣшили прекратить чтеніе лекцій и заявили объ этомъ неожиданно Костомарову передъ началомъ лекціи. Костомаровъ сказалъ, что будетъ все-таки читать. Ему устроили скандалъ. Вскорѣ чтенія были при-

остановлены администраціей, и Костомарову больше не суждено было возвратиться къ профессорской кафедрѣ. Онъ получилъ мѣсто въ археографической комиссіи, отъ имени которой издалъ съ 1863 года 10 томовъ „Актовъ южной и западной Россіи“.

Когда въ 1861 году началъ выходить подъ редакціей кирилло-мееодіевскаго братчика В. Бѣлозерскаго журналъ „Основа“, посвященный Украинѣ, Костомаровъ примкнулъ къ нему и напечаталъ въ немъ за два года изданія рядъ изслѣдованій, статей и замѣтокъ, между прочимъ и на украинскомъ языкѣ („Христіянство і кріпацтво“. „Основа“, 1862, VI, и „Суд чехів над собою“, „Основа“, 1862, IX). Тогда же онъ задался мыслью издавать на собранныя по общественной подпискѣ деньги книги для народа на украинскомъ языкѣ, имѣя въ виду дать доступный для народнаго пониманія матеріалъ. Это дѣло не успѣло развиваться, какъ послѣдовало запрещеніе печатать на украинскомъ языкѣ популярныя книжки. Впослѣдствіи Костомаровъ обратилъ деньги, собранныя на изданіе этихъ книгъ, на учрежденіе при академіи наукъ преміи за наилучшій словарь украинскаго языка.

Петербургскій періодъ жизни Костомарова является временемъ необыкновенно интенсивной ученой работы нашего историка. Тогда были написаны лучшія его историческія работы ¹⁾. Изрѣдка брался Костомаровъ за перо публициста, чтобы выступить на страницахъ „Вѣстника Европы“ въ защиту украинскаго языка и литературы. Теперь тонъ этихъ статей и сама аргументація нѣсколько потускнѣли въ сравненіи съ прежними годами. Съ теченіемъ времени общественный кругозоръ прежняго федералиста значительно сузился, даже самый объемъ украинской литературы, права которой онъ отстаивалъ, въ его глазахъ сталъ уже; теперь онъ полагалъ, что украинское печатное слово имѣетъ свой *raison d'être* только для „домашняго употребленія“. Все-же до конца дней своихъ Костомаровъ остался убѣжденнымъ сторонникомъ украинской самобытности и права украинскаго народа на національное развитіе.

¹⁾ „Богданъ Хмѣльницькій“ (1857), „Бунтъ Стеньки Разина“ (1858), „Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа“ (1860), „Сѣверно-русскаго народоправства“ (1863), „Смутное время Московскаго государства въ нач. XVII в.“ (1866), „Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой“ (1869—70), „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ“ (1873—76), „Руина“ (1879), „Мазепа и мазепинцы“ (1882).

Въ 1882 году въ Кіевѣ сталъ выходить журналъ „Кіевская Старина“, специально посвященный украинской исторіи и этнографіи. Костомаровъ радостно привѣтствовалъ его и помѣщалъ въ немъ свои работы („Поѣздка въ Бѣлую Церковь“, 1882, V; „Матеріалы для исторіи Коліивщины“, 1882, VIII; „Жидотрепаніе въ нач. XVIII в.“, 1883, I—III). Среди усиленныхъ трудовъ расшатался когда-то крѣпкій и бодрый организмъ Костомарова. Онъ сталъ утомляться и прихварывать, и, наконецъ, тяжелая болѣзнь свела его въ могилу. Костомаровъ умеръ 7-го апрѣля 1885 года въ Петербургѣ и тамъ же и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ.

Общественное міровоззрѣніе Костомарова сложилось подъ вліяніемъ романтизма, который господствовалъ въ первыя десятилѣтія прошлаго вѣка во всей Европѣ и вызвалъ національное возрожденіе славянскихъ народовъ. Этотъ романтизмъ побудилъ его искать живыхъ памятниковъ старины въ современныхъ ему пѣсняхъ и преданіяхъ народа; близкое знакомство съ духовнымъ творчествомъ народа, основанное и на этнографическихъ экскурсіяхъ, и на книжномъ изученіи, дало ему прекрасное знаніе народной жизни, столь необходимое для историка-этнографа. И неудивительно, что исторія народныхъ, въ истинномъ смыслѣ слова, движеній за волю приковывала его вниманіе; еще въ началѣ своей дѣятельности Костомаровъ задавался мыслью: „почему исторія ничего не говоритъ намъ о бытѣ народа, объ его духовной жизни, чувствахъ и способахъ радости и печали? Бѣдный крестьянинъ-хлѣбопашецъ словно не существуетъ для исторіи“. Для него изученіе исторіи было тѣсно связано съ этнографическими изслѣдованіями. Теоретическое основаніе этого взгляда Костомаровъ впоследствии изложилъ въ своей лекціи „Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи“. Здѣсь онъ говоритъ между прочимъ: „Чтобы уразумѣть и представить теченіе прошедшей жизни народа, необходимо понять и ясно себѣ представить этотъ народъ въ послѣднемъ его развитіи, и, наоборотъ, этнографическое изображеніе существующаго образа народа не можетъ имѣть смысла, если мы не будемъ знать, что привело ее къ этому образу, что сгруппировало признаки, составляющіе сущность этого образа, отъ чего онъ сложился такимъ образомъ, а не инымъ“. И въ дѣйствительности мы видимъ, что ни у кого изъ современныхъ ему и даже позднѣйшихъ историковъ

этнографическій матеріалъ не привлекался въ такой мѣрѣ въ качествѣ источника, какъ у Костомарова. Въ этомъ покойный Пыпинъ видѣлъ чуть ли не самую характерную черту историческихъ трудовъ Костомарова.

„Если бы мы хотѣли,—говорить онъ,—опредѣлить въ немногихъ словахъ отличительную черту историческихъ трудовъ Костомарова, должно было бы сказать, что его по преимуществу влекло къ изображенію народнаго элемента въ исторіи, къ объясненію народнаго историческаго права. Онъ не былъ чуждъ вліяніямъ нѣмецкой исторической школы, какъ вообще знакомъ былъ съ ходомъ западной исторіографіи, но въ его историческомъ приѣмѣ явились и такія черты, которыхъ не было у другихъ нашихъ историковъ, ему современныхъ. Ни у кого изъ нихъ не были такимъ живымъ интересомъ, какъ у Костомарова, племенные факторы исторіи, значеніе народа какъ основы движенія, стремленіе проникнуть въ думы и характеръ народныхъ массъ, о которыхъ часто и совсѣмъ забывали. Костомаровъ не былъ историкомъ учреждений, какъ Соловьевъ и Кавелинъ, не былъ и мистическимъ теоретикомъ народности, какъ К. Аксаковъ, — онъ искалъ живого народа съ его стародавними нравами: работы чисто этнографическія постоянно сопровождали работу историческую; съ самаго начала его дѣятельности и до конца его тянуло, съ одной стороны, въ архивы, къ документальнымъ свидѣтельствамъ старины, съ другой—въ исторію быта, нравовъ, обычаевъ и, наконецъ, въ народную среду, гдѣ онъ подслушивалъ пѣсню и историческое преданіе“.

Къ числу особенностей Костомарова какъ историка относится его талантъ художественнаго изображенія. Самъ стараясь ознакомиться до мельчайшихъ подробностей съ бытомъ и жизнью изображаемой эпохи, стараясь проникнуть въ глубину ея міровоззрѣнія, Костомаровъ умѣлъ возсоздать блестящія картины минувшей жизни, рисовать необыкновенно яркіе историческіе портреты. Онъ жилъ въ мірѣ историческаго прошлаго, для него были живыми фигурами всѣ эти Годуновы, Хмѣльницкіе, Брюховецкіе, съ которыми, какъ рассказывается въ нѣкоторыхъ воспоминаніяхъ о Костомаровѣ, онъ готовъ былъ вступать въ бесѣду въ своихъ вдохновенныхъ галлюцинаціяхъ. Въ немъ жила потребность въ живыхъ образахъ. Онъ не могъ ограничиться сухимъ историческимъ фактомъ, ему хотѣлось

наглядно показать этотъ фактъ, представить его въ реальной обстановкѣ. Въ немъ возбуждало настоящий энтузіазмъ талантливое изображеніе старины или историческихъ типовъ въ искусствѣ. В. Л. Беренштамъ рассказываетъ, какъ онъ за мѣсяцъ до смерти, изможденный болѣзнью, велѣлъ снести себя на выставку картинъ и долго любовался новой тогда картиной Рѣпина „Иванъ Грозный послѣ убійства сына“, находя, что въ ней художественно воспроизведенъ характеръ Грознаго и его настроеніе въ этотъ трагическій моментъ. Когда его больного, стонущаго отъ болѣзненныхъ припадковъ, вывозили на прогулку по набережной Невы, достаточно было обратить его вниманіе на историческія зданія на этой набережной, какъ сейчасъ онъ оживлялся, словно забывалъ о боли, и принимался говорить о связанныхъ съ этими дворцами лицахъ и событіяхъ. Говорятъ, любимой оперой Костомарова была „Жизнь за Царя“, и онъ не пропускалъ ни одного ея представленія. Самъ артистъ-художникъ въ душѣ, Костомаровъ облакалъ въ художественную форму и свои историческія изслѣдованія. Въ этомъ лежитъ его большая заслуга въ смыслѣ популяризации историческаго знанія: Костомарова читали такъ, какъ, можетъ быть, никого изъ русскихъ и украинскихъ историковъ. Говоря о заслугахъ Костомарова какъ историка, В. Б. Антоновичъ отличаетъ эту его черту въ изображеніи историческихъ событій—художественность, которою увлекались всѣ читавшіе его произведенія. „Сочетаніе въ талантѣ Костомарова указанныхъ чертъ,—говоритъ Антоновичъ,—было тою счастливой случайностью, которую рѣдко можно наблюдать въ ученомъ историческомъ мірѣ. Въ ряду представителей европейской исторической науки типъ наиболѣе близкій къ тому, который представлялъ собою нашъ историкъ, можно, кажется, видѣть въ Огюстенѣ Тьерри. Та же эрудиція и умѣніе добывать матеріалъ изъ сырья, та же строго-научная критика и художественность въ воспроизведеніи историческихъ эпизодовъ“...

Въ области специально этнографическаго изученія Костомарову принадлежитъ рядъ весьма цѣнныхъ собраній и изслѣдованій. Вмѣстѣ съ Пыпинымъ онъ издалъ въ 4-хъ томахъ „Памятники древне-русской письменности“, написалъ статьи и изслѣдованія: „Легенда о кровосмѣсителяхъ“, „Великорусскія народныя пѣсни“, „Объ историческомъ

значенію южно-русского пѣсеннаго творчества“ и „Исторію казачества въ южно-русскихъ народныхъ пѣсняхъ“. Много собраннаго имъ лично этнографическаго матеріала напечатано въ саратовскомъ сборникѣ Мордовцева и др. изданіяхъ. Въ статьѣ о „Литовской народной поэзіи“; напечатанной въ „Русск. Словѣ“ въ 1860 г., Костомаровъ опредѣляетъ народную фizioномію литовцевъ по ихъ пѣснямъ и сказкамъ, и, по его изслѣдованію, народъ, промелькнувшій на историческомъ полѣ и заявившій себя будто бы воинственнымъ и опустошительнымъ, по пѣснямъ своимъ оказывается „кроткимъ деревенскимъ народомъ, безъ стремленій вырваться на болѣе широкое поле жизни“. Въ своихъ изслѣдованіяхъ о народной словесности Костомаровъ руководится старыми пріемами, у него отсутствуетъ широкій сравнительный методъ, который уже въ 70-хъ годахъ былъ примѣняемъ нѣкоторыми какъ русскими, такъ и украинскими учеными (Драгомановъ). Костомаровъ, на примѣръ, придерживался взгляда на самостоятельность украинскаго народнаго міровоззрѣнія, не обращая вниманія на то, что вѣрованія, сказки, символика приходили на Украину изъ другихъ странъ. На эту отсталость взглядовъ Костомарова указывалъ еще въ 1880 г. Драгомановъ. Но, во всякомъ случаѣ, одни такіе труды, какъ „Историческое значеніе южно-русского пѣсеннаго творчества“ и „Исторія казачества въ пам. ю.-р. творчества“, гдѣ использованъ огромный фольклорный матеріалъ, позволяютъ причислить Костомарова къ однимъ изъ первыхъ по времени и по значенію ученыхъ этнографовъ-изслѣдователей въ Россіи.

Не ограничиваясь чисто-научными изслѣдованіями исторіи и народнаго быта, Костомаровъ пробовалъ возстановлять прошлое въ художественныхъ произведеніяхъ: онъ писалъ историческія повѣсти, драмы и антологическія стихотворенія. Ему принадлежитъ рядъ слѣдующихъ произведеній на русскомъ и украинскомъ языкахъ: „Сынъ“, повѣсть изъ временъ Ст. Разина; „Кудеяръ“, романъ изъ эпохи Ивана Грознаго; „Холуй“, историческій рассказъ; „Черниговка“, повѣсть изъ эпохи Руины; драмы „Кремуцій Кодръ“, „Эллины Тавриды“, „Савва Чалый“, трагедія „Переяславська Ніч“ и нѣк. другія. Всѣмъ этимъ произведеніямъ недостаетъ яркости и живости, хотя они весьма вѣрно изображаютъ историческую эпоху и характеры. Лучшее изъ всей этой исторической беллетристики и дра-

матургии Костомарова—повѣсть „Черниговка“. Писалъ Костомаровъ и стихи, почти исключительно на украинскомъ языкѣ. Стихи, какъ и у многихъ другихъ писателей, были его первыми литературными опытами. Мотивы для своей поэзи Костомаровъ заимствовалъ изъ античной старины, изъ народнаго пѣсеннаго творчества, изъ Байрона, Мицкевича. Въ общемъ стихи Костомарова представляютъ мало интереснаго и оригинальнаго и любопытны развѣ какъ отраженіе художественной натуры знаменитаго историка, которому тѣсно было въ рамкахъ специальныхъ ученыхъ изслѣдованій о предметахъ, такъ близко и живо волновавшихъ его умъ и сердце.

Историко-романтическій интересъ къ народной жизни не заслонялъ передъ Костомаровымъ интереса и любви къ живому народу съ его насущными потребностями, какъ это бываетъ съ иными учеными: передъ глазами Костомарова въ лучшіе годы его жизни стояла мрачная крѣпостная дѣйствительность, и тотъ самый народъ, чье героическое прошлое и драгоценную словесность онъ изучалъ, стоналъ подъ крѣпостнымъ ярмомъ. Историкъ и этнографъ выказалъ себя прежде всего гражданиномъ: Кирилло-мееодіевское братство, организація народнаго книгоиздательства въ 60-хъ годахъ, публицистическая дѣятельность занимаютъ его умъ на-ряду съ лѣтописями и сборниками народныхъ пѣсенъ. Въ своей публицистической дѣятельности въ „Основѣ“, „Вѣстникѣ Европы“ и др. изданіяхъ Костомаровъ защищалъ положеніе объ исторической національной самобытности украинскаго народа, защищая его и противъ сторонниковъ московскаго централизма, и противъ польскихъ претензій на Украину, какъ на нераздѣльную часть „исторической Польши“. Въ статьѣ „Двѣ русскія народности“ Костомаровъ доказываетъ разницу духовнаго склада украинцевъ и великоруссовъ; у первыхъ, по его мнѣнію, замѣчается перевѣсъ общинности, у вторыхъ—личной свободы; у великоруссовъ стремленіе къ единовластію и централизму, у украинцевъ—къ федерации; въ общественномъ укладѣ жизни первыхъ преобладаетъ тѣло, у вторыхъ—духъ... Таковую же глубокую разницу видѣлъ Костомаровъ между поляками и украинцами: „Это какъ бы двѣ близкія вѣтви, развившіяся совершенно противно: одни воспитали въ себѣ и утвердили начала панства, другіе—мужицтва“. Особенно замѣчательны блестящія статьи

Костомарова въ „Основѣ“ „Правда полякамъ о Руси“, „Правда москвичамъ о Руси“, „Выходки краковской газеты „Czas“ и др. Польскіе претензіи и аппетиты на украинскія земли вызвали со стороны Костомарова горячую отповѣдь на страницахъ герценовскаго „Колокола“ въ формѣ „Письма къ издателю“, заканчивающагося энергичной апострофой: „Пусть же ни поляки, ни великоруссы не называютъ своими земли, заселенныя украинскимъ народомъ!“

Въ своихъ послѣднихъ статьяхъ, печатавшихся вначалѣ 80-хъ годовъ на страницахъ „В. Европы“, Костомаровъ значительно сузилъ свои прежніе взгляды относительно рамокъ украинской литературы и ея общественно-національнаго значенія для украинскаго народа. Онъ признаетъ теперь за ней право на существованіе лишь въ узкихъ предѣлахъ простонародной литературы „для домашняго употребленія“ и отрицательно относится къ переводамъ европейскихъ классиковъ на украинскій языкъ; онъ признается, что „совершенно раздѣляетъ стремленіе видѣть украинскій языкъ развитымъ до такой степени, чтобы на немъ можно было излагать все принадлежащее сокровищницѣ культурной рѣчи; но для этого необходимо время и значительное развитіе умственнаго горизонта народа,—говоря такимъ образомъ, историкъ словно забывалъ, что иначе и нельзя расширить умственный горизонтъ народа, какъ только дѣлая доступнымъ для него всѣ богатства міровой литературы, посредствомъ переводовъ на родномъ языкѣ. Когда-то переводчикъ Байрона, онъ признаетъ теперь, что „для интеллигентнаго класса на Украинѣ такіе переводы совершенно не нужны, такъ какъ со всѣмъ этимъ онъ можетъ познакомиться или въ оригиналѣ, или въ переводѣ на русскій языкъ, такъ же хорошо ему знакомый, какъ и родное украинское нарѣчіе“. Защищая въ своихъ послѣднихъ статьяхъ украинское движеніе отъ нападковъ реакціонно-шовинистической русской прессы и обвиненій въ сепаратизмѣ, Костомаровъ старался доказать лояльность украинскаго движенія, его мирный культурническій характеръ, надѣясь разсѣять такимъ путемъ недовѣріе правительственныхъ сферъ къ украинству и добиться какихъ-нибудь облегченій для украинскаго слова. Этимъ желаніемъ „облѣить“ украинство въ глазахъ сильныхъ міра сего и объясняютъ обыкновенно суженіе Ко-

стомаровымъ его національной украинской программы. Какъ извѣстно, публицистическія писанія Костомарова не принесли облегченія для украинства, но зато освятили его авторитетомъ нападки враговъ украинскаго возрожденія.

Необыкновенно разносторонняя дѣятельность обнаруживаетъ въ Костомаровѣ въ высокой мѣрѣ сложную психическую организацію, показываетъ въ немъ широкій, свѣтлый умъ и горячее сердце. Не втунѣ употребилъ онъ свои богатые дарованія. Твореніями Костомарова, посвященными изученію исторіи украинскаго народа, еще долго будутъ вдохновляться поколѣнія украинскаго общества, черпая въ нихъ глубокую любовь къ своей народности и интересъ къ ея прошлымъ судьбамъ.

М. Жученко.

Земельная собственность въ Галиціи

(Къ исторіи землевладѣнія въ Галиціи).

(Продолженіе ¹⁾).

II. Проекты реформъ.

Изложенные въ первой части статьи цифры и факты о положеніи земельной собственности въ Галичинѣ даютъ, на мой взглядъ, достаточное основаніе для оцѣнки тѣхъ проектовъ реформъ, которыя въ послѣднее время возникли въ нашемъ обществѣ.

Прежде всего приведенными фактами и цифрами можно прочно обосновать положеніе, на первый взглядъ парадоксальное, но все-же правильное: мелкая земельная собственность, хотя она и ослаблена до крайности и при существующемъ административномъ укладѣ лишена поддержки, все-таки, несмотря на всѣ политическіе эксперименты, находится въ болѣе благопріятномъ экономическомъ положеніи, чѣмъ крупная; при наличности же болѣе соответственныхъ условій она не только не слабѣетъ, но крѣпнеть и процвѣтаетъ.

Укажу здѣсь на интересный фактъ, до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, не изслѣдованный ни генетически, ни экономически,—на фактъ все болѣе частыхъ и большихъ покупокъ помѣщичьихъ имѣній крестьянскими общинами.

Нѣкоторое представленіе объ этомъ явленіи дадутъ слѣдующія цифры. „Skorowidz“ (реестръ населенныхъ мѣстностей Галичины и Буковины) Оржеховскаго (1872 года) указываетъ 19 общинъ, купившихъ помѣщичью собственность, а именно 6 общинъ въ Новоторжскомъ, 2 въ Горлицкомъ, 2 въ Равскомъ, 2 въ Краковскомъ, 2 въ Величскомъ и по одной въ Сянокскомъ, Новосанчскомъ, Мысле-

¹⁾ См. „Укр. Жизнь“ январь, февраль 1915 г.

ничскомъ, Яворовскомъ и Снятынскомъ уѣздахъ; изъ этихъ уѣздовъ 5 можно считать польскими, а 5—украинскими.

Изданный въ 1886 году менѣ точный „Skorowidz“ Биго указываетъ такихъ общинъ уже 52, болѣею частью въ западныхъ уѣздахъ Галичины, а именно: въ Бохнинскомъ—9, въ Величскомъ—6, въ Хшановскомъ—5, въ Новосанчскомъ—4, въ Горлицкомъ—4, въ Санокскомъ—4, въ Лимановскомъ—3, въ Новоторжскомъ—2, въ Лискѣмъ—2, въ Сокальскомъ—4, въ Равскомъ—2, въ Мысленичскомъ, Бяльскомъ, Грибовскомъ, Мѣлецкомъ, Кроснянскомъ, Товмачскомъ и Бучачскомъ по одной общинѣ. Изъ этихъ 18 уѣздовъ 9 заселены почти исключительно поляками, а 9 можно считать украинскими. Въ польскихъ уѣздахъ покупателями явились 33 общины, а въ украинскихъ—19 общинъ.

Повторяю „Skorowidz“ Биго гораздо менѣ полонъ и точенъ, чѣмъ „Skorowidz“ Оржеховскаго, часто повторяетъ его ошибки, при многихъ деревняхъ не даетъ фамиліи помѣщика или даетъ несуществующаго (напр., при деревнѣ Стецева Снятынскаго уѣзда, въ которой помѣстье еще въ 1884 году закупила сельская община); поэтому болѣе точное изслѣдованіе числа помѣщичьихъ имѣній, закупленныхъ отдѣльными крестьянами, которыхъ я не считалъ, или крестьянскими товариществами, раздробленныхъ (парцелированныхъ) и обрабатываемыхъ сообща, превзошло бы цифру 60. Это значить, что на протяженіи послѣднихъ 15 лѣтъ число крупныхъ владѣній, приобрѣтенныхъ мелкою собственностью, возросло почти втрое.

[Только съ конца XIX столѣтія парцелляція и распродажа крупныхъ имѣній привлекла къ себѣ вниманіе галицко-польской интеллигенціи, главнымъ образомъ потому, что уменьшеніе крупной собственности должно имѣть своимъ слѣдствіемъ уменьшеніе политической силы польской шляхты въ Галичинѣ, особенно въ ея восточной половинѣ. Но лишь въ 1912 году появились двѣ работы польскаго статистика Оедора Бжескаго о парцелляціи крупной собственности въ Галичинѣ: одна—въ издаваемыхъ польскимъ Выдѣломъ Краевымъ во Львовѣ „Wiadomosciach statystycznych o stosunkach w Galicyi“, т. XXIII, и вторая, по-нѣмецки,—въ вѣнской „Statistische Monatschrift“, 1912, т. XXXVII, стр. 367—412. На основаніи этихъ работъ д-ръ Зенонъ Кузеля

написалъ небольшую статью подъ названіемъ „Парцелляція великої властности в Галичині“, помѣщенную въ апрѣльской книжкѣ журнала „Літературно-Науковий Вістник“, Кіевъ, 1914 г., стр. 155—166. Этой статьей я пользуюсь для настоящей замѣтки, дополняющей мое изслѣдованіе.

О работахъ г. Ө. Бжескаго д-ръ Кузеля довольно невысокаго мнѣнія. „Матеріаль, собранный авторомъ,—пишетъ онъ на стр. 155,—довольно неполный, а кое-гдѣ даже ненадежный и не даетъ возможности дѣлать вѣрные заключенія. Пользуясь главнымъ образомъ данными галицкаго кредитнаго банка (это, кажется мнѣ, ошибка—вмѣсто галицкаго кредитнаго земельного общества, о которомъ я неоднократно упоминалъ выше) и податныхъ учреждений, онъ нигдѣ не забываетъ отмѣтить различіе между восточной и западной Галичиной; однако, принимая во вниманіе територіальный моментъ, онъ нигдѣ не касается національных и вѣроисповѣдныхъ отношеній, что могъ бы отчасти сдѣлать, и потому его работа вышла какъ бы незаконченной“. Къ сожалѣнію, д-ръ Кузеля, хотя имѣлъ въ рукахъ довольно обстоятельныя работы г. Бжескаго, не попытался пополнить эти довольно существенные ихъ недостатки.

Изъ цифровыхъ данныхъ этой статьи отмѣчу здѣсь только самыя важныя для моей темы. Крупная собственность Галичины въ 1866 году обнимала 3.322,154, въ 1889 г.—3.090,974, а въ 1902 г.—2.918,630 гектаровъ, значить, въ продолженіе первыхъ 23 лѣтъ потеряла 231,180 гектаровъ, или въ среднемъ 1,005,₁₃ гектаровъ въ годъ, а въ продолженіе слѣдующихъ 13 лѣтъ—172,344 гектаровъ, или въ среднемъ 13,254,₉₇ гектаровъ въ годъ. По другимъ даннымъ, съ 1897 до 1910 года подверглось парцелляціи 1,058 имѣній съ площадью въ 705,510 гкт., изъ нихъ, однако же, парцеллировано и продано было 112,640 гкт. Крупная собственность уменьшилась, такимъ образомъ, на протяженіи этихъ 13 лѣтъ на это число гектаровъ или уменьшилась въ среднемъ на 8.664,₆₂ гкт. О цѣнахъ земли въ этотъ періодъ, о количествѣ капитала, вложеннаго мелкой собственностью на покупку крупныхъ имѣній, ни въ статьѣ д-ра Кузели, ни, кажется, также въ трудахъ г. Бжескаго нѣтъ никакого упоминанія] ¹⁾.

¹⁾ Эта замѣтка въ гранчатыхъ скобкахъ есть новое прибавленіе къ моей давнишней работѣ и была написана 11—12 декабря 1914 г.

Разсматривая проекты реформы или, вѣрнѣе, „спасенія“ нашей земельной собственности, я обойду молчаніемъ предпріятыя въ этихъ цѣляхъ законодательныя мѣры, которыя обыкновенно умышленно или вопреки намѣренію законодателя оказывались вредными мелкой собственности, не принося вмѣстѣ съ тѣмъ желаемой пользы и крупной. Я имѣю здѣсь въ виду устраненіе обязательной процентной нормы и узаконеніе свободы ростовщичества галицкимъ сеймомъ въ 1868 году, основаніе краевого (провинціального) банка изъ краевыхъ фондовъ для обслуживания преимущественно крупной собственности, пересмотръ земельного кадастра и переоцѣнку доходности земель, завершенную въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. При этой переоцѣнкѣ, какъ извѣстно, получились совершенно неожиданные результаты: стоимость крупной собственности была опредѣлена ниже суммъ, полученныхъ подъ ея залогъ; вслѣдствіе этого почти полтора милліона земельного налога ежегодно взвалено на мелкую собственность,—болѣе того, что ей слѣдовало уплачивать. Негласные и необсуждаемые публично, не основанные ни на какой теоріи, эти опыты, проводимые всякими правдами и неправдами, спасенія крупной собственности были не только безнравственны, но также безуспѣшны, потому что они противорѣчили историческому развитію, которое, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ настоящей статьи, подчиняетъ вліянію капитализма сильнѣе крупную, нежели мелкую собственность. Нѣтъ сомнѣнія, что эпоха такихъ опытовъ еще не миновала, хотя ихъ безуспѣшность должна была научить, что они бесполезны или даже вредны. Можно ожидать созданія цѣлаго ряда проектовъ въ этомъ родѣ. Но все-таки слѣдуетъ замѣтить, что рядомъ съ этими узко-классовыми стремленіями явились уже и болѣе широкіе проекты либо частичныхъ, либо болѣе общихъ реформъ нашихъ земельныхъ отношеній. Этимъ проектамъ я хочу посвятить здѣсь нѣсколько замѣчаній.

Прежде всего нужно отмѣтить тотъ фактъ, что почти всѣ проекты этого рода выходили у насъ до сихъ поръ изъ рядовъ такъ-называемаго консервативнаго, вѣрнѣе—шляхетскаго лагеря. Явленіе вполне естественное, потому что эта группа по преимуществу „землянская“, живетъ въ деревняхъ, въ непосредственномъ соприкосновеніи съ „грун-

том“ и въ зависимости отъ него и поэтому скорѣе и живѣе должна чувствовать современный земельный кризисъ. Являясь наиболѣе просвѣщенной среди другихъ группъ сельскаго населенія, эта группа первая имѣла возможность взглянуть на дѣло съ болѣе общей точки зрѣнія и дать тотъ или другой синтезъ фактовъ. Но, съ другой стороны,—консервативность этой общественной группы ставила его синтезу довольно тѣсныя границы. Почти всѣ проекты, вышедшіе изъ ея рядовъ, зиждутся на незыблемой основной допмѣ, продиктованной какъ бы глухимъ инстинктомъ самосохраненія; ее можно формулировать словами одного краковскаго профессора: „каждое общество должно оберегать у себя самостоятельное существованіе въ цѣлой странѣ бокъ-о-бокъ мелкой и крупной (иногда прибавляется еще и „средней“, хотя она, по мнѣнію нашихъ консерваторовъ, у насъ почти не существуетъ) земельной собственности, должно стремиться къ тому, чтобы земля была раздѣлена главнымъ образомъ между этими тремя категоріями собственности“¹⁾.

Не входя пока въ разсмотрѣніе мотивовъ, по которымъ, по мнѣнію нашихъ консерваторовъ, общество должно стремиться къ поддержанію такого раздѣленія земельной собственности, посмотримъ, какія мѣры предлагаются для достиженія этой цѣли.

Наиболѣе консервативнымъ мнѣ кажется проектъ реформы наслѣдственнаго права въ томъ направленіи, чтобы или совсѣмъ, или частично запретить дѣленіе земли въ духовныхъ завѣщаніяхъ. Земельная собственность, соотвѣтственно этому проекту, послѣ смерти отца переходила бы только къ одному сыну; прочіе родственники должны довольствоваться выплатой и искать постоянного занятія въ промышленности, торговлѣ и т. п. Этотъ проектъ, какъ видимъ, на бумагѣ очень хорошъ, и противъ него можно бы сказать лишь только то, что онъ игнорируетъ прошлое, настоящее и будущее. Игнорируетъ прошлое, потому что во времена барщины и позже мы имѣли формальную недѣлимость рустикальныхъ земель на бумагѣ, но несмотря на нее крестьяне tacite дѣлили свои земли, какъ это видно изъ данныхъ о раздробленіи мелкой собственности, ука-

¹⁾ D-r Jozef Mjlewski, „Prawo spadkowe a własność“ въ журналѣ „Przegląd Polski“, 1885 г. январская книжка, стр. 95.

занныхъ въ предыдущей главѣ настоящей статьи. Игнорируетъ настоящее, именно обычное право народа, по которому каждый сынъ имѣетъ право на часть отцовской земли. Игнорируетъ дѣйствующій теперь въ Австріи наслѣдственный законъ, по которому, несмотря ни на какія завѣщанія послѣ смерти родителей, все ихъ имущество переходитъ ко всѣмъ ихъ законнымъ дѣтямъ „для равнаго дѣлежа“. Игнорируетъ кромѣ того то обстоятельство, что уже теперь мелкая собственность дошла до такого раздробленія, что ея существованіе въ теперешнемъ состояніи не то, что нежелательно, но даже и почти невысказуемо, такъ какъ это собственно не существованіе, а медленное вымирание громаднаго большинства населенія страны при маломъ ростѣ средней собственности. Игнорируетъ этотъ проектъ ничѣмъ неудержимую силу современнаго капитализма, которая не допуститъ никакого общественнаго законствѣнія и замораживанія и жестоко мститъ за всякія попытки въ этомъ направленіи. Игнорируетъ, наконецъ, будущее, потому что для осуществленія своей *idée fixe* удаляетъ большинство населенія отъ земли и выбрасываетъ ихъ въ темный уголь, именуемый промышленностью и торговлей,—понятія, которыми оперировать у насъ очень легко уже хотя бы потому, что у насъ они до сихъ поръ не существуютъ. А какое значеніе имѣлъ бы этотъ проектъ для крупной собственности, кромѣ непрерывной доставки дешевыхъ и покорныхъ работниковъ и батраковъ, насколько онъ могъ бы предотвратить ея концентрацію и возникновеніе опасныхъ съ общественной точки зрѣнія латифундій, тѣмъ болѣе опасныхъ, что онѣ принадлежатъ почти исключительно иностранцамъ или евреямъ,—относительно всего этого я до сихъ поръ не могъ получить никакого представленія изъ публикацій нашихъ консерваторовъ.

Къ тому же разряду консервативныхъ, хотя уже съ нѣкоторыми уступками въ пользу новыхъ экономическихъ направленій, принадлежитъ проектъ устройства также съ помощью соотвѣтствующей реформы наслѣдственного закона крестьянскихъ майоратовъ или вотчинъ по образцу американскихъ *homestead*, которыхъ крестьянинъ не могъ бы ни дѣлить, ни отдавать въ залогъ ¹⁾. Этотъ проектъ отличается отъ предыдущаго тѣмъ, что понятіе вотчины

¹⁾ D-r Rauch. O projekcie wydzowym zmiany przepisów podziału dziedzictwa („Przegląd sondowy i administracyji“, 1887, I).

ограничиваетъ извѣстнымъ *minimum*’омъ, какъ бы для сохраненія „здоровой“ средней собственности. Проектъ д-ра Пейера, предложенный правительству въ 1884 году, устанавливаетъ минимальную вотчину, въ размѣрѣ земельного имущества, доходъ котораго по кадастральной оцѣнкѣ равнялся бы 50 гульд. въ годъ или кадастральная стоимость котораго (годовой доходъ помноженный на 20) представляла бы сумму 1,000 гульд. Для галицкихъ отношеній это равнялось бы 10—15 морг. земли. Но этотъ проектъ, не допускающій дробленія мелкихъ владѣнй въ Галичинѣ, является непрактичнымъ по двумъ причинамъ. Съ одной стороны, громадное большинство крестьянскихъ земель, раздробленныхъ уже ниже объема 10 морговъ, пройдетъ сквозь него какъ мелкое зерно сквозь рѣдкое рѣшето, не получая отъ него никакой пользы. Съ другой стороны, этотъ проектъ совершенно не препятствуетъ возникновенію латифундій, т.-е. всасыванію мелкихъ собственности крупными и концентраціи ихъ въ рукахъ все меньшаго числа богачей, капиталистовъ и спекулянтовъ. Между тѣмъ созданіе вотчинъ на предлагаемыхъ условіяхъ замыкаетъ имъ доступъ къ ипотечному кредиту и *eo ipso* дѣлаетъ невозможнымъ всякое улучшеніе ихъ хозяйства, всякій прогрессъ въ производствѣ. Мнѣ кажется, что радость, которую высказываетъ въ своей статьѣ д-ръ Раухъ, излагая благодѣянія этого проекта и идиллическое состояніе крестьянина, который будто бы такъ сильно полюбитъ „тотъ кусокъ земли, на которомъ родились его дѣдъ и прадѣдъ“, по меньшей мѣрѣ преждевременна, пока этотъ кусокъ земли кромѣ идиллическихъ семейныхъ воспоминаній не дастъ крестьянину возможности успѣшно вести хозяйство и жить по-человѣчески, сообразно съ требованіями современной цивилизаціи.

Чтобы достичь тѣхъ сомнительныхъ результатовъ, которые предполагаются консерваторами въ ихъ проектахъ, имъ всегда нужно найти средство избавиться отъ населенія. Этому населенію они рекомендуютъ заниматься промышленностью или торговлей, хотя имъ хорошо извѣстно, что ни промышленности, ни торговли, гдѣ бы можно было дать занятіе милліонамъ рукъ, ни къ чему специально не подготовленныхъ, у насъ теперь нѣтъ и даже на ихъ развитіе въ будущемъ нѣтъ надежды. Имъ хорошо извѣстно, что Галичина—страна экономически зависимая отъ западныхъ ка-

питаловъ, рынковъ и продуктовъ и что всѣ опыты эмансипаціи отъ этихъ вліяній до сихъ поръ терпѣли и еще долго будутъ терпѣть прискорбное фіаско. Имъ хорошо извѣстно, что даже такіе „коренные“ промыслы, какъ нефтяной, соляной или водочный обрѣтаются въ чужихъ рукахъ (соляной и табачный составляютъ монополію центрального правительства) или находятся въ упадкѣ вслѣдствіе „благопріятной для края“ экономической политики центрального правительства. Я не сомнѣваюсь, что расчеты нашихъ консервативныхъ реформаторовъ вызваны лишь страхомъ увидѣть рядомъ съ нѣсколькими десятками тысячъ малоимущихъ, но къ землѣ прикрѣпленныхъ вотчинниковъ милліоны деревенскаго пролетаріата, хлѣбопашцевъ безъ земли, обобранныхъ и обиженныхъ. А между тѣмъ это было бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всѣхъ консервативныхъ проектовъ.

Эти проекты, какъ видимъ, насквозь филантропическіе, продиктованные любовью къ простонародью. „Старѣйшая братія“, видя, какъ сильно бѣдствуетъ это простонародье, доводимое до разоренія частыми бѣдствіями, напрягаетъ свои мысли, свой проницательный умъ, дабы найти средство удержать этотъ народъ на краю пропасти. Основаніе этихъ проектовъ—убѣжденіе, такъ краснорѣчиво высказанное Карломъ Пейеромъ въ его отчетѣ, предложенномъ правительству: „Въ экономическихъ дѣлахъ галицкій крестьянинъ еще теперь равенъ дитяти. На своемъ, какъ общеизвѣстно, чрезвычайно низкомъ культурномъ уровнѣ онъ, за рѣдкими изъятіями, не обнаруживаетъ никакой экономической предусмотрительности; къ тому прибавляется его неукротимая страсть къ пьянству и къ легкомысленному одалживанію денегъ“ (Den, Kschrift, стр. 31). „Старѣйшая братія“, сама образцово хозяйственная, просвѣщенная, зажиточная и экономически развитая, старается помочь этому дитяти вести за руку незрячаго, останавливать и остепенять легкомысленнаго и неисправимаго пьянчугу. Прямо патріархальныя отношенія!

Но вотъ среди этой старѣйшей братіи почти одновременно съ разсмотрѣнными здѣсь проектами выдвигаются другіе, совсѣмъ не патріархальные, но прямо противоположные предыдущимъ. Эти проекты провозглашаютъ не болѣе не менѣе, какъ только нерадостное требованіе: не мелкую, но крупную собственность нужно спасать отъ пе-

рехода въ чужія еврейскія или нѣмецкія руки! А спасти ее можно и слѣдуетъ только однимъ и единственнымъ образомъ—раздробляя ее и частицами продавая тѣмъ самымъ крестьянамъ. Крестьянская собственность только тогда станетъ сильной, когда поглотитъ господскую, а господа, имѣя капиталъ, полученный отъ ея продажи, займутся промышленностью и торговлей. „Парцелляція, вотъ теперешняя общественная программа!“ — провозглашаетъ варшавская „Niwa“, органъ аграріевъ Царства Польскаго, а вслѣдъ за ней также нѣкоторые галицко-польскіе экономисты. Старѣйшая братія вдругъ изъ патріарховъ и спасителей простонародія обращается въ банкротовъ и расточителей своихъ вотчинъ, которые единственный путь спасенія своей земли видятъ въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе сбыть ее съ своихъ рукъ и отдать въ руки „хлопскія“, повидимому, болѣе надежныя. Очевидно, такая программа должна проистекать изъ убѣжденія прямо противоположнаго вышеизложенному, а именно изъ того убѣжденія, что „хлопъ“—болѣе здоровый и устойчивый элементъ, чѣмъ шляхтичъ, и что мелкая собственность должна поглотить крупную. Цифры, приведенныя въ первой главѣ настоящей статьи, указываютъ, что такой взглядъ не лишенъ нѣкоторыхъ основаній; такъ какъ мелкая собственность въ Галичинѣ менѣе обременена долгами и не такъ часто мѣняетъ собственниковъ, значить, и экономически, и національно болѣе консервативна, чѣмъ крупная. Но отъ этого вѣрнаго замѣчанія до построения программы практической дѣятельности еще очень далеко, и польскіе экономисты и политики, сколько мнѣ извѣстно, не сдѣлали ни одного шага въ этомъ направленіи.

„Парцелляція, какъ общественная программа!“ Какія послѣдствія долженъ привести за собой такой кличъ? Прежде всего исполненіе этой программы будетъ зависѣть отъ доброй воли крупныхъ землевладѣльцевъ, захотятъ ли или не захотятъ они свои благоустроенныя богатые и доходныя помѣстья продавать въ разбивку и на раздробленіе только потому, что ихъ сосѣди—плохіе хозяева; не говорю уже о патріотическихъ мотивахъ, которые всегда уступаютъ передъ экономическими интересами. Съ другой стороны, является вопросъ, имѣютъ ли крестьяне возможность покупать господскіе участки. Банковъ кредитъ, пущенный въ дѣло какъ пособіе крестьянамъ для этой цѣли, можетъ

такъ же, какъ и теперь, вмѣсто помощи приносить имъ разореніе. Впрочемъ, эта „общественная программа“ замѣчательна особенно тѣмъ, что при всеобщей свободѣ конкуренціи настужеъ открываетъ дверь всяческому обману, одуриванію людей, спекуляціи и переходу земли въ руки ту-неядцевъ и иностранцевъ. Какую пользу отъ проведенія въ жизнь этой программы можетъ имѣть общество, объ этомъ и говорить нечего. На мой взглядъ, это скорѣе проявленіе отчаянія и чувства безвыходности, чѣмъ порожденіе здоровой, спокойной и ясной общественной мысли.

Правительственнаго проекта коммассаціи земель, о которомъ въ началѣ 80-хъ годовъ шли довольно оживленные толки и отъ котораго, за неимѣніемъ ничего лучшаго, кое-кто надѣялся Богъ вѣсть какого добра, я не буду разбирать; онъ, наподобіе евангельскаго господина, „имущему даетъ еще больше того, что онъ имѣетъ, а отъ неимущаго отымаетъ и то, что ему мнится имѣть“, т.-е. повышаетъ доходность земель того, у кого ея мало, въ силу необходимости самаго коммассаціоннаго процесса выбрасывая его за периферію большихъ комплектовъ, обыкновенно на земли наименѣе плодородныя и наименѣе воздѣланныя. А у кого изъ крестьянъ нѣтъ никакихъ земельныхъ участковъ,—напр., у такъ-называемыхъ халупниковъ, имѣющихъ только домъ съ небольшимъ огородомъ,—тому и коммассировать нечего и никакая коммассація ему не поможетъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ всѣ возникшіе у насъ до сихъ поръ и подвергшіеся публичному обсужденію проекты реформы отношеній нашей земельной собственности.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ).

Д-ръ Иванъ Франко.

Украинская кооперація въ Галичинѣ

(Окончаніе ¹⁾).

Потребительная кооперація въ Галиціи развита значительно слабѣе кредитной. До послѣднихъ годовъ единственнымъ потребительнымъ кооперативомъ была и оставалась лишь только „Народня Торговля“, основанная въ 1883 году. Развѣтіе потребительной коопераціи встрѣчаетъ большія трудности въ конкуренціи частной торговли, которая въ краѣ очень развита, въ привычкѣ населенія покупать въ кредитъ и въ отсутствіи капиталовъ и подготовленнаго торговаго персонала, который особенно важенъ въ организаціи такого сложнаго дѣла, какимъ является потребительная кооперація. Благодаря всѣмъ этимъ причинамъ потребительная кооперація не можетъ развиваться достаточно успѣшно и стоитъ значительно ниже кредитной.

Первыми кооперативными организаціями потребителей, если не считать „Народной Торговли“, были лавки при читальняхъ „Просвіти“. Число ихъ достаточно значительно, но какъ въ кредитной коопераціи „читальняні“ кассы, такъ и въ потребительной „читальняні“ лавки имѣютъ подчиненное значеніе. Онѣ не располагаютъ сколько-нибудь значительными капиталами, оборотъ ихъ не великъ, и многія изъ нихъ существуютъ лишь только на бумагѣ. Къ 1912 году „читальняних“ лавокъ по отчету „Просвіти“ насчитывалось 540, но болѣе подробныя цифровыя данныя имѣются въ отчетѣ лишь о 73. Эти 37 „читальняних“ лавки имѣли 2,744 члена при капиталѣ 25,334 кр.; въ 1910 г. куплено ими товаровъ на 354,653 кр., продано на сумму 430,190 кронъ.

Основой потребительной коопераціи являются зарегистрированныя потребительныя Общества; въ 1911 г. такихъ Обществъ было 37 при 3,488 членахъ, собственный капиталъ—13,443 кр. при товарномъ оборотѣ 1.442,769 кр.

¹⁾ См. „Украинская Жизнь“ 1915, № 3—4.

Кромѣ того, необходимо упомянуть о потребительныхъ отдѣленіяхъ при кооперативахъ, преслѣдующихъ инныя задачи; такихъ отдѣленій въ 1911 г.—38.

Недостаточное сравнительно развитіе потребительной коопераціи компенсируется до извѣстной степени дѣятельностью обширнаго и богатаго перваго украинскаго потребительнаго Общества „Народня Торговля“ съ его 18 отдѣленіями во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ украинской Галичины. Въ 1911—12 г. „Народня Торговля“ имѣла 1,257 членовъ, въ томъ числѣ 47 кооперативовъ и Обществъ; товарный оборотъ „Народной Торговли“ въ 1911—12 г. достигалъ почтенной цифры—2.461,447 кр. „Народня Торговля“ играетъ роль объединяющаго центра какъ для украинской потребительной коопераціи, такъ и вообще для украинской торговли. Она является для нихъ центральнымъ складомъ, поставляетъ для нихъ обученный торговый персоналъ и т. д. Въ дѣятельности ея мы видимъ любопытное и едва ли возможное при иныхъ условіяхъ объединеніе интересовъ украинскаго частнаго и кооперативнаго торговаго предпринимательства, такъ какъ она обслуживаетъ въ одинаковой степени интересы и того, и другого. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ случаѣ развитія потребительной коопераціи „Народня Торговля“ принуждена будетъ реформировать свою дѣятельность и ограничить свою задачу ролью центра лишь для кооперативныхъ организацій.

Нужно отмѣтить отдѣльныя потребительныя организаціи, играющія роль въ созданіи и поддержаніи національной промышленности. Къ нимъ слѣдуетъ отнести „Союзный Базар“ во Львовѣ и „Народный Базар“ въ Перемышлѣ, ведущіе между прочимъ торговлю предметами украинской домашней промышленности, и „Народню Гостиницю“ во Львовѣ,—кооперативная украинская гостиница, ресторанъ и кафе.

Къ послѣднимъ годамъ передъ войной въ Галичинѣ началась организація кооперативовъ, имѣющихъ въ виду болѣе сложныя задачи и вниѣдряющихся болѣе глубоко въ крестьянское хозяйство. Организація кооперативовъ этого типа, хотя началась очень недавно, сдѣлала большіе успѣхи, и передъ ними лежалъ широкій путь развитія. Война приостановила эту творческую работу. Къ кооперативамъ этого типа относятся маслослѣбныя артели, кооперативы для продажи скота, для покупки и продажи продуктовъ сельскаго хозяйства и т. д.

Особенно интенсивно начала развиваться въ Галичинѣ организація маслодѣльныхъ артелей. Маслодѣльные артели, какъ и прочія кооперативныя организаціи, начали основываться при читальняхъ „Просвіти“, но этотъ типъ организаціи оказался неудобнымъ, и въ дальнѣйшемъ артели организуются въ формѣ зарегистрированныхъ товариществъ по закону 1873 г. Первая артель была основана въ 1901 г.; къ 1912 году ихъ было уже 81, причемъ $\frac{3}{4}$ основаны въ 1907—1911 гг. Въ 1911 г. въ 81 артели переработано 6.277,237 литровъ молока, произведено масла 250,014 клг., уплачено за молоко 537,665 кр.

Молочныя артели объединены въ „Молочарськом Союзѣ“, который, кромѣ осуществленія задачъ организаціонныхъ и инструкторскихъ, производитъ также сбытъ артельныхъ продуктовъ.

Въ союзѣ въ 1911 г. было 264 члена (частныхъ лицъ и артелей); товарный оборотъ его равнялся 1.161,881 кр.; союзъ имѣетъ въ краѣ 7 складовъ, собственный домъ и холодильникъ для масла.

Кромѣ артелей, объединенныхъ въ украинскомъ кооперативномъ центрѣ, было въ 1911 г. 25 украинскихъ артелей при патронатѣ. Еще позже, чѣмъ организація маслодѣльныхъ артелей, началась въ краѣ организація кооперативовъ по сбыту скота. Инициатива созданія этихъ кооперативовъ принадлежала „Сельскому Господарю“ и относится къ 1910 г. Къ концу 1911 г. было основано уже 62 такихъ кооператива; въ томъ же 1911 г. было создано центральное объединеніе для кооперативовъ этого рода, „Союз для збуту худоби“. Въ 1912 г. союзные кооперативы выслали на рынокъ 72,879 штукъ свиней, 63 штуки рогатаго скота, 633 шт. овецъ и 32 шт. гусей, всего 73,607 шт. Торговый оборотъ союза равнялся 6.070,882 кр. Въ 56 союзныхъ кооперативахъ состояло къ 1912 г. 29,965 членовъ, капиталовъ въ паяхъ было 39,628 кр., въ резервномъ фондѣ—32,980 кр.

Послѣдними по времени возникновенія являются въ Галичинѣ кооперативы для продажи и покупки продуктовъ сельскаго хозяйства.

Первыя попытки въ организаціи сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства относятся къ началу девятисотыхъ годовъ, но болѣе широкій характеръ эта работа приняла лишь въ послѣдніе годы. Еще съ 1903 г. въ Перемышлѣ существо-

вала для этой цѣли „Спілка для господарства і торгівлі“, въ 1908—9 годахъ организаціей посредничества по покупкѣ и сбыту занималась также „Просвіта“.

Но болѣе широкіе размѣры организація сбыта приняла лишь съ 1911 г. Въ этомъ году по инициативѣ „Сільського Господаря“ возникъ „Краєвий Союзъ господарсько-торговельнихъ спілок“, съ которыми слилась перемышльская „Спілка для господарства и торгівлі“. „Краєвий союзъ господарсько-торговельнихъ спілок“, объединяя какъ Общества, такъ и частныхъ лицъ, ставитъ своей задачей производство торговли предметами, необходимыми въ сельскомъ хозяйствѣ и организацію сбыта и переработки сельскохозяйственныхъ продуктовъ; для осуществленія этихъ задачъ онъ основываетъ склады, агентства, с.-х. Общества и инструктируетъ ихъ. Въ составъ союза входятъ пока-что главнымъ образомъ частныя лица, такъ какъ организація кооперативовъ этого типа лишь недавно началась; къ 1913 г. въ союзѣ состояло 481 членъ, въ томъ числѣ 66 Обществъ и кооперативовъ. Оборотъ союза по продажѣ продуктовъ сельскаго хозяйства въ 1912 г. равнялся 80,841 кр. Оборотъ по покупкѣ предметовъ, необходимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, былъ значительно больше: искусственнаго удобренія было закуплено и продано на 237,305 кр., сѣмянъ на 119,539 кр., машинъ и с.-х. орудій на 81,691 кр., желѣзныхъ товаровъ на 50,467 кр.

Организація кооперативовъ для продажи и покупки предметовъ сельскаго хозяйства въ результатѣ энергичной работы союза шла достаточно интенсивно; къ 1913 г. было уже организовано 28 кооперативовъ; болѣе подробныхъ данныхъ объ этихъ новыхъ кооперативахъ въ виду недолгаго существованія ихъ мы привести не можемъ.

Въ отдѣльную группу кооперативовъ необходимо выдѣлить два украинскія товарищества взаимнаго страхованія: „Дністер“ и „Карпатія“. „Дністер“ является одной изъ первыхъ украинскихъ финансовыхъ организацій и функціонируетъ съ 1892 г.; „Карпатія“ основана въ 1911 г. „Дністер“ ограничиваетъ свои операціи страхованіемъ отъ огня и за двадцать съ лишнимъ лѣтъ своего существованія развилъ дѣятельность въ этомъ направленіи очень широко; сумма всѣхъ фондовъ Общества въ 1912 г. равнялась 3.353,304 кр.; принято было въ 1912 г. 242,455 страхованій зданій, 20,315 страхованій посѣвовъ и прочихъ

движимостей—9,433. „Карпатія“ производит операції по страхованію жизни; первые шаги ея въ этомъ направленіи были вполне успѣшны; за первый отчетный годъ, 1911—12, Общество заключило 1,260 страхованій на общую сумму 3.972,500 кр. Въ послѣдніе годы сдѣланы были шаги для организаціи кооперативнаго страхованія скота; въ 1911 г. существовало 11 сельскихъ незарегистрованныхъ товариществъ по страховкѣ скота; въ нихъ было застраховано около двухъ тысячъ головъ скота; въ послѣднее время было предпринято распространеніе этихъ товариществъ.

Кромѣ кооперативовъ, ставящихъ себѣ опредѣленныя задачи въ дѣлѣ организаціи производства или сбыта, въ Галичинѣ существуетъ рядъ кооперативовъ, почти неизвѣстныхъ русскому кооперативному движенію. Это—такъ-называемые универсальные кооперативы, имѣющіе цѣлый рядъ отдѣловъ и ведущіе самыя различныя операціи.

Такихъ кооперативовъ въ 1911 г. было 56; среди нихъ было: кредитно-потребительныхъ кооперативовъ—24, кредитно-молочныхъ—9, кредитно-торговыхъ—1, кредитныхъ и по совмѣстной выработкѣ черепицы—3, кредитно-молочно-потребительскихъ—4, кредитныхъ, молочныхъ, торговыхъ и арендныхъ—1 и т. д. Во всѣхъ кооперативахъ было 123 отдѣла, въ томъ числѣ кредитныхъ—46, потребительныхъ—38, молочныхъ—20, по выдѣлкѣ черепицы—8, торговыхъ—4, по сбыту хлѣба—1, арендныхъ—1, по сбыту скота—1, по содержанію трактировъ—4. Членовъ въ этихъ кооперативахъ въ 1911 г. насчитывалось 9,489 при капиталѣ въ 208,228 кр. и оборотахъ кассовыхъ въ 7.834,855 кр. и товарномъ въ 1.797,381 кр.

Эти сложные кооперативы развиваются въ достаточной степени благопріятно и нѣкоторые изъ нихъ весьма любопытны по сложности тѣхъ операцій, которыя они осуществляютъ. Особо выдѣлить изъ этого разряда кооперативовъ необходимо парцелляціонное товарищество „Земля“, имѣющее важное національное значеніе. Цѣль товарищества—посредничество для своихъ членовъ при покупкѣ и продажѣ земли.

Его задача—способствовать, съ одной стороны, увеличенію землевладѣнія украинскаго крестьянства, съ другой стороны—не допускать перехода украинской земли въ чужія руки. Это товарищество, функціонирующее съ 1907 г. по

1912 г., приобрѣло въ собственность или получило на комиссію 4,523 морга земли, которая въ значительной степени уже распродана крестьянамъ.

Украинское кооперативное движеніе Галичины въ его цѣломъ объединено въ одну общую организацію. Мы уже упоминали о центральныхъ организаціяхъ для отдѣльныхъ родовъ кооперативовъ. Эти организаціи слѣдующія: для кредитныхъ кооперативовъ—„Краевій Союзъ Кредитовій“, для потребительныхъ—„Народня Торговля“, для молочныхъ—„Краевій Союзъ господарсько-молочарський в Стрию“, для кооперативовъ по сбыту скота—„Союзъ для збуту худоби“, для торговыхъ кооперативовъ—„Краевій Союзъ господарсько-промисловихъ спілок“. Рядомъ съ этими объединеніями существуетъ украинское общеккооперативное объединеніе—„Краевій Союзъ ревизійний“.

Непосредственной причиной организаціи „Краевого Союзу ревизійного“ было изданіе закона 1903 г. о ревизіи кооперативовъ. По этому закону каждый кооперативъ одинъ разъ въ два года долженъ быть обревизованъ. При этомъ кооперативы, которые не принадлежатъ ни къ союзамъ, ни къ краевой кооперативной организаціи, подлежатъ ревизіи торговыхъ судовъ.

Для производства этихъ ревизій и былъ основанъ въ 1904 г. „Краевій Союзъ Ревизійний“. Въ задачи его входитъ производство ревизій, представительство интересовъ кооперативовъ передъ властью и парламентомъ, инструкторская и организаціонная помощь союзнымъ кооперативамъ. Каждый кооперативъ долженъ принадлежать какъ къ своему спеціальному союзу, такъ и къ центральному; союзъ принимаетъ въ кооперативы членовъ лишь по порученію ихъ спеціальныхъ союзовъ. Распредѣленіе организаціонной и инструкторской работы между центральными и спеціальными союзами основано на томъ принципѣ, что „Краевій Союзъ Ревизійний“ ограничивается лишь производствомъ судебныхъ ревизій и веденіемъ работы, касающейся одинаково кооперативовъ всѣхъ видовъ. Работа по инструктированію и организаціи отдѣльныхъ видовъ кооперативовъ лежитъ на обязанности спеціальныхъ союзовъ.

Къ „Краевому Союзу Ревизійному“ въ 1912 г. принадлежало 557 товариществъ; смѣта союза въ 1913 г. равнялась: доходы—52,721 кр., расходы—64,053 кр.

**
*

Рядъ цифръ, приведенныхъ выше, далъ намъ общій очеркъ положенія украинской коопераціи въ Галичинѣ. Къ сожалѣнію, цифры всегда остаются цифрами, и трудно представить, имѣя сухія статистическія данныя, то живое содержаніе, которое скрывается за ними. Но для того, кто знакомъ съ общественными социальными отношеніями въ украинской Галичинѣ, эти мертвыя цифры должны ожить. Необходимо припомнить, при какихъ условіяхъ развивается кооперативное движеніе въ Галичинѣ, чтобы оцѣнить всю значительность достигнутыхъ результатовъ. Не такъ давно среди поляковъ было ходячимъ мнѣніе о томъ, что „Russini—to są chłopy i ropi“; мнѣніе это до извѣстной степени остается правильнымъ и до настоящаго времени; по переписи 1900 г., 93,3% украинскаго населенія Галичины и Буковины занимается земледѣліемъ, принадлежитъ къ крестьянству; а о томъ, каково положеніе крестьянства въ Галичинѣ, мы упоминали въ началѣ нашего очерка: почти 50% его находится въ положеніи полупролетаріевъ. И это экономически слабое населеніе смогло создать за короткое время цѣлую сѣть кооперативныхъ организацій, нашло для нихъ средства и капиталы, сумѣло выдѣлить изъ своей среды сотни и тысячи кооперативныхъ работниковъ, которые подняли на своихъ плечахъ всю сложную и трудную работу кооперативныхъ будней и несутъ ее съ выдающимся успѣхомъ.

При этомъ ни на минуту нельзя забывать, что вся эта работа велась и ведется при общественно-политическихъ условіяхъ, отнюдь не благопріятныхъ для нея. Политика краевого правительства и мѣстныхъ руководящихъ сферъ ставила препятствія этой работѣ, оказывала ей прямое противодѣйствіе, но всѣ эти трудности были превзойдены.

При наличности всѣхъ этихъ условій достигнутые результаты нельзя не признать цѣнными. Въ Галичинѣ общее число кооперативовъ, зарегистрированныхъ на украинскомъ языкѣ, равнялось 1,116 при 3,379 тыс. украинскаго населенія. Между тѣмъ, если мы сравнимъ это число съ данными о развитіи коопераціи въ трехъ сосѣднихъ губерніяхъ російской Украины, то это сравненіе будетъ не въ пользу послѣдней.

Къ 1 января 1914 г. было:

Губ.	Потребит. Обществъ.	Кредит. тов.
Волынская	98	218
Кіевская	657	144
Подольская	643	300

Приведенныя цифры относятся къ 1913 г., данныя о Галичинѣ взяты на два года раньше. Если бы мы имѣли въ распоряженіи цифры одинаковыхъ годовъ, разница была бы еще разительнѣе. Кооперация въ русской Украинѣ развивается при наличности болѣе благопріятнаго экономическаго положенія населенія и при значительной поддержкѣ правительства (кредитная кооперация) и земства. Въ Галичинѣ всего этого нѣтъ, она имѣетъ только одно преимущество—наличность національной и политической свободы, которая не могла быть уничтожена политикой правящихъ польскихъ круговъ.

Развитіе кооперации въ Галичинѣ—результатъ работы послѣднихъ лѣтъ. Она стояла въ началѣ своего пути, и дальнѣйшая ея исторія, если бы не стала теперь передъ ней *vis major*—европейская война,—была бы весьма любопытной для кооператора и для изслѣдователя національнаго возрожденія украинскаго народа. Мы подчеркнули въ началѣ нашего очерка, что кооперативное движеніе и его задачи для практиковъ украинской кооперации представлялись нѣсколько отличными отъ обычнаго пониманія этихъ задачъ.

Кооперативное движеніе отождествлялось съ экономическимъ возрожденіемъ украинскаго народа, и въ связи съ этимъ господствовало терпимое отношеніе къ украинскому частному предпринимательству, поскольку такое существовало, наблюдалось мирное сожительство организацій чисто кооперативныхъ организацій, по существу своему имѣющихъ чисто капиталистическія задачи. Укажемъ для примѣра на отношенія, существующія между кооперативными организаціями и „Земельнимъ Банкомъ ипотечнимъ“,—организаціей, задачи которой имѣютъ мало общаго съ кооперацией. Поскольку дальнѣйшее развитіе украинскаго народа неминуемо должно было бы вызвать и усложненіе его соціальной структуры, постольку мы, несомнѣнно, могли бы наблюдать въ кооперативномъ украинскомъ движеніи, какъ результатъ усложненія соціальныхъ отношеній, отдѣленіе организацій капиталистическаго типа и болѣе опредѣлен-

ную позицію въ отношеніи къ нимъ организацій коопера-
тивныхъ. И украинское кооперативное движеніе могло бы
дать много интересныхъ страницъ и для кооператора-теоре-
тика, и для историка украинскаго возрожденія.

Близки ли были эти возможности разслоенія, объ этомъ
теперь можно говорить только гадательно. Тѣ рельсы, по
которымъ двигалось развитіе украинской коопераціи до
сихъ поръ, сняты, и мы во всемъ нашемъ очеркѣ все
время дѣлаемъ постоянную ошибку, говоря о состояніи
украинскаго кооперативнаго движенія какъ о фактахъ на-
стоящаго. Все это было въ прошломъ, то, о чемъ говоримъ
мы въ нашемъ очеркѣ, въ то, кажется, страшно далекое и
давнопрошедшее время, когда надъ жизнью человѣчества
не тяготѣлъ ударъ европейской войны. И теперь гово-
рить о перспективахъ движенія на томъ пути, который
сейчасъ разрушенъ,—занятіе въ достаточной мѣрѣ без-
цѣльное.

В. Садовскій.

Θ. Е. Коршъ объ украинскомъ вопросѣ

(Окончаніе ¹⁾).

Говоря объ украинскомъ національномъ возрожденіи съ точки зрѣнія общихъ государственныхъ интересовъ, Θ. Е. Коршъ не могъ не коснуться и вопроса о такъ-называемомъ „мазепинствѣ“ и сепаратизмѣ вообще. Эти вздорные жупелы, которыми съ такимъ искусствомъ оперируютъ наши монополисты отъ патріотизма, находятъ себѣ въ словахъ Θ. Е. Корша достойную оцѣнку съ точки зрѣнія культурнаго человѣка вообще. „Мазепинство“,—говоритъ онъ,—есть одно изъ тѣхъ неосмысленныхъ крылатыхъ словечекъ, которыя относятся къ разряду не терминовъ, а брани или ругани. Этимъ сознательно оскорбительнымъ, злостнымъ характеромъ оно далеко оставляетъ за собою пренебрежительныя клички „хохолъ“ и „кацапъ“, которыя въ просторѣчій нерѣдко примѣняются другъ къ другу великоруссами и украинцами. Извинительно полудикому мужику выражать свой гнѣвъ на инородца первымъ попавшимся словомъ, которое покажется ему обиднымъ для его недруга; но ни съ какой стороны не простительно людямъ, считающимъ себя образованными, а еще того менѣе—литераторамъ, закрѣпляющимъ свои слова на бумагѣ и въ такомъ видѣ распространяющимъ ихъ въ сравнительно широкихъ кругахъ общества, подхватывать на улицѣ такія словца для того, чтобы изготовлять изъ нихъ публицистическія обозначенія ненравящихся имъ народовъ или партій, даже не затрудняя себя точнымъ опредѣленіемъ того понятія, которое они выражаютъ такимъ неприличнымъ способомъ, и не задумываясь надъ тѣмъ, что замѣна соотвѣтственнаго дѣлу выраженія „украинскій націоналистъ“ завѣдомо браннымъ „мазепинецъ“ равняется обозначенію великорусскихъ націоналистовъ словечкомъ въ родѣ „жидоморы“... Въ самомъ дѣлѣ: что такое „мазепинецъ“? Просто ли убѣжденный почитатель своей народности или горячій и дѣятельный поборникъ ея, или можетъ быть, политическій сепаратистъ, даже измѣнникъ? Судя по этимологіи словъ „мазепинецъ“, „мазепинство“,

¹⁾ См. „Укр. Жизнь“ 1915 г., № 3—4.

„мазепинскій“, разумѣется какъ-будто именно послѣднее; однако 1) это названіе распространяется и на австрійскихъ украинцевъ-націоналистовъ, которыхъ безсмысленно попрекать Мазепой или измѣной Россіи, 2) оно примѣняется сплошь да рядомъ къ такимъ украинцамъ, которыхъ весь грѣхъ заключается въ томъ, что украинцевъ они признаютъ украинцами, а не великоруссами“ („Объ украинскомъ національномъ возрожденіи“).

Вообще понятія „сепаратизма“ и „мазепинства“ въ устахъ противниковъ украинскаго національнаго движенія болѣе чѣмъ растяжимы. „Сепаратизмомъ и притомъ политическимъ (мазепинство тожъ) у насъ часто называютъ федерализмъ, хотя онъ, какъ показываютъ, напр., Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и отчасти, если не юридически, то фактически, Великобританія за послѣднее время, не противорѣчитъ не только государственному единству, но даже имперіализму. Если вождельнія этого рода, можетъ быть, находятъ себѣ доступъ и въ нѣкоторую часть украинской интеллигенціи, то ставить это въ вину украинцамъ, какъ таковымъ, есть вопіющая несправедливость, такъ какъ приверженцы федерализма встрѣчаются и между великоруссами, и притомъ такіе, которые въ разграниченіи отдѣльныхъ федеральныхъ единицъ не останавливаются передъ границами этнографическими. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что федералистическій видъ „измѣны“ можетъ оказаться въ любомъ государствѣ съ различными по мѣстамъ интересами населенія“ (Тамъ же).

Не разъ въ своихъ публицистическихъ статьяхъ *Э. Е. Коршъ* касается злостной выдумки противниковъ украинскаго движенія, утверждающихъ, что движеніе это создано австрійскою политическою интригой. По поводу этихъ измышленій онъ указываетъ исторію возникновенія національнаго движенія въ зарубежной Украинѣ. „Австрійское правительство послѣ поражений, нанесенныхъ Австріи Наполеономъ III, призадумавшись чуть ли не впервые надъ національными вопросами, вполне основательно сообразило, что лучшимъ средствомъ противъ политическаго и даже лишь культурнаго москвофильства должно послужить развитіе національныхъ особенностей той разновидности русскаго племени, къ которой принадлежатъ мѣстные русскіе, по крайней мѣрѣ цислейтанскіе въ Галичинѣ и въ Буковинѣ; а транслейтанскіе могли быть безъ хлопотъ

ввѣрены надзору мадьяръ, хорошо помнившихъ вмѣшательство Россіи въ возстаніе 1848—1849 гг. Итакъ, роль австрійской политики въ духовномъ расцвѣтѣ малорусской народности за нашимъ кордономъ не подлежитъ сомнѣнію, но выводъ отсюда нашихъ націоналистовъ,—да и не однихъ націоналистовъ,—будто „украинство“ выдумано нѣмцами и поляками, такъ же вѣренъ, какъ то, что обезьяна выдумана нѣмцемъ“ („Партійная борьба и наши задачи въ воссоединенной Руси“). „Въ смыслѣ сознательной любви къ малорусской народности украинство—отнюдь не австрійское издѣліе, а возникло у насъ почти одновременно съ великорусскимъ „народничествомъ“ и даже въ нѣкоторой связи съ нимъ, такъ какъ „украинцы“—поголовно демократы“ („Украинцы и Австрія“). „Украинство зародилось на Украинѣ, среди малороссовъ россійскихъ, изъ которыхъ вышелъ и провозвѣстникъ его, Тарасъ Шевченко, силой своего генія заставившій своихъ земляковъ, даже безграмотныхъ, почувствовать непрерывную связь предшествовавшей исторіи малорусскаго народа съ его настоящимъ, поэтически и общепонятно высказалъ то, что таилось въ глубинѣ ихъ сердецъ, и тѣмъ пробудилъ въ нихъ разъ навсегда сознаніе своей особенности въ средѣ восточныхъ или русскихъ славянъ“ („Партійная борьба“). „Въ Австрію украинство перекинулось во второй половинѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, когда преслѣдованія, воздвигнутыя у насъ на все украинское, заставили нашихъ украинцевъ искать убѣжища для своей національно-культурной дѣятельности гдѣ-нибудь за предѣлами родного края. Австрійское правительство, мало-по-малу, все болѣе поощряя это движеніе въ противоположность зарубежному великорусскому вліянію, отчасти и въ видѣ острастки,—на всякій случай,—своимъ полякамъ, воспользовалось уже готовымъ средствомъ и сдѣлало лишь то, что слѣдовало сдѣлать намъ въ Холмщинѣ для охраны ея отъ окатоличенія и ополяченія... Такимъ образомъ, украинство, не только въ Россіи, а и въ Австріи, есть произведеніе вполне русское, отчасти даже государственно-россійское. Что оно пригодилося австрійскому правительству въ его борьбѣ съ поляками и съ россійскимъ вліяніемъ, это вполне естественно; но въ такомъ прискорбномъ оборотѣ благопріятнаго намъ процесса виноваты мы сами со своимъ узкимъ, подозрительнымъ государственнымъ націонализмомъ“ („Украинцы и Австрія“).

Представители этого узкаго націонализма приносятъ только вредъ той государственной идеѣ, которой они мнятсѣ служить. Широкий истинно-государственный взглядъ на національныя отношенія состоитъ, по глубокому убѣжденію Ѳ. Е. Корша, въ томъ, „чтобы каждая часть дорожила своей связью съ цѣлымъ“. Образъ дѣйствій, диктуемый проповѣдью эгоистическаго націонализма, „безспорно, очень удобенъ, но правиленъ ли? Я разумѣю,—говоритъ академикъ Коршъ,—правильность практическую, утилитарную, но съ точки зрѣнія не отдѣльныхъ кармановъ, а непоколебимости и могущества Россійской имперіи. Который изъ двухъ путей, при удержаніи ея настоящаго государственнаго строя, доведетъ ее вѣрнѣе до этой цѣли: единство въ разнообразіи или единство въ единообразіи? Первое ей предуказано этнографической и культурной пестротой ея населенія; второе, вслѣдствіе того же условія и громаднаго ея протяженія, представляется утопіей, и притомъ безусловно гибельной, такъ какъ подчиненіе разнороднаго содержанія однѣмъ и тѣмъ же формамъ, исходящимъ всецѣло изъ одного центра, какъ въ Китайской имперіи (теперь бывшей), не можетъ совершаться безъ насилія и нарушенія мѣстныхъ интересовъ—этихъ двухъ обыкновенныхъ причинъ раздраженія противъ центра. Пусть всѣмъ народамъ Россіи живетсѣ такъ хорошо, чтобы не только ни одинъ изъ нихъ не смотрѣлъ съ завистью на своихъ зарубежныхъ соплеменниковъ, а чтобы и эти зарубежники стремились войти въ ея составъ“ („Патріотъ“ о „мазепинствѣ“). Насколько „путь эгоистическаго націонализма ведетъ ко внутренней враждѣ и общему одичанію“, настолько же, наоборотъ, легко „предотвратить возможность развитія политическаго сепаратизма среди южной вѣтви русскаго племени единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ—признаніемъ ея этнографическихъ и культурныхъ правъ“ (тамъ же). Права эти основываютсѣ на принадлежности украинцевъ не только къ одному съ державной народностью политическому организму, но и, тѣмъ болѣе, къ одной племенной средѣ.

„Не мѣшаетъ нашимъ націоналистамъ уяснить себѣ ту истину,—говоритъ Ѳ. Е. Коршъ,—что право на національное чувство принадлежитъ въ Россіи не однимъ великоруссамъ, потому что національность и государство—двѣ вещи разныя“ („Австрійская военная газета и русскій націона-

лизмъ"). „Единство въ разнообразіи“ русскаго племени, являющееся источникомъ однихъ и тѣхъ же, общихъ правъ составныхъ частей его, О. Е. Коршъ формулировалъ въ терминѣ „тріединая Русь“.

„Выраженіе „тріединая Русь“,—говоритъ онъ,—въ этнографическомъ смыслѣ указываетъ на близкое взаимное родство этихъ трехъ народовъ, сохранившихъ не только свое общее имя, но и много ясныхъ слѣдовъ своего первоначальнаго единства, а въ политическомъ—на ихъ равноправіе въ русской средѣ“.... И „только путемъ осуществленія „тріединой Руси“ въ политическомъ смыслѣ русскій (въ томъ числѣ и великорусскій) народъ достигнетъ того процвѣтанія и могущества, какихъ онъ достоинъ по своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ, и займетъ подобающее ему положеніе между родственными и чужими народами“ („Націоналистическая наука“).

Къ сожалѣнію, дѣйствительность пока еще слишкомъ далека отъ такого разрѣшенія у насъ національной проблемы. Причины этого лежатъ значительно глубже, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Дѣло не только во внѣшнихъ ограниченіяхъ, но и въ той психологіи русскаго общества, на почвѣ которой могутъ произрастать націоналистическія настроенія, захватывающія однихъ и отбивающія у другихъ всякій вкусъ къ національнымъ вопросамъ. „Націонализмъ намъ не чуждъ, какъ и всѣмъ сколько-нибудь сознательнымъ народамъ,—говоритъ О. Е. Коршъ,—но тотъ націонализмъ, который наиболѣе распространенъ между нами вслѣдствіе своей общедоступной элементарности и нѣкоторыхъ внѣшнихъ поощреній, отличается рѣзкимъ и въ то же время страннымъ партійнымъ характеромъ, какъ-то соединяющимъ крайній великорусскій фанатизмъ съ участіемъ многихъ лицъ великорусскаго и даже не русскаго происхожденія. Однимъ изъ прискорбныхъ послѣдствій наличности такого націонализма, не чисто національнаго, но не признающаго другихъ націонализмовъ, является то, что даже чистѣйшіе великоруссы, однако, признающіе право и другихъ народностей Россійскаго государства, относятся боязливо ко всему, на основаніи чего ихъ было бы можно заподозрѣть въ сочувствіи этому патентованному націонализму, и мнительность въ этомъ направленіи доводитъ ихъ иногда почти до полнаго воздержанія отъ прикосновенности къ вопросу о національностяхъ“ („Укра-

инцы и Австрія“). Отсюда такая запутанность у насъ національнаго вопроса, не только теоретическая, но и практическая. „Сваливать всю вину въ этомъ на правительство было бы клеветою: къ сожалѣнію, многіе изъ нашихъ либераловъ, готовые всегда заступиться за права любой нерусской народности въ Россійскомъ государствѣ, словно не могутъ признать такія же права за народностью украинской, малорусской. Статья П. Б. Струве тѣмъ и заслуживаетъ особаго вниманія, что между нашими передовыми людьми такъ думаетъ не одинъ онъ. Намъ, господствующей россійской народности, это прискорбно и само по себѣ, и потому, что мы сами виноваты въ появленіи той опасности, къ отраженію которой насъ призываетъ П. Б. Струве. Но тѣмъ, что онъ предлагаетъ, ее можно не отразить, а лишь увеличить“ („Къ спору объ украинской культурѣ“). Самъ „чистѣйшій великороссъ, однако, признающій право и другихъ народностей Россійскаго государства“, Ѳ. Е. Коршъ съ безпристрастіемъ гражданскаго мужества вскрываетъ грѣхи русской интеллигенціи въ украинскомъ вопросѣ. „Неправильныя отношенія прогрессивной части великорусскаго общества къ украинскимъ національнымъ интересамъ дѣйствительно существуютъ. Равнодушіе къ нимъ господствуетъ среди большинства великорусскихъ прогрессистовъ вслѣдствіе почти поголовнаго незнанія того, что такое украинцы, да и точно ли они, будучи русскими, представляютъ собою нѣчто болѣе отличное отъ нихъ, русскихъ, чѣмъ, напр., русскій изъ Вологды отличается отъ русскаго изъ Москвы. Пренебрежительное отношеніе къ украинскимъ національнымъ домогательствамъ также нерѣдко среди даже сравнительно прогрессивныхъ великорусскихъ общественныхъ слоевъ у однихъ—вслѣдствіе того же смѣшенія украинцевъ съ разнообразными великорусскаго племени (вѣдь смѣшонъ былъ бы культурный сепаратизмъ какихъ-нибудь олончанъ или орловцев!), у другихъ, имѣющихъ понятіе объ украинской народности,—вслѣдствіе горделиваго сознанія державности своего, великорусскаго, племени. Это сознаніе примѣшивается иногда и къ враждебности нѣкоторыхъ великорусскихъ прогрессистовъ относительно украинства, основанной по существу на страхѣ за единство того, что они называютъ русской культурой, т. е. той культуры, которую можно назвать великорусской по служащему ей орудіемъ языку“ („Объ украинскомъ на-

ціональному возродженію“). Такое пренебрежительное и подозрительное отношеніе „къ самому многочисленному послѣ насъ, великороссовъ, славянскому народу, да еще этнографически и психически ближайшему намъ (какъ и бѣлоруссы) изъ всѣхъ народовъ земли“ („Памяти Т. Г. Шевченка“) имѣеть своимъ источникомъ не одно простое незнаніе, а нерѣдко также, и нежеланіе знать и даже сознательное извращеніе дѣла. „Если,—говоритъ О. Е. Коршъ по поводу одного изъ такихъ случаевъ недобросовѣстнаго извращенія предмета литературной полемики,—въ моемъ заявленіи о незнакомствѣ огромнаго большинства моихъ ближайшихъ соплеменниковъ съ украинскимъ вопросомъ есть какая погрѣшность, то состоитъ она въ томъ, что я объяснялъ обычное у насъ неправильное отношеніе къ этому вопросу только невѣжествомъ, тогда какъ мнѣ слѣдовало упомянуть и о завѣдомой недобросовѣстности“ („Патріотъ“ о „мазепинствѣ“).

Эта тенденціозная примѣсь къ простому и ясному дѣлу глубоко волновала благородное сердце ученаго-гражданина и вынуждала его внести свою долю участія въ разрѣшеніи гордіева узла національныхъ отношеній вообще и украинскаго вопроса въ частности. Научное безпристрастіе этого голоса придаетъ ему большое значеніе особенно въ заявленіяхъ программного характера,—въ практическихъ указаніяхъ тѣхъ путей, какими должно пойти разрѣшеніе вопроса. „Что касается вопроса объ инородцахъ, или, выражаясь точнѣе, всѣхъ русскихъ подданныхъ, кромѣ великороссовъ и бѣлороссовъ, то спорить противъ ихъ правъ на одинаковое положеніе съ господствующимъ населеніемъ, съ которымъ они несутъ одинаково общегосударственныя тяготы, невозможно не только съ теоретической точки зрѣнія, но и съ чисто практической. Отчасти теорія и практика связана въ этомъ случаѣ неразрывно: несправедливость вызываетъ противодѣйствіе обиженныхъ, а это противодѣйствіе вредно отражается на благополучіи государства“... („Голосъ изъ партіи 17 октября“). Сохраненіе и правильное, нестѣсняемое развитіе національности представляетъ цѣнность самодовлѣющую, равноцѣнную развитію человѣческой личности вообще,—„для того, чтобы родъ человѣческій не превратился въ человѣческое стадо. Могущественнѣйшій рычагъ развитія есть постановка новыхъ точекъ зрѣнія, а каждая національность, какъ и личность, обладая

своимъ особеннымъ міросозерцаніемъ, вносить въ общечеловѣческую сокровищницу знаній и мыслей отличную отъ другихъ точку зрѣнія на вопросы, занимающіе все человѣчество безъ исключенія“. Поэтому—„горе тому народу, который презираетъ себя! Горе и тому, который лишь себя присваиваетъ право на существованіе и всякія блага“ (Тамъ же).

Эти общія воззрѣнія свои на національный вопросъ Ѳ. Е. Коршъ конкретно развиваетъ въ отношеніи украинскаго вопроса, наиболѣе запутаннаго и осложненнаго въ російской національной проблемѣ. „Вопросъ національный и культурный, т.-е. въ основѣ своей ни для кого посторонняго не обидный, изуродованъ и зараженъ двумя забравшимися въ него инородными тѣлами: политикой и насиліемъ“ („Триединая Русь“). „Культурное объединеніе“ Великой и Малой Россіи, въ которомъ первая взяла верхъ, началось лѣтъ черезъ сто послѣ политическаго, когда прежняя украинская культура,—не только духовная, а и бытовая и экономическая,—была подавлена московско-петербургской государственностью. Что здѣсь не обошлось безъ насилія, о томъ и спора не можетъ быть, а эта доля насилія, какъ бы наши историки и публицисты ни старались уменьшить ее въ своихъ писаніяхъ, повела и къ пригнетенію нравственному“ („Къ спору объ укр. культурѣ“). Давленіе это особенно усилилось собственно въ послѣднее время. „О томъ, что „историческое призваніе Россіи—обрусить все не-русское и оправославить все не-православное“, какъ было недавно заявлено въ Государственномъ Совѣтѣ, Петръ Великій не помышлялъ, да не думали объ этомъ и его преемники до половины 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, если не считать довольно скромной по размѣрамъ проповѣди христіанства между язычниками. Начавшіяся съ той поры и все усиливающіяся старанія о замѣнѣ всѣхъ народностей Россійскаго государства великорусской и всѣхъ вѣрѣ православіемъ, противорѣча идеѣ имперіализма, неминуемо должны вести къ разрушенію того кое-какъ складывавшагося общаго культурнаго тона, изъ котораго, при иномъ отношеніи къ составнымъ частямъ имперіи, могла бы въ самомъ дѣлѣ выработаться опредѣленная и прочная русская культура, не давящая племенные особенности, а непрестанно черпающая изъ нихъ свѣжія силы“ („Къ спору объ укр. культурѣ“).

Приведенныя положенія опредѣляютъ направленіе въ правильномъ разрѣшеніи украинскаго вопроса, сущность котораго, по мѣткому опредѣленію О. Е. Корша, заключается въ томъ, что „малоруссы хотятъ оставаться тѣмъ самымъ народомъ, какимъ сотворилъ ихъ Господь Богъ, т.-е. малоруссами, или, иначе, украинцами“ („Нѣчто объ украинствѣ“). „При настоящихъ условіяхъ,—говоритъ О. Е. Коршъ,—самимъ великороссамъ остается, не поступаясь нисколько своимъ національнымъ и политическимъ достоинствомъ, признать безъ оговорокъ, что малороссъ—хотя и не то же, что великороссъ, но безусловно такой же русскій, какъ великороссъ, и потому долженъ пользоваться всѣми тѣми правами, которыя принадлежатъ русскимъ въ русскомъ государствѣ. Только такимъ образомъ можно исправить ту страшную государственную ошибку, которую мы совершили въ 60-хъ годахъ, поднявъ гоненіе на все малорусское“ („Триединая Русь“). Практически это сводится къ предоставленію украинцамъ свободы національнаго развитія. „Остается одно: дать имъ культурную свободу. Образуютъ они свою собственную культуру, не боящуюся напора культуры великорусской,—ихъ счастье, а въ противномъ случаѣ они подчинятся великорусской культурѣ, но уже добровольно, сознательно, безъ всякаго озлобленія“ („Къ спору объ украинской культурѣ“). Безъ такой свободы національнаго развитія народности она не можетъ достигъ культурнаго и вообще духовнаго развитія. „Для полнаго развитія всѣхъ способностей и дарованій всякаго историческаго народа, а слѣдовательно и украинскаго необходима безусловная культурная свобода, т.-е. возможность приобрѣтенія общечеловѣческихъ знаній тѣми путями и въ томъ видѣ, которые этотъ народъ признаетъ для себя наиболѣе удобными и цѣлесообразными. А въ томъ, что средства для достиженія этой цѣли должны быть согласованы съ наклонностями, привычками и условіями жизни даннаго народа, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Конечно, если онъ доведенъ до полной денаціонализаціи, т.-е. усвоилъ себѣ чужую національность, объ его племенныхъ особенностяхъ не приходится и говорить; но въѣдъ украинскій народъ, какъ былъ, по малой мѣрѣ съ XVI в., такъ и остается украинскимъ народомъ, безспорно отличнымъ отъ народа великорусскаго, несмотря на всѣ мѣры къ его денаціонализаціи“ („Объ украинскомъ національномъ возрожденіи“).

Одною изъ важнѣйшихъ, въ практическомъ смыслѣ, сторонъ украинскаго вопроса академикъ Коршъ считалъ вопросъ объ языкѣ преподаванія въ школахъ для украинскаго населенія. „Національно и прочно,—говоритъ онъ,—лишь то просвѣщеніе, которое идетъ снизу вверхъ, что на славянской почвѣ доказывается примѣромъ чеховъ, которые за то и усвоили себѣ славянскую идею глубже и сознательнѣе, нежели какой бы то ни было изъ славянскихъ народовъ“ („Партійная борьба и наши задачи въ возсоединенной Руси“). „На Украинѣ,—говоритъ онъ,—при первоначальномъ обученіи (населеніе) лишено помощи родного языка и сбито съ толку употребленіемъ при этомъ языка чужого, который предполагается знакомымъ ему съ колыбели“ („Украинскій народъ и укр. языкъ“). Между тѣмъ „совершенно невозможно обучать грамотѣ и посвящать въ первые начатки элементарной культуры при посредствѣ чужого языка, который самъ по себѣ есть уже предметъ изученія“ (тамъ же). Чтобы судить о непримѣнности великорусскаго языка преподаванія для украинскихъ дѣтей, нѣтъ необходимости въ большой педагогической опытности: „нужно лишь знаніе отличій украинскаго языка отъ письменнаго великорусскаго и нѣкоторое воображеніе, которое поможетъ представить себѣ недоразумѣнія отъ „качки“ (утки), отъ „веселья“ (свадьбы), отъ „дурного“ (глупаго, напраснаго), отъ „бани“ (купола), отъ „мѣста“ (города), отъ „плота“ (забора) и отъ многаго другого, отчасти худшаго“ („Къ спору объ укр. культурѣ“). Обручительныя задачи при обученіи народа могутъ быть продиктованы лишь побужденіями, далекими отъ интересовъ собственно просвѣщенія. „Признавать допустимымъ ученіе на малопонятномъ ученикамъ языкѣ можетъ лишь тотъ, кто имѣетъ въ виду цѣли не педагогическія, а какія-нибудь иныя,—напр., политическія. Но такой тенденціозный лжепедагогъ не достигаетъ и того, къ чему въ тайнѣ стремится, такъ какъ трудно себѣ представить, чтобы кто-нибудь поставилъ себѣ задачей одичаніе и озлобленіе цѣлаго народа; а изъ обученія на непонятномъ языкѣ ничего вѣдь не можетъ выйти, кромѣ поголовнаго невѣжества и общей ненависти къ тѣмъ, кто подъ видомъ хлѣба подаетъ камень. Все это—такія безспорныя истины, къ тому же подтвержденныя опытомъ и на Кавказѣ, и на Украинѣ, что невозможно отрицать необходимость преподаванія въ низ-

шихъ украинскихъ школахъ на украинскомъ языкѣ“ („Объ укр. нац. возрожденіи“). Къ культурному подъему народныхъ массъ и должна быть, по убѣжденію О. Е. Корша, ближайшимъ образомъ направлена дѣятельность такой демократической интеллигенціи, какъ украинская. „Ближайшія задачи современной украинской интеллигенціи не только въ російской, но и въ австрійской Украинѣ сводятся къ заботамъ объ истинномъ, т.-е. свободномъ отъ постороннихъ цѣлей, и основанномъ на возможно широкой программѣ просвѣщеніи своего народа снизу. Такъ какъ эта задача исполнима лишь при помощи мѣстнаго языка, мы и съ этой стороны приходимъ снова къ установленію насущной нужды прежде всего въ низшей школѣ съ преподаваніемъ на мѣстномъ языкѣ“ („Объ укр. нац. возрожденіи“). Что касается введенія украинскаго языка въ среднія и высшія учебныя заведенія Украины въ качествѣ языка преподаванія, то „въ принципѣ нельзя ничего возразить и противъ этой мѣры, но прежде всего слѣдуетъ стараться о введеніи преподаванія на украинскомъ языкѣ въ низшія школы всѣхъ мѣстностей съ украинскимъ населеніемъ“ (тамъ же). Объ употребленіи родного языка въ судѣ, въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ и въ церкви О. Е. Коршъ высказывается такъ же, какъ и объ употребленіи его въ школѣ: „дѣятельность этихъ учреждений не можетъ быть плодотворна тамъ, гдѣ населеніе не понимаетъ ихъ рѣчи. При этомъ надобно имѣть въ виду, что дѣловыя обращенія и бесѣды на языкѣ, не вполне доступномъ заинтересованнымъ лицамъ, легко ведутъ къ недоразумѣніямъ, то печальнымъ, то смѣшнымъ, но въ обоихъ случаяхъ подрывающимъ то уваженіе и довѣріе, которымъ должны пользоваться представители власти и религіи“ (тамъ же).

Мы поставили себѣ очень скромную задачу: напомнить нашимъ читателямъ главные положенія выдающагося ученаго касательно украинскаго вопроса и, по возможности, его же словами,—въ той удивительно ясной и выразительной формѣ, какой вообще отмѣчены его произведенія. Мысли О. Е. Корша, человѣка глубокаго ума и широкаго образованія, пріобрѣтаютъ особое значеніе еще потому, что столь рѣдкое безпристрастіе въ національномъ вопросѣ, терпимость къ другимъ національностямъ и даже рѣшитель-

ная защита этихъ послѣднихъ соединялись въ немъ съ яснымъ и глубокимъ сознаниемъ общихъ—культурно-національных и державныхъ—русскихъ интересовъ, развитие частей гармонически сочеталось у него съ развитіемъ цѣлаго, обуславливая взаимную ихъ пользу и общее процвѣтаніе. Вдохновляясь фактомъ племенного единства и даже „единства названія цѣлыхъ трехъ племенъ“, ибо „въѣдь это—залогъ братскаго единенія и счастья всѣхъ трехъ“, призывая украинцевъ „пріобщаться къ интересамъ большинства“ „наравнѣ со всѣми иными гражданами російскаго (не только великорусскаго) общества, принимать участіе во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ“, этотъ подлинно русскій человѣкъ, въ полномъ и, такъ какъ обозначеніе это слишкомъ захватано грязными руками, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, вмѣстѣ съ тѣмъ заявлялъ, что „путь эгоистическаго націонализма ведетъ къ внутренней враждѣ и общему одичанію“, что „право на національное чувство принадлежитъ въ Россіи не однимъ великороссамъ, потому что національность и государство—двѣ вещи разныя“, что лозунгомъ дальновидной государственной политики должно служить правило: „пусть всѣмъ народамъ Россіи живетъ такъ хорошо, чтобы не только ни одинъ изъ нихъ не смотрѣлъ съ завистью на своихъ зарубежныхъ соплеменниковъ, а чтобы и эти зарубежники стремились войти въ ея составъ“. Съ точки зрѣнія общечеловѣческой морали и государственнаго права это—истины азбучныя; но въ той научной и вмѣстѣ широко-общественной трактовкѣ и въ моментъ почти безраздѣльнаго господства настроеній, противоположныхъ такой точкѣ зрѣнія, данныя идеи являются смѣлымъ новаторствомъ, новыми устоями того міровоззрѣнія, въ свѣтѣ котораго только и возможно правильное и къ общему благу разрѣшеніе одной изъ самыхъ больныхъ проблемъ нашей жизни. И въ процессѣ достиженія этого лучшаго будущаго роль такихъ глубокихъ и благородныхъ мыслителей, какъ академикъ Коршъ, поистинѣ велика и плодотворна; они, эти провозвѣстники новой жизни и новыхъ отношеній, по крылатому слову поэта,

Миръ мірові подарують
І славу во віки!

О. Бѣлоусенко.

Аграрное законодательство Галичины.

Характерныя черты современнаго аграрнаго строя Галичины проявляются прежде всего въ преобладаніи типа мелкаго крестьянскаго земельного владѣнія и связанной съ нимъ формы мелкаго хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ экономической жизни Галичины все еще сохраняется цѣлый рядъ социальныхъ архаизмовъ, препятствующихъ экономическому подъему крестьянства и ставящихъ его въ полуфеодалную зависимость отъ помѣщика. Одинъ изъ наиболее яркихъ архаизмовъ, не потерявшихъ своей остроты и до сего времени, это—вопросъ о сервитутахъ и пастбищахъ; сюда же относится все еще не потерявшее окончательнаго значенія строгое раздѣленіе земель на крестьянскія и помѣщичьи или, согласно терминологіи австрійскаго права, рустикальныя и доминикальныя, установленное патентами 1786 и 1787 гг.; на этомъ раздѣленіи покоится разница въ избирательныхъ правахъ сельской куріи и куріи крупныхъ земельныхъ собственниковъ. Все это только иллюстраціи къ тому ненормальному состоянію, въ какомъ находится современное аграрное устройство крестьянъ Галичины. Конечно, это состояніе имѣетъ свои корни въ историческомъ прошломъ страны, и для того, чтобы вскрыть все значеніе настоящаго, необходимо хотя бы краткое знакомство съ прошлымъ галицкаго крестьянства.

Уже въ срединѣ XVI вѣка мы находимъ въ Галичинѣ въ достаточной степени сложившійся строй крѣпостныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами; пользуясь весьма любопытными галицкими актами, касающимися частныхъ собственниковъ, а также данными королевскихъ люстрацій 1564 и 1570 гг., проф. М. С. Грушевскій устанавливаетъ тотъ фактъ, что „среднею, невысокою нормою въ срединѣ XVI в. считалась двухдневная барщина; эту же норму мы встрѣчаемъ и въ разныхъ случаяхъ, когда крѣпостное состояніе вводится въ селахъ, гдѣ оно еще не су-

ществовало“¹⁾. Правда, первоначально процессъ кристаллизаціи крѣпостныхъ отношеній складывался неодинаковымъ образомъ въ земляхъ, гдѣ господствовало нѣмецкое (магдебургское) право, и въ земляхъ волошскаго права; въ мѣстахъ юрисдикціи магдебургскаго права обязанности крестьянина ограничивались уплатою денежныхъ повинностей, однако постепенно какъ тѣ, такъ и другія земли подпали подъ общій процессъ закрѣпощенія. Въ началѣ XV в. и позднѣе мы видимъ въ Галичинѣ слѣдующее раздѣленіе категорій крестьянскаго населенія: свободныхъ (кметы) и несвободныхъ; свободные въ свою очередь раздѣляются на два разряда: данниковъ и людей служебныхъ; несвободные—на невольниковъ и такъ-называемыхъ каланниковъ²⁾. Каланники являлись *glebae adscripti* и жили только въ королевскихъ или церковныхъ имѣніяхъ.

Къ концу XV в. возникаютъ стремленія помѣщиковъ повысить тягло крестьянскаго населенія и ограничить право перехода. Въ 1496 г. рейхстагомъ было постановлено, что отнынѣ только одинъ изъ сыновей крестьянина можетъ покинуть деревню; въ послѣдующіе годы былъ изданъ еще рядъ законовъ, которые ограничивали право перехода крестьянъ, и уже около 1510 года прикрѣпленіе къ землѣ сдѣлалось общей нормой. Насколько прочнымъ сдѣлалось это явленіе, видно уже изъ того, что сумма выкупа для крестьянина въ теченіе XVI столѣтія повысилась отъ 10 до 500 марокъ³⁾.

Въ дальнѣйшемъ процессъ подчиненія крестьянъ власти помѣщиковъ подвигается быстрымъ темпомъ; путемъ судебной практики отнимается у крестьянъ право жаловаться королю на притѣсненія, и сельское населеніе настолько является подчиненнымъ власти господина, что нисколько не преувеличеннымъ кажется заявленіе, сдѣланное въ рейхстагѣ въ 1573 г., что „всякій господинъ имѣетъ право своего непослушнаго подданнаго по своему мнѣнію наказывать“ „*tam in spiritualibus, quam in saecularibus*“⁴⁾.

1) М. С. Грушевскій „Історія України-Руси“, т. V, ч. I. 1905, стр. 186.

2) Ср. І. в. Франко. Панщина та її скасування 1848 р. 2 вид. 1913, стор. 42 и сл.

3) L. von Mises. Die Entwicklung des gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisses in Galizien (1772—1848). W. и L. 1902. SS. 7 и flg.

4) Mises, ук. соч., стр. 7.

Такъ сложился процессъ закрѣпощенія польскаго и украинскаго крестьянства, и эти свои основныя черты онъ сохранялъ до самаго конца независимой шляхетской Польши.

Къ концу XVIII в. — эпохи реформъ Маріи-Терезіи и Іосифа II — крѣпостныя отношенія сводились къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ.

Крѣпостное состояніе является сословнымъ признакомъ и приобрѣтается путемъ рожденія отъ подвластной; но, помимо этого, бракъ свободнаго человѣка съ крѣпостной дѣлаетъ его несвободнымъ.

Крѣпостное состояніе прекращается: въ случаѣ вступленія въ религиозный орденъ, принятія посвященія или достиженія доктората, затѣмъ освобожденіемъ и нобилитаціей; освобожденіе совершается или письменно самимъ господиномъ, или путемъ занесенія въ акты воеводства.

Прикрѣпленіе къ землѣ не создавало для крестьянъ никакого права на нее; ни активными, ни пассивными процессуальными правами подвластный не обладалъ.

Нѣсколько отличнымъ было положеніе крестьянъ, поселенныхъ на доменіальныхъ земляхъ (Domänenbauern); противъ временнаго держателя королевскихъ имѣній они имѣли право жалобы, а со времени Станислава-Августа они имѣли бесплатныхъ защитниковъ въ лицѣ такъ-называемыхъ „Armenadvocaten“ (patrony ludzi ubogich) ¹⁾.

Общій выводъ о положеніи галицкихъ крестьянъ въ XVIII в., къ которому приходитъ изслѣдователь этого вопроса L. v. Mises, слѣдующій: „Польскій крестьянинъ на частныхъ земляхъ является крѣпостнымъ. Онъ подчиненъ абсолютной власти помѣщика. Его правовое положеніе гораздо хуже, чѣмъ положеніе прусскаго или богемскаго крестьянина, хотя все-таки благопріятнѣе русскаго“ ²⁾.

Въ юго-восточныхъ округахъ Галичины, въ такъ-называемомъ Покутьѣ, въ Коломыѣ, Чертковѣ и Станиславовѣ, положеніе крестьянства отличалось отъ другихъ тѣмъ, что здѣсь существовало общинное владѣніе землей (Feldgemeinschaft); происхожденіе его представляется неяснымъ, но во всякомъ случаѣ, по замѣчанію Mises'а, „оно близко къ тѣмъ формамъ общинной собственности, которыя около того же времени встрѣчаются въ Малороссіи, Молдавіи,

¹⁾ Mises, цит. соч. SS. 12—13 и fig.

²⁾ Ibid. S. 14.

Буковинѣ и Венгріи¹⁾. Въ прочномъ обладаніи хозяевъ состоятъ дворы; поле же считается въ общемъ пользованіи, чѣмъ однако не затрогивается право собственности помѣщика. Распредѣленіе полевыхъ участковъ происходитъ или по жребію, или при содѣйствіи общинной власти.

Повинности крѣпостныхъ на королевскихъ земляхъ обозначаются въ публичныхъ документахъ, назыв. люстраціями. Промежутокъ времени между производствомъ люстраціи долженъ опредѣляться въ 5 лѣтъ. Послѣдняя люстрація имѣла мѣсто въ 1765 г. Повинности подвластныхъ на частныхъ земляхъ исчисляются въ инвентаряхъ (inwetaarze) содержаніе которыхъ всецѣло опредѣляется волею господина.

Законодательство совершенно не вмѣшивалось въ отношенія помѣщика къ подвластнымъ; для польской республики крестьянинъ, какъ субъектъ права, не существовалъ вовсе.

При раздѣлѣ Польши въ 1772 году Галиція досталась Австріи, и первымъ шагомъ австрійскаго правительства, глубоко затронувшимъ шляхетскій строй прежней Польши, было уничтоженіе военной привилегіи шляхты, такъ-назыв. „*prospolite ruszenie*“. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ цѣляхъ болѣе точнаго взиманія налоговъ 22 дек. 1722 г. была предписана обстоятельная регистрація всѣхъ помѣщичьихъ и крестьянскихъ земель, всѣхъ повинностей, чиншовъ и пр.

Эти такъ-называемые „*Stock-Inventarien*“ (основные инвентаріи) и послужили въ дальнѣйшемъ исходнымъ пунктомъ во всѣхъ послѣдующихъ измѣненіяхъ въ отношеніяхъ и спорахъ о размѣрѣ повинностей между помѣщиками и крестьянами²⁾.

Рядъ патентовъ (10 марта 1775 г., 3 июня 1775 г.), изданныхъ Маріей-Терезіей, хотя и не внесъ существенныхъ измѣненій въ положеніе крестьянъ, но зато онъ имѣлъ глубокое политическое значеніе: издавая свои „*Robotpatente*“, Марія-Терезія заботится объ ихъ исполненіи, и для этой цѣли она создаетъ окружныхъ чиновниковъ, надѣляетъ ихъ государственной властью и такимъ образомъ пытается опереться на крестьянство въ борьбѣ за централизацію государства.

¹⁾ Ibid. S. 23.

²⁾ Ср. Mises, l. o. S.S. 32—32; Франко, 49—50 стр.

Смерть Маріи-Терезіи прервала ея реформаторскія попытки, и уже сыну императора Іосифа II пришлось заканчивать дѣло освобожденія крестьянъ, начатое Маріей-Терезіей. 5 января 1781 г. былъ обнародованъ патентъ, согласно которому только тѣ „Stock-Inventarien“ имѣли силу, противъ которыхъ подвластными съ самаго начала австрійскаго господства не было принесено жалобы. Если же возникаетъ сомнѣніе о существованіи той или иной повинности, то необходимо изслѣдованіе, содержатся ли они въ старыхъ „Grundinventaren“ или въ „Fassionen“ помѣщичьихъ земель.

Дальнѣйшій шагъ былъ завершенъ изданіемъ 1 ноября „Leibeigenschaftsaufhebungspatent“, распространявшагося первоначально на Богемію, Моравію и Силезію, но повліявшаго косвеннымъ путемъ и на отношенія въ Галичинѣ. Для Галичины же былъ изданъ патентъ 5 апрѣля 1782 г., содержаніе котораго въ основныхъ чертахъ сводилось къ слѣдующему: отнынѣ крѣпостное состояніе совершенно уничтожается и мѣсто его заступаетъ умѣренная „Untertänigkeit“, но всѣ подвластные остаются обязанными къ повиновенію господину.

Всѣ вышеуказанные законодательные акты носили временный характеръ, они не устраняли основного зла, они только смягчали его характеръ.

Въ этомъ отношеніи „Robotpatent“ 16 іюня 1786 г. носитъ болѣе постоянный характеръ: онъ подробно регулируетъ размѣры барщины, длину рабочаго дня, запрещаетъ раздѣлъ помѣщикомъ рустикальныхъ земель, рѣшительно запрещаетъ всякія обычныя, не занесенныя въ инвентаряхъ, повинности; а въ послѣднемъ § 84 этого акта постановлено, что „въ случаѣ нарушенія установленныхъ правилъ „bei Praegravation“ помѣщики обязываются къ двойному и даже тройному возмѣщенію причиненнаго подвластному вреда¹⁾).

Въ цѣляхъ болѣе прочнаго закрѣпленія земель за крестьянами декретомъ 2 апр. 1787 г. была „рустикализирована“ вся земля, находившаяся въ рукахъ подвластныхъ.

Mises справедливо называетъ эту мѣру одной изъ важнѣйшихъ среди тѣхъ, которыя были осуществлены австрійскимъ правительствомъ для блага крестьянскаго населенія Галичины; ибо крестьянинъ получалъ пожизненное право

¹⁾ Mises. S. 54—55; Франко, стр. 59—60.

пользованія на свой „грунтъ“; за исключеніемъ нѣсколькихъ въ законѣ опредѣленныхъ случаевъ, это право становилось наслѣдственнымъ.

Несмотря на упорное противодѣйствіе сословій, Іосифъ II смѣло рѣшился на послѣдній шагъ, завершающій всю систему предпринятыхъ имъ мѣропріятій, — это регулированіе финансоваго обложенія и замѣна крѣпостной зависимости съ ея принудительной барщиной системой денежныхъ повинностей; новая система была введена въ жизнь 1 ноября 1789 г. Текстъ этого регуляціоннаго патента отъ 10 февр. 1789 г. содержитъ слѣдующее: „Деньги въ дальнѣйшемъ должны быть единственнымъ мѣриломъ и формою крѣпостныхъ повинностей“; вмѣстѣ съ тѣмъ рустикальныя земли должны быть строго отдѣлены отъ доминикальныхъ, и помѣщикъ не смѣлъ ни въ коемъ случаѣ присоединить къ своимъ землямъ хотя бы одну пядь рустикальной земли¹⁾.

Изъ другихъ мѣропріятій Іосифа II, специально касающихся галицкаго крестьянства, нужно отмѣтить устройство въ 1784 г. общественныхъ амбаровъ („громадських шпихлirів“) для помощи подвластнымъ во время неурожаевъ и голодовокъ.

Со смертію Іосифа II старое положеніе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ облегченій, было возстановлено въ полной мѣрѣ; „Ablösungsgesetz“ 1-го сент. 1798 г. ясно засвидѣствовалъ, что правительство не намѣрено измѣнять существующій порядокъ вещей. Уничтоженіе крѣпостной зависимости предоставлено нынѣ свободному соглашенію сторонъ, причемъ эти соглашения тогда только будутъ признаны въ силѣ, если власти убѣдятся, что они не затрагиваютъ правъ третьихъ лицъ, а также соотвѣтствуютъ сохраненію подвластныхъ отношеній²⁾.

Съ изданіемъ этого акта соціально-политическое законодательство Австріи въ сферѣ аграрной замираетъ на цѣлыхъ полстолѣтія.

Большимъ несчастьемъ для страны являлось то, что правительство оставило свое намѣреніе ввести въ дѣйствіе „Urberialregulierung“, ибо взаимныя отношенія подвластныхъ и помѣщиковъ были неопредѣленны.

¹⁾ Grünberg, Die Bauernbefreiung und die Auflösung d. gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisses in Böhmen, Mähren und Schesien. Bd. I. 1893 S.S. 323. 325.

²⁾ Mises. S. 87—88.

Въ 1819 г. въ Галичинѣ введенъ поземельный налогъ, но на старыхъ основаніяхъ. Опредѣлять размѣры доходности какъ собственныхъ, такъ и крестьянскихъ участковъ было предоставлено самимъ помѣщикамъ. Хуже всего было то, что при этой регуляціи много рустикальныхъ земель было причислено помѣщиками къ ихъ собственнымъ, а такъ какъ при уничтоженіи барщины эти инвентари 1819 г. и были положены въ основу выясненія того, какія земли принадлежатъ крестьянамъ, то въ результатѣ возникло болѣе 32,000 такъ-наз. сервитутныхъ процессовъ за лѣса и пастбища¹⁾. Въ 1821 г. также уничтожены были „громадські шпіхліри“, основанные Іосифомъ II.

Эпоха 1790—1848 гг., послѣ отмѣны іозефинскихъ „Steuer - Urbariae - Regulierung“, которые давали наибольшій поводъ къ помѣщичьимъ жалобамъ, въ общемъ и цѣломъ сохранила status quo.

Только возстаніе 1846 г. снова поставило на порядокъ дня устраненіе крѣпостной зависимости, и мы видимъ, какъ постепенно правительство отъ полумѣръ, въ родѣ попытки гр. Стадіона регулировать барщину, переходитъ къ радикальному его разрѣшенію и патентомъ 17 апрѣля 1848 г. для Галиціи объявляетъ, что всѣ „Roboten“ и другія барщинныя повинности какъ самостоятельныхъ хозяевъ, такъ домовниковъ и коморниковъ съ 15-го мая 1848 г. уничтожаются“²⁾.

Этотъ патентъ, какъ справедливо указываетъ Франко, „не былъ чѣмъ-нибудь новымъ, страшнымъ, революціоннымъ... Онъ явился завершеніемъ работы, начатой Іосифомъ II еще въ 1785 г.“³⁾.

Но, какъ бы то ни было, старый аграрный строй рухнулъ, и пореволюціонному крестьянскому законодательству предстояла задача при иныхъ социальныхъ отношеніяхъ не только заняться ликвидаціей пережитковъ стараго строя, но и создавать новые принципы нормировки экономическихъ отношеній крестьянства.

Посмотримъ въ дальнѣйшемъ, въ какой мѣрѣ удалось австрійскому крестьянскому законодательству выполнить эти задачи.

1) См. Франко, стор. 91. См. также Адріян. Аграрный процесс у Добростанах. 1909.

2) Mises, ук. соч. S. 135.

3) Ів. Франко, ук. соч., стр. 168.

Какъ было уже сказано, Галиція—типичная страна мелкаго крестьянскаго хозяйства. Преобладающее большинство въ ней составляютъ такъ-называемыя карликовыя хозяйства съ количествомъ земли около двухъ гектаровъ; хозяйствъ этого рода насчитывается 43% всего числа земельныхъ владѣній, равняющагося 1.008,541, по даннымъ сельскохозяйственной переписи 3 июня 1902 года. Число крупныхъ хозяйствъ, располагающихъ пространствомъ земли свыше 100 гект., равняется 5.467; въ ихъ распоряженіи находится болѣе $\frac{1}{3}$ всей земли; хозяйства же, располагающія количествомъ земли ниже 10 гект., составляютъ 94,5% всего числа хозяйствъ¹⁾.

Къ этимъ весьма неблагоприятнымъ для крестьянства Галичины социальнымъ отношеніямъ присоединяется еще и техническая отсталость сельскаго хозяйства страны; такъ, напр., въ среднемъ за десятилѣтіе гектаръ земли приносить только 10 центнеровъ пшеницы, тогда какъ въ Богеміи—16,9, въ Моравіи и Ниж. Австріи—15,7 центнера²⁾.

Кромѣ того, необходимо отмѣтить еще и то, что въ Галичинѣ до извѣстной степени социальныя антагонизмы совпадаютъ съ національными, ибо въ Восточной Галичинѣ крестьяне принадлежатъ къ украинской національности, помѣщики же, чиновники и горожане—къ польской. Въ виду этого и самый характеръ сеймоваго законодательства, къ компетенціи котораго относится и аграрное законодательство, носить болѣе или менѣе отчетливо выраженный классовый характеръ, гдѣ наиболѣе благопріятствуемой стороной являются помѣщики. Благодаря этому въ социально-экономической жизни крестьянства Галичины и послѣ революціи 1848 г., окончательно ликвидировавшей крѣпостную зависимость, до послѣдняго времени сохранился цѣлый рядъ „социальныхъ и юридическихъ архаизмовъ“, являющихся препятствіемъ на пути свободнаго экономическаго развитія крестьянства; таковы, напр., нормы, регулирующія право охоты и рыбной ловли, выдѣленіе господскихъ имѣній

¹⁾ Statistische Monatsschrift—XVII I. 1912. H. VII—Brzeski. Die Parzellierung des landtäflichen Grundbestizes in Galizien. S.S. 367, 385 и flg.

²⁾ Der Kampf, VII Jhg. 1914, H. 4.—O. Bauer. Erwachenae wölker. S.S. 145—151.

Gutsgebiete въ административномъ отношеніи въ самостоятельныя единицы и т. п.¹⁾).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ революція 1848 г., разрушивъ старое аграрное устройство, уничтоживъ патримоніальную юрисдикцію, тяготѣвшую надъ крестьянами, оставила въ Галичинѣ въ наслѣдіе пореволюціонному законодательству рядъ острыхъ вопросовъ, подлежащихъ законодательному регулированію. Прежде всего въ патентѣ 17 апрѣля 1848 года, ликвидировавшемъ зависимыя отношенія въ Галичинѣ, вовсе былъ обойденъ вопросъ о нормировкѣ частно-правовыхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, т.-е. вопросъ объ урегулированіи лѣсныхъ и пастбищныхъ сервитутовъ.

Точно также революція не измѣнила по существу прежняго распредѣленія земельныхъ владѣній между помѣщиками и крестьянами: около 6,000 помѣщичьихъ фамилій остались въ обладаніи 3,32 милл. гектаровъ, составляющихъ 42% всего земельного пространства; а 790,000 крестьянскихъ семействъ расположились на 4,52 милл. гектаровъ, которые они могли теперь назвать своей собственностью²⁾).

Осталось также въ полной силѣ установленное патентами 1786 и 1787 гг. раздѣленіе земельныхъ владѣній на „рустикальныя“ и „доминикальныя“. Въ правовомъ отношеніи послѣднія являются, по терминологіи австрійскаго права, „landtäfliche Besitze“, причемъ права на эти владѣнія удостовѣряются особыми вотчинными книгами; съ этимъ архаическимъ раздѣленіемъ земельныхъ владѣній связаны и извѣстныя политическія привилегіи при выборахъ въ сеймъ или общинное представительство.

I.

Сервитутный вопросъ являлся наиболѣе острымъ, поистинѣ соціальнымъ вопросомъ для Галичины; корни его лежатъ глубоко въ историческомъ прошломъ крестьянства Галичины, въ самомъ характерѣ тѣхъ отношеній, какія существовали между помѣщиками и крестьянами.

Къ концу XVIII в., эпохѣ реформъ Маріи-Терезіи и Иосифа II, эти отношенія складывались слѣдующимъ обра-

¹⁾ Ср. Ів. Франко. Панщина та її скасування 1848 р. в Галичині. 2 вид. 1913, стр. 216—217.

²⁾ Ср. Die Neue Zeit. XXXI Jahrg. Bd. 2.—H. Landau—Gumplovicz. Ein Beifrag zur Frage des landwirtschaftlichen Kleinbetriebs. SS. 957—965.

зомъ: прикрѣпленные къ землѣ крестьяне не обладали никакими правами на нее; большинство подвластныхъ въ Зап. Галичинѣ и всѣ въ Восточной Г. являлись по отношенію къ обрабатываемой ими землѣ только „Wirte bis weiter“; по официальной терминологіи того времени они назывались „uneingekaufte Dominikalien“. Право распоряженія земельными участками всецѣло принадлежало помѣщику¹⁾. На лѣса помѣщики смотрѣли также какъ на свою неограниченную собственность; за крестьянами же признавалось только прекарное право; крестьяне же, напротивъ, смотрѣли на лѣса или какъ на даръ природы, или какъ на общинное достояніе, пользованію которымъ никто не можетъ препятствовать²⁾.

Уже съ давнихъ поръ крестьяне обладали правомъ пользованія лѣсомъ для построекъ и топлива, а также могли собирать грибы, ягоды и пр.

Марія-Терезія ограничила право собиранія топлива въ камеральныхъ лѣсахъ, но не могла совершенно уничтожить его. Въ рядѣ позднѣйшихъ постановленій не разъ на помѣщиковъ возлагалась обязанность помогать своимъ подвластнымъ, предоставляя имъ право пользованія лѣсами и пастбищами³⁾.

Однако неясность и неопредѣленность взаимныхъ правъ и обязанностей въ сервитутныхъ отношеніяхъ являлись источникомъ постоянныхъ споровъ и столкновеній между помѣщиками и крестьянами.

Патентъ 17 апрѣля 1848 г., которымъ была уничтожена барщина въ Галичинѣ, въ п. 2 оставилъ безъ измѣненія всѣ сервитутныя отношенія, существовавшія между помѣщиками и крестьянами, прибавивъ, что за пользованіе лѣсами и пастбищами крестьяне обязаны платить по добровольному соглашенію установленную плату. Однако предоставленная возможность добровольнаго соглашенія не привела къ желательнымъ результатамъ. Среди крестьянъ господствовала увѣренность, что сервитуты имъ подарены, и въ результатѣ отношенія между крестьянами и помѣщиками сильно обострились.

¹⁾ Ср. L. Mises, Die Entwicklung des gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisses in Galizien (1772—1848). 1902. S. 21 и. flg.; также, Ів. Франко, ук. соч., стр. 200 и сл.

²⁾ Ср. Mises, ук. соч., стр. 98 и. flg.

³⁾ Ів. Франко, ук. соч., стр. 202—203

Тогда австрійское правительство вступило на путь законодательнаго нормированія сервитутныхъ отношеній и осуществило эту реформу гораздо радикальнѣе, чѣмъ въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ. Какъ справедливо указываетъ лучший знатокъ австрійскаго аграрнаго законодательства проф. Шифъ, „законодательныя проблемы были здѣсь труднѣе и сложнѣе, чѣмъ при устраненіи урбаріальныхъ повинностей, ибо законодатель для успѣшнаго осуществленія этой задачи долженъ былъ издать не детальныя нормы, какъ при освобожденіи крестьянъ, а извѣстные общіе принципы, примѣненіе которыхъ должно было производиться, принимая во вниманіе всѣ условія каждаго отдѣльнаго случая“¹⁾.

5 іюля 1853 года былъ изданъ общеимперскій патентъ, окончательно выдѣлившій сервитутный вопросъ отъ индемнизации; но онъ не подвинулъ впередъ его разрѣшенія, ибо слишкомъ сильно было противодѣйствіе помѣщичьяго класса. Тѣмъ не менѣе уже въ этомъ законѣ ясно проглядываетъ принципиальная постановка разрѣшенія сервитутныхъ отношеній: прежде всего устанавливается обязательность урегулированія сервитутныхъ отношеній; затѣмъ самый способъ урегулированія производится двумя путями: или при посредствѣ выкупа сервитутовъ, или путемъ такъ-называемаго „Regulierung“; послѣднее имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда полная ликвидація сервитутовъ грозитъ сельскохозяйственной культурѣ имѣнія. Самый процессъ ликвидаціи сервитутныхъ отношеній предоставленъ административной власти въ лицѣ специальныхъ комиссій по сервитутнымъ дѣламъ.

Въ Галичинѣ такого рода постоянная комиссія была учреждена въ 1857 г.; она являлась первой инстанціей при разрѣшеніи споровъ о сервитутахъ и о правѣ собственности на крестьянскія земли. Закономъ 24 марта 1895 г. комиссія была распущена, и дѣятельность ея была ликвидирована.

Такимъ образомъ, этотъ моментъ съ формально-юридической точки зрѣнія является временемъ окончательной ликвидаціи сервитутныхъ отношеній, однако ея социальныя послѣдствія сказываются и до сего времени; эти послѣдствія сервитутной операціи предвидѣлъ еще австрійскій ученый Реугер, когда говорилъ: „едва ли какая-либо реформа (т.-е.

¹⁾ W. Schiff. Grundriss des Agrarrechts mit Einschluss des Jagd—und Tischereirechts. 1903, S. 61.

сервитутная операція) затрагивала такъ глубоко соціальныя и экономическія отношенія населенія; ни одна, даже освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, не вызвала такихъ измѣненій въ отношеніяхъ владѣнія (Besitzverhältnisse), какъ эта; вліяніе ея на сельское хозяйство и лѣсоводство весьма значительно¹⁾.

Эта оцѣнка Peuger'a подтверждается и данными о результатахъ сервитутной операціи въ Галичинѣ: до конца декабря 1893 г. было заявлено 30,625 сервитутныхъ правъ; изъ нихъ окончательно ликвидировано 30,571; въ качествѣ вознагражденія за уничтоженные повинности (Dienstbarkeiten) управомоченные получили 1.217,166 флориновъ и 278,374 морговъ земли²⁾.

Если не подлежитъ сомнѣнію правильность юридическихъ принциповъ, положенныхъ австрійскимъ законодательствомъ въ основаніе при разрѣшеніи сервитутной операціи, то совершенно иными оказались ея соціально-экономическія послѣдствія: для крестьянъ уничтоженіе сервитутовъ влекло за собой весьма чувствительное ограниченіе ихъ хозяйствъ, тѣмъ болѣе, что и вознагражденіе за уничтоженіе сервитутовъ сплошь и рядомъ не возмѣщало понесенныхъ потерь; такъ, напр., одна община въ Галичинѣ за право на топливо, пастьбу скота и пр., принадлежавшее 130 управомоченнымъ, получила всего 200 гульденовъ, причемъ и послѣднія были выданы (Grundentlastungsobligationen) облигаціями по выкупу изъ барщины³⁾.

Конечно, огромное значеніе имѣлъ при этомъ самый составъ сервитутныхъ комиссій, въ которыхъ преобладающую роль играли польскіе помѣщики, особенно съ начала 60-хъ годовъ, когда въ галиційскомъ сеймѣ взяли перевѣсъ поляки. Въ результатъ возникло огромное количество сервитутныхъ процессовъ—свыше 32,000, изъ которыхъ свыше 30,000 было проиграно крестьянами.

Въ значительной степени тотъ экономическій упадокъ, который такъ характеренъ для теперешняго галицкаго крестьянства, можетъ быть отнесенъ и на долю мѣропріятій по проведенію сервитутной операціи.

(Окончаніе въ слѣд. кн.).

И. Лебединскій.

¹⁾ Цит. у W. Schiff, Oesterreichs Agrarpolitik seit der Grundentlastung. I Band. Tübingen. 1898. S. 38.

²⁾ Записки Наук. Т-ва ім. Шевченка. Т. IV. 1894.—В. Будзиновскій. Аграрні відносини Галичини, стр. 109 и сл.

³⁾ Schiff. Oesterreichs Agrarpolitik, S. 104—105.

Судьба галицкихъ украинцевъ въ освѣщеніи русскихъ журналовъ.

Продолжая нашъ обзоръ журнальнаго матеріала, посвященнаго Галичинѣ и судьбѣ галицкихъ украинцевъ ¹⁾, въ настоящей книжкѣ мы коснемся статей г. С. Сѣрополка „Народное образованіе въ Галичинѣ“, „Педагогич. Листокъ“ 1915 г., кн. III), г. С. Ефремова „Изъ исторіи возрожденія Галичины“ („Голосъ Минувш.“, № 2), г. Р. Выдрина „Русская публицистика подъ знакомъ національнаго вопроса“ („Соврем.“, № 2) и г. Старосельскаго „Малороссія внѣ границъ Россіи“ („Русск. Мысль“, № 2).

Статья г. Сѣрополка даетъ рядъ фактическихъ свѣдѣній, подкрѣпленныхъ соотвѣтствующимъ цифровымъ матеріаломъ, о нижней и средней школѣ Галичины (высшая упоминается лишь мелькомъ), а также о внѣшкольномъ образованіи. Наиболѣе подробно авторъ касается низшей школы, знакомитъ съ ея программой, приводитъ интересныя данныя о положеніи учащихся и ихъ организаціяхъ. Въ сферѣ внѣшкольнаго образованія онъ отмѣчаетъ дѣятельность „Просвіты“, „Науков. Т-ва“, „Літ.-Наукової Відавничої Спілки“. Наконецъ, указываетъ на многочисленныя (45) періодическія изданія на украинскомъ языкѣ, въ томъ числѣ и „москвофильскія“, „такъ какъ они также пользовались народнымъ украинскимъ языкомъ, лишь съ нѣкоторымъ налетомъ великорусскихъ формъ“ (стр. 225—6). Авторъ выражаетъ надежду, что въ новыхъ условіяхъ жизни культурная работа русинъ не остановится, а, наоборотъ, разовьется еще болѣе интенсивно „при томъ подъемѣ общественнаго движенія, который неминуемо послѣдуетъ за окончаніемъ великой русской освободительной войны“ (стр. 326).

Привѣтствуя появленіе статьи, привидимо и безпристрастно освѣщающей вопросы народнаго образованія Га-

¹⁾ „Украинская Жизнь“, февраль, стр. 44—52.

личины, въ журналѣ, предназначенномъ для народныхъ учителей, большею частью почти совершенно лишенныхъ возможности пользоваться толстыми журналами, мы должны отмѣтить нѣкоторый недосмотръ автора въ употребленіи терминологіи для обозначенія украинскаго населенія Галичины: такіе термины, какъ „русское населеніе“ (правда, въ скобкахъ „украинскій“), „русскій языкъ“ въ смыслѣ украинскаго, могутъ ввести читателя въ заблужденіе относительно національности галичанъ и легко послужить подкрѣпленіемъ для доказательствъ, той „русскости“ галичанъ, съ которыми такъ беззаботно и такъ охотно оперируетъ теперь націоналистическая и національ-либеральная печать, и, наконецъ, привести къ выводамъ, совершенно обратнымъ тѣмъ, которые дѣлаетъ авторъ. Да они и фактически невѣрны, такъ какъ понятіе „украинскій“ обозначается въ Галичинѣ словами „русьскій“ или „рускій“ съ однимъ „с“, а не двумя. А всѣ эти увѣренія объ „исконно-русскомъ“ характерѣ галичанъ, съ которыми часто выступаютъ, основаны только на искусственной игрѣ терминологіи: „русьскій“ и „рускій“, какъ оно понимается галичанами, произвольно отождествляются со словомъ „русскій“, употребляемымъ въ иномъ значеніи—„великорусскій“ или „общерусскій“, и всякая неосмотрительность въ этомъ отношеніи даетъ лишнее оружіе въ пользу реакціонныхъ утвержденій.

Мы не будемъ останавливаться подробно на статьѣ г. Ефремова, отсылая читателя непосредственно къ ней. Статья эта, исто историческаго характера, написанная на основаніи солидныхъ матеріаловъ, приводитъ много чрезвычайно интересныхъ данныхъ для характеристики экономическаго, правового и культурнаго состоянія Галичины, почерпнутыхъ изъ „Зап. Наук. Т-ва“ и другихъ научныхъ украинскихъ изданій, рисующихъ галицкое общество въ послѣднія десятилѣтія XVIII в., въ моментъ присоединенія къ Австріи.

Поставленное лицомъ къ лицу съ безгранично-тяжелыми условіями существованія галичанъ, до-нельзя разоренныхъ и угнетенныхъ, австрійское правительство вынуждено было притти на помощь своимъ новымъ подданнымъ цѣлымъ рядомъ либеральныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію ихъ экономическаго уровня. Между прочимъ и за украинскимъ языкомъ были признаны Nati-

onaldsprache. Это тѣмъ болѣе знаменательно, что австрійское правительство въ національномъ отношеніи въ то время склонялось къ политикѣ германизации, дѣлая лишь наиболѣе необходимыя національныя уступки, да и самое существованіе въ Галичинѣ украинскаго населенія было для него своего рода открытіемъ: польско-шляхетскій правящій слой совершенно заслонилъ галичанъ-украинцевъ, забитыхъ и приниженныхъ, и австрійцы, присоединяя новую провинцію вовсе не предполагали въ ней иного населенія, кромѣ польскаго. Поэтому „появленіе“ украинцевъ въ Галичинѣ имѣло характеръ неожиданнаго открытія, а національность ихъ привела въ смущеніе и доставила немало хлопотъ нѣмецкимъ ученымъ и чиновникамъ: ихъ считали разновидностью то русскаго, то греческаго, то даже иллирійскаго народовъ. Казалось, въ послѣднія десятилѣтія XVIII в. украинское общество переживало „весну“, но очень скоро, съ наступленіемъ реакціи послѣ смерти императора Іосифа II, обнаружилась вся ея непрочность и неподготовленность къ ней украинскаго населенія. На выясненіе причинъ крушенія культурно-національныхъ начинаній, вызвавшихъ при своемъ появленіи горячій, искренній энтузіазмъ и повышенныя надежды и вмѣстѣ съ тѣмъ угасшихъ не оставивъ почти никакого культурнаго наслѣдія, при полномъ равнодушіи тѣхъ, кто ими восхищался, и останавливается г. Ефремовъ.

Переходя къ двумъ послѣднимъ статьямъ, гг. Старосельскаго и Выдрина, я считаю необходимымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній методологическаго характера.

На страницахъ газетъ и журналовъ за послѣдніе мѣсяцы появилось немало статей, авторы которыхъ, рекомендуясь „очевидцами“ и „наблюдателями“ положенія дѣлъ въ Галичинѣ, подносятъ какъ непререкаемую истину венигретъ замѣчаній, схваченныхъ налету фразъ, сомнительныхъ интервью и на основаніи этого матеріала не только изображаютъ современное состояніе страны, но и рѣшаютъ ея будущую судьбу, каждый въ мѣру своей фантазіи. Само собою разумѣется, что объективной цѣнности такія „наблюденія“ не представляютъ и о дѣйствительности понятія не даютъ, подтверждая только старую, давно избитую истину о томъ, какимъ ненадежнымъ источникомъ являются личныя впечатлѣнія, ничѣмъ не корректируемыя, и съ какой осторожностью нужно ими пользоваться. А

между тѣмъ такое выступленіе въ качествѣ очевидца дѣлаетъ болѣе убѣдительными для читателя утвержденія автора, производитъ своего рода моральное давленіе въ пользу его выводовъ и, такимъ образомъ, достигается худшій видъ фальсификаціи—фальсификаціи общественнаго мнѣнія. Доказательствомъ крайняго субъективизма „наблюдателей“ можетъ служить та разногласица, которая наблюдается по самымъ кардинальнымъ вопросамъ: казалось бы одни и тѣ же факты должны быть наблюдаемы одинаково всѣми и, при расхожденіи въ мелочахъ, основные контуры будутъ сходны. Однако такого сходства нѣтъ, даже больше: господствуетъ такое разнорѣчіе, путаница и противоположность воззрѣній на такія легко видимыя даже человѣку постороннему явленія, какъ языкъ, на которомъ говоритъ населеніе, что приходится искать дефекты въ методахъ наблюденія: очевидно, способы преломленія были разные, и мы сталкиваемся здѣсь съ какими-то дефектами зрѣнія.

Русскіе публицисты въ Галичинѣ попадаютъ въ чрезвычайно неблагоприятныя условія, лишаящія ихъ возможности видѣть дѣйствительную жизнь и накладывающія отпечатокъ на ихъ заключенія. Если отбросить даже явную недобросовѣстность и преднамѣренное искаженіе истины въ угоду опредѣленнымъ теоріямъ (такихъ случаевъ было немало, и они не разъ отмѣчались на страницахъ „Укр. Жизни“), даже добросовѣстный наблюдатель сталкивается съ непреодолимыми трудностями: во-первыхъ, въ такой моментъ, какъ переживаемый сейчасъ галичанами, наблюдать дѣйствительно обычное содержаніе жизни невозможно, такъ какъ его нѣтъ, а для реконструкціи изъ обломковъ нужны и основательное знакомство съ ней, талантъ археолога-реконструктора, а этими-то свойствами и не обладаютъ галицкіе корреспонденты русскихъ газетъ ¹⁾. Во-вторыхъ, жизнь Галичины, своеобразную и непохожую на русскую, нельзя реконструировать по аналогіи съ русскими нравами, иначе неизбежно получатся тѣ древніе римляне и греки съ утонченными придворными манерами и куртуазными нравами конца XVIII, которыми полна ложно-классическая литература.

Достаточнаго же знакомства съ особенностями галиц-

¹⁾ Нѣкоторымъ исключеніемъ являются корреспонденціи Ганейзера въ „Русск. Вѣд.“, А. Большакова въ „Днѣ“, къ сожалѣнію, прекратившіяся.

кой дѣйствительности нѣтъ, благодаря чему наблюденія неизбежно поверхностны, отрывочны, факты незначительные или малозначительные возводятся въ рангъ первостепенно важныхъ, а освѣщеніе ихъ—перепѣвы съ чужого голоса, со словъ тѣхъ случайныхъ или тенденціозныхъ „освѣдомителей“, какъ, напр., дѣятели „Прикарпатской Руси“, съ которыми сталкивается авторъ въ Галичинѣ.

Въ результатъ вся картина искажается, и судить по многимъ изъ этихъ статей о состояніи Галичины было бы въ такой же мѣрѣ опрометчиво, какъ изучать современную оперу по „Вампукъ“ изъ репертуара „Кривого Зеркала“: шаржъ, карикатура, но не дѣйствительность.

Интересныя замѣчанія, вполне подтверждающія высказанное мнѣніе о цѣнности наблюденій многихъ корреспондентовъ и публицистовъ-очевидцевъ, даетъ статья г. Выдрина „Русская публицистика подъ знакомъ національнаго вопроса“. Статья эта представляетъ обзоръ полемики главнымъ образомъ, по украинскому вопросу вообще, но въ частности затрагиваетъ и Галичину, останавливаясь между прочимъ, на мнѣніяхъ о національности галичанъ, высказанныхъ различными публицистами: Струве, Таномъ и др.

Г. Выдринъ подчеркиваетъ мнѣніе г. Струве, по наблюденіямъ котораго общерусскій языкъ имѣлъ и имѣетъ прочную почву въ Галичинѣ:

«Тутъ (въ Галиціи) совершалось нѣчто почти чудесное. На разстояніи за пограничными столбами, въ условіяхъ непрерывнаго полицейскаго заподозрѣванія и гоненія, при полномъ равнодушіи русскаго прогрессивнаго общественнаго мнѣнія,—равнодушіи, о которомъ стыдно вспомнить,—культивировалась идея національнаго культурнаго единства русскаго народа» («Соврем.», стр. 139).

И въ самомъ близкомъ будущемъ, по мнѣнію г. Струве, необходимо и неизбежно „глубокое и широкое“ обрусѣніе Галичины.

«Оно будетъ совершаться силой вещей: русская культура даже въ военное время уже хлынула широкой волною въ Галицію» (ibid).

А вотъ другой очевидцевъ—г. Танъ,—котораго вовсе нельзя упрекать въ особомъ пристрастіи къ украинцамъ, и говорить онъ по этому же поводу слѣдующее:

«Во Львовѣ и Тарнополѣ по-нашему, по-русски (курсивъ Тана) никто говорить не умѣетъ, а всѣ говорятъ по-своему, по-руску, москвофилы точно такъ же, какъ украинцы» («Соврем.», стр. 141).

Такимъ образомъ, гг. Танъ и Струве, ссылаясь на личныя впечатлѣнія и наблюденія, утверждаютъ мнѣнія про-

тивоположныя. Я не буду останавливаться на других случаях разнорѣчій наблюдателей: такихъ примѣровъ можно было бы привести множество.

Въ связи съ категорическимъ утвержденіемъ г. Струве объ „исконности“ русскаго языка въ Галичинѣ особый интересъ приобрѣтаетъ историческая справка, приводимая г. Выдринымъ, а именно: три года тому назадъ, въ январѣ 1912 г., въ статьѣ „Общерусская культура и украинскій партикуляризмъ“ по тому же вопросу г. Струве писалъ слѣдующее:

«Еъ Галиціи малорусскій языкъ и теперь занимаетъ такое культурно-соціальное положеніе, которое заставляетъ его вырастать въ національный языкъ маленькой національности, но въ Галиціи нѣтъ естественной почвы для того общерусскаго языка (курсивъ нашъ), который созданъ вмѣстѣ съ современной Россіей и ее создалъ...» («Русск. Мысль», 1912 г., № 1, стр. 83).

Сопоставляя эти мнѣнія съ наблюденіями г. Тана, г. Выдринъ приходитъ къ заключенію, что чудеса—распространеніе русскаго языка—„за пограничными столбами“, „о которыхъ писалъ въ „Бирж. Вѣд.“ Струве, совсѣмъ миѣическія и, добавимъ, мгновенныя, такъ какъ три года тому назадъ о возможности ихъ даже мечтать не приходилось (впрочемъ, всякое чудо потому и чудо, что мгновенно и неожиданно, а придать ему длительность—оно и чудомъ быть перестанетъ).

Къ сожалѣнію, мнѣніе Выдрина по данному вопросу остается не вполне выяснено, такъ какъ конца цитированной выше фразы, но въ другомъ мѣстѣ онъ подчеркиваетъ, что „москвофильское утвержденіе о тождествѣ галиційскаго населенія съ русскимъ основано на искусственной игрѣ терминологіи“ („Совр.“, стр. 142).

Статья г. Старосельскаго „Малороссія внѣ границъ Россіи“ представляетъ собою пересказъ тѣхъ мнѣній, которыя были высказаны Струве и др. публицистами, съ тѣми же методами доказательствъ, съ тѣми же аргументами. Только подкрѣплены они авторитетомъ „очевидна“, который, однако, видѣлъ ровно столько и именно то, что было необходимо для оправданія априорно-тенденціозной схемы, положенной въ основу статьи. Впрочемъ отъ этого они нисколько не выиграли: ни достовѣрность ихъ не увеличилась, ни аргументы не стали болѣе убѣдительными, а постоянный подмѣнъ украинцевъ москвофилами

и лицемѣрные утверждения, къ которымъ авторъ прибѣгаетъ, ничуть дѣлу не помогаютъ.

Статья г. Старосельскаго, сообщая наблюденія, вынесенныя изъ жизни въ Галичинѣ, рисуетъ будущее галичанъ, какъ оно представляется автору. Г. Старосельскій категориченъ въ своихъ утвержденияхъ, онъ не хочетъ итти ни на какія „компромиссы“ въ видѣ объективныхъ данныхъ и, рѣшая кардинальныя проблемы, разрубая однимъ ударомъ запутанный узелъ галицкихъ отношеній, не считается съ фактами жизни. Такъ, напримѣръ, г. Старосельскій „не примѣтилъ“ въ Галичинѣ украинцевъ и національную украинскую проблему разсматриваетъ какъ созданіе интеллигенціи, той самой украинской интеллигенціи, на которую, какъ на бѣднаго Макара, сыплются сейчасъ всѣ націоналистическія шишки. Народныя массы вовсе не затронуты бацилой „мазепинства“ и

стихійное сознаніе единства русскаго народа, единства русской земли никогда не умирало и не умерло въ народѣ («Русск. Мысль», стр. 146).

А сейчасъ даже „совершается какой-то стихійный процессъ національнаго объединенія Галичины съ остальной Россіей“ (ів. 147); процессъ, охватившій и часть интеллигенціи.

Если даже принять на-вѣру высказанныя положенія, все же цѣлый рядъ отдѣльных замѣчаній автора, разбросанныхъ на протяженіи статьи, вызываетъ значительныя недоумѣнія. Такъ, высказавшись въ самыхъ лирическихъ выраженіяхъ по поводу „сознанія существа“ и „культурно-національнаго объединенія“ галичанъ, авторъ вдругъ заявляетъ, что

«Прикарпатская Русь, т.-е. Галиція, сѣверная часть Буковины и Угорщина, цѣлые вѣка жила своей особой духовной жизнью, частью храня и развивая національныя и религіозныя традиціи, которыя остались въ ней отъ тѣхъ временъ, когда Львовъ былъ постояннымъ сотрудникомъ и даже соперникомъ Кіева на общей нивѣ народной жизни южной Руси, частью создавая въ процессѣ приспособленія къ сложившейся политической обстановкѣ новыя формы культурно-національной жизни» (стр. 146).

И добавляетъ ниже:

«До сихъ поръ культурная связь Прикарпатской Руси съ Россіей была довольно слабой. Преподаваніе литературнаго русскаго языка даже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не допускалось, русская книга имѣла довольно ограниченное распространеніе, въ особенности въ крестьянскихъ массахъ, изученіе русскаго языка и русской литературы велось даже во Львовѣ въ нелегальныхъ кружкахъ; заѣзжавшій иногда во Львовъ русскія театральныя знаменитости, выступая въ городскомъ театрѣ, пѣли въ русскихъ операхъ по-французски» (стр. 148).

Словомъ, были такія условія, что даже дѣятельность москвофиловъ, которую, къ слову сказать, авторъ оцѣниваетъ очень высоко, направленная на распространеніе идей „культурнаго единства“, „значительнаго успѣха и размѣровъ имѣть не могла“ (стр. 152).

Та же картина и относительно языка галичанъ. Г. Старосельскій, ярый противникъ филологіи, какъ науки, вовсе не благопріятствующей выводамъ публициста націоналистическаго оттѣнка, находитъ, что

«въ русскомъ языкѣ онъ (народъ Галичины) усматриваетъ высшее выраженіе своей національной мощи и вмѣстѣ расцвѣтъ своей государственной силы» (стр. 154).

А на-ряду съ этимъ не отрицаетъ, что русскій литературный языкъ

«такъ же близокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ же далекъ отъ народныхъ галицкихъ говоровъ, какъ и языкъ польскій» (ibid.).

Откуда же въ такомъ случаѣ почва для „стихійнаго объединенія“ у народа, жившаго „своей особой духовной жизнью“, создавшаго „новыя формы культурно-національной жизнью“, съ „довольно слабой культурной связью съ Россіей“ и вдобавокъ говорящаго на своемъ отдѣльномъ „близко-далекомъ“ языкѣ? Она не открыта авторомъ, а поэтому всѣ его утвержденія пріобрѣтаютъ характеръ чудесный и переходятъ въ область мистическаго предвѣдѣнія и прорицанія, гдѣ не надо фактовъ и гдѣ нѣтъ мѣста ни историку, ни публицисту.

Чувствуя шаткость своей позиціи, г. Старосельскій для укрѣпленія ея приводитъ свидѣтельства украинцевъ, подтверждающихъ будто бы высказанныя имъ положенія: а именно онъ ссылается на Костомарова, Драгоманова, Ефремова и еще какого-то „убѣленнаго сѣдинами“ старца „украинскаго“ направленія изъ Галичины.

Какъ пользуются сочиненіями Костомарова и Драгоманова нѣкоторые публицисты, выворачивая ихъ наизнанку и толкуя произвольно, уже было указано В. Мякотинымъ въ февральской книгѣ „Русск. Записокъ“ за текущій годъ. Доказательство того же порядка представляетъ ссылка г. Старосельскаго на статью Ефремова „На перепутьи“, будто бы „совершенно справедливо“ утверждающей, что сознаніе „единства русской земли“, „единства русскаго народа“ въ Галичинѣ явилось послѣ подавленія русскими войсками венгерскаго возстанія въ 1848 г., хотя г. Ефремовъ подчеркиваетъ, что русины въ 1848 г. „выступили съ за-

явленіями о своей національной самостоятельности“ (стр. 325 „Р. Зап.“, 1914 г., № 2).

Если же г. Старосельскій имѣлъ въ виду возникновеніе москвофильства, выражавшаго эту идею единства, то и тогда его ссылка крайне рискованна, такъ какъ Ефремовъ указываетъ, что москвофильство не имѣло „сколько-нибудь замѣтнаго вліянія даже на верхи общества“, не говоря уже о массахъ“ („Р. Зап.“, стр. 320), и здѣсь ясенъ подмѣнъ украинцевъ москвофилами, о которомъ уже говорилось выше. Что касается послѣдняго свидѣтеля—анонимнаго старика-галичанина, то, вовсе не желая нарушать наставленіе: „предъ лицомъ сѣдого возстани и почти лице старче“, я все-же не могу согласиться съ авторомъ, что сѣдины—аргументъ достаточно вѣскій, и предпочла бы болѣе объективныя данныя, тѣмъ болѣе, что степень освѣдомленности этого несомнѣнно „почтеннаго“ источника будетъ показана ниже. Не болѣе убѣдительнымъ является и второе доказательство автора, выдвинутое для обоснованія все того же единства—распространеніе среди галичанъ „сочиненій Толстого и другихъ русскихъ классиковъ“: г. Старосельскій предусмотрительно забылъ упомянуть, на какомъ языкѣ они читаются, а такъ какъ онъ не оспаривалъ, что литературный русскій языкъ „далекъ отъ народныхъ галицкихъ говоровъ“, то остается предположить, что они переведены на эти „говоры“, т.-е. на украинскій языкъ. Дѣйствительно, переводы русскихъ классиковъ на украинскій языкъ существуютъ: такъ, во Львовѣ были изданы многія произведенія Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Чехова, Горькаго и др. и на-ряду съ ними Флобера, Мопассана, Гете, Гамсуна и т. п.

И тѣмъ не менѣе въ глазахъ г. Старосельскаго даже чтеніе русскихъ классиковъ на украинскомъ языкѣ считается симптомомъ утраты національности и свидѣлствуетъ о „притягательномъ дѣйствіи на душу малорусскаго крестьянина величайшихъ вождей русской культуры“, откуда ясна „призрачность всѣхъ идей сепаратизма“.

Весьма любопытна теорія происхожденія украинства. Основателемъ его является Драгомановъ, который благодаря тому, что „русскому литературному языку“ доступъ въ галицкую школу былъ загражденъ, пришелъ къ необходимости „всѣми силами развивать народный малорусскій языкъ и довести его до положенія національнаго языка“ (стр. 148).

Однимъ изъ „послѣдователей“ Драгоманова былъ уже упомянутый выше старикъ-галичанинъ, подѣлившійся любовно съ г. Старосельскимъ мотивами, заставлявшими его „стать украинцемъ“:

«Мы не хотѣли быть поляками, русскими мы быть не могли, при такихъ условіяхъ мы рѣшили стать украинцами» (курсивъ нашъ) (стр. 149).

Будущее Галичины рисуется г. Старосельскому въ видѣ полного ея обрусѣнія: русскій языкъ перестанетъ для нея быть великорусскимъ, и черезъ посредство его галичане пріобщатся къ „мировой общечеловѣческой культурѣ“.

«Во Львовѣ,—мечтаетъ г. Старосельскій,—«надо ожидать открытія русскаго университета; русскіе классики станутъ достояніемъ всего населенія, возникнетъ постоянный русскій театръ во Львовѣ, и можно даже ожидать такого праздника русской культуры, какъ пріѣздъ во Львовъ московскаго Художественнаго театра» (стр. 148).

Какова будетъ роль украинской культуры и языка,—авторъ прямо не говоритъ, даже высказывается за „береженіе мѣстныхъ особенностей“, но, очевидно, они должны будутъ постепенно заглотнуть. Правда, за „мѣстнымъ“ языкомъ въ низшей школѣ признается „извѣстное положеніе и значеніе“, но и цѣль и роль его совершенно невыяснены, и это допущеніе носить скорѣе характеръ временнаго компромисса или случайной обмолвки, такъ какъ на фонѣ той націоналистической утопіи, какую изображаетъ г. Старосельскій ему мѣста нѣтъ. И потому кажется заявленіе автора о сохраненіи „гражданскаго правопорядка“, „правосознанія“ и „повышеннаго интереса къ культурнымъ сторонамъ жизни“, отличающихъ Галичину, и необходимости поддержки украинскихъ экономическихъ и культурно-просвѣтительныхъ организацій.

«Крайне важно, чтобы новая созидательная работа (руссификація) протекала, по возможности, въ такихъ условіяхъ, къ которымъ край уже привыкъ, въ особенности за нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій, когда культурное возрожденіе Галиціи стало, дѣйствительно, дѣломъ широкихъ народныхъ массъ» (стр. 150),—

говоритъ г. Старосельскій и для начала предлагаетъ уничтожить украинскую школу, заставить украинскій языкъ „почитаться“ съ русскимъ и обуздать печать, какъ подчеркивающую „національную особенность“ украинцевъ, такъ и укоряющую ихъ „мазепинствомъ“. При этомъ онъ противникъ крутыхъ мѣръ, какъ нельзя болѣе далекъ отъ суровыхъ воздѣйствій и всѣми силами рекомендуетъ мягкость и „благожелательное“ отношеніе къ галичанамъ. Проводни-

ками этихъ идей явятся москвофилы, а украинцы волей-неволей должны будутъ подчиниться, тѣмъ болѣе, что „обстановка дѣлаетъ людей“.

Въ заключеніе, нѣсколько словъ о тонѣ статьи. Уже не одно десятилѣтіе прошло съ тѣхъ поръ, какъ появились „Господа Головлевы“ Салтыкова-Щедрина, выросшіе на почвѣ крѣпостнически-бюрократическаго быта. Съ тѣхъ поръ утекло много воды, измѣнились условія жизни, усложнились отношенія, и Порфирій Владимировичъ Головлевъ или, просто, Іудушка, казалось, навсегда сошелъ со сцены. Но онъ воскресъ на страницахъ статьи г. Старосельскаго, то-и-дѣло проглядываетъ его физіономія и за лирическими изліяніями о будущемъ счастья Галичины елеинно-медоточивый голосъ произносить ласково:

«Кому нехорошо, а намъ горяшки мало. Кому темненько да холодненько, а намъ и свѣтленько, и тепленько. Сидимъ да чаекъ попиваемъ. И съ сахаромъ, и со сливками, и съ лимонцемъ. А захотимъ съ ромцомъ—и съ ромцомъ будемъ пить... Сверхъ нужды пить не станемъ, а сколько нужно, столько выпьемъ. А отчего это такъ? Оттого, милый другъ маменька, что милость Божья не оставляетъ насъ» (С.-Щ., изд. Маркса, т. I, «Господа Головлевы», ст. 200).

Г. Старосельскій росчеркомъ пера уничтожаетъ украинскій языкъ и культуру, топчетъ упорную работу долгихъ лѣтъ и цѣлыхъ поколѣній и приглашаетъ къ сотрудничеству съ собою широкіе круги русской прогрессивной интеллигенціи. И невольно напрашивается цитата изъ труда Фихте, отца нѣмецкаго націонализма, которымъ теперь такъ любятъ упрекать нѣмецкую литературу и науку. Есть два типа народностей,—говоритъ философъ:—одинъ, сохраняя свои особенности, умѣетъ уважать и чужія; другой думаетъ, что можетъ существовать

«только одинъ способъ быть культурнымъ человекомъ; это—тотъ, который принять въ данный моментъ у нихъ; всѣ же остальные люди на свѣтѣ не имѣютъ никакого иного назначенія, какъ стать имъ во всемъ подобными, и должны еще благодарить ихъ за то, что они возьмутъ на себя трудъ передѣлать ихъ по своему образу и подобию».

Представителемъ второго типа является г. Старосельскій.

Н. Дворянская.

Двойною мѣрою.

(„О провокаціи“¹⁾).

Въ столицахъ шумъ, гремятъ газетные витіи и господинъ Петръ Струве (собираательный, конечно) уже открылъ свой вась-ись-дасть...

Поводъ для газетнаго шума, повидимому, достаточный и крайне соблазнительный. Провокація! Строго провѣренныя факты! Украинская измѣна! Мазепинская интрига!—такими аршинными заглавіями пестрятъ въ послѣдніе дни русскія газеты. Кажется, ни одной статьѣ въ наше сенсационное вообще время такъ не посчастливилось, какъ статьѣ г. Алексинскаго „О провокаціи“, перепечатанной цѣликомъ или въ извлеченіяхъ, съ комментаріями или безъ нихъ рѣшительно всѣми газетами. И, вѣроятно, не найдется теперь читающаго человѣка въ Россіи, который не говорилъ бы „о провокаціи“. И также вѣроятно, что лишь незначительное число говорящихъ такъ или иначе не пристегиваетъ къ этой шумной провокаціи украинскаго движенія. Характерно при этомъ, что непристегивающіе названной національности къ интернаціональному, можно сказать, вопросу о провокаціи большею частью стыдливо молчатъ; зато пристегивающіе большею частью, можно также сказать, рѣкой разливаются. Да, весьма удобный поводъ для газетнаго шума и патріотическаго словоизліянія...

Но, мнѣ кажется, уже въ самой этой обстановкѣ, при которой возникъ и происходитъ газетный шумъ о провокаціи, содержится извѣстная характеристика какъ самого событія, такъ и поведенія русской печати. Конечно, въ смыслѣ оцѣнки событія, если послѣднее передано вѣрно, не можетъ быть двухъ мнѣній. Еще при первыхъ слухахъ о „миссіи“ г. Меленевскаго въ Турціи, въ декабрѣ прошлаго года, единственный уцѣлѣвшій органъ украинскаго общественнаго мнѣнія называлъ предприятие „Союза освобожденія Украины“ „авантюрой“ и „безразсуднымъ шагомъ ничтожной поли-

¹⁾ Настоящая статья нѣсколько запоздала печатаніемъ не по винѣ автора. Ред.

тической группировки, потерявшей всякую способность ориентироваться въ ситуациі¹⁾... Теперь, когда получили широкую огласку приемы дѣйствій „ничтожной политической группировки“, къ приведенной характеристикѣ можно прибавить безчисленное множество убійственныхъ эпитетовъ, по заслугамъ клеймящихъ дѣйствія пресловутаго „союза“. Но это прежде всего, разумѣется, при условіи непререкаемой точности и полной достовѣрности сообщенныхъ о дѣятельности „союза“ свѣдѣній. Между тѣмъ даже съ этой стороны не все въ нашумѣвшихъ разоблаченіяхъ представляется равно убѣдительнымъ; на-ряду съ фактами, допускающими провѣрку, содержатся здѣсь и весьма сомнительныя, во всякомъ случаѣ не подлежащія провѣркѣ утвержденія. Печатаемая статья г. Алексинскаго, редакция „Современнаго Мира“ отвѣтственность за правильность сообщаемыхъ свѣдѣній возлагаетъ на автора. Авторъ заявляетъ, что всѣ факты „строго провѣрены“, но въ свою очередь перелагаетъ отвѣтственность на украинскую заграничную газету „Боротьба“, просто перепечатавая въ касающейся дѣятельности „союза“ части данныя этой газеты. Остается, однако, неизвѣстнымъ, какимъ образомъ названный первоисточникъ получилъ и провѣрилъ сообщаемыя свѣдѣнія. Да и провѣрилъ ли—это еще вопросъ. По крайней мѣрѣ лубочная выходка насчетъ „пьянства, метресь и высокаго (?) разврата“ одного изъ дѣятелей „союза освобожденія“ едва ли составляетъ необходимый и, главное, допускающій вполнѣ точную провѣрку штрихъ въ изображеніи „провокаціи“. Точно также выраженіе первоисточника: „г о в о р я т ь о двухъ милліончикахъ кронъ“¹⁾, если и свидѣтельствуешь о чемъ, то ужъ во всякомъ случаѣ не о „строгой“ провѣренности свѣдѣній. Если только „говорятъ“, то какой ужъ это, съ позволенія сказать, фактъ! Мало ли о чемъ „говорятъ“ и мало ли какія сплетни занимають досужее воображеніе!²⁾ А между тѣмъ центръ тяжести и вниманія пе-

¹⁾ „Украинская Жизнь“, 1914 г., кн. XI—XII, стр. 9—10.

²⁾ „Современный Миръ“, 1915 г., кн. III, стр. 63.

³⁾ Въ недавно вышедшемъ 2-мъ номерѣ „Боротьбы“ содержится любопытная черта, показывающая степень „провѣренности“ сообщаемыхъ этой газетой свѣдѣній. Здѣсь находимъ письмо въ редакцію г. Донцова, заявляющаго о томъ, что онъ вышелъ изъ „союза“ еще 21 сентября 1914 г. и никакого отношенія къ его дѣятельности не имѣетъ. „Строго провѣрившая“ свой матеріалъ для разоблаченій редакция, оказывается, еще въ февралѣ 1915 г. объ этомъ обстоятельствѣ не знала и разукрасила г. Донцова въ

реносится именно на эту лубочную обстановку, и за ней скрывается то единственно важное, что слѣдовало бы помнить среди газетнаго шума и всевозможныхъ манипуляцій съ „вась-ись-дасомъ“.

Единственно въ данномъ случаѣ важное, мнѣ кажется, лежитъ даже не въ вопросѣ „о провокаціи“, а въ совершенно иной плоскости—въ отношеніи къ данному событію русскаго общественнаго мнѣнія, насколько оно представляется въ современной прессѣ. Съ фактической стороны вопросъ можно считать элементарно яснымъ. Съ одной стороны—австрійское правительство, поступившее такъ, какъ поступаетъ обыкновенно правительство при подобныхъ обстоятельствахъ, съ другой — кучка прежде всего самозванцевъ, по той или иной причинѣ потерявшихъ способность ориентироваться въ политической обстановкѣ. Оцѣнка этого „сотрудничества“, даже безъ нарочитаго расцвѣчиванія его всѣми кричащими цвѣтами лубочной радуги, не возбуждаетъ сомнѣній: оно, какъ и всякая игра, одинаково отвратительно и съ той, и съ другой стороны, такъ какъ прежде всего не можетъ быть искреннимъ, не можетъ не являться результатомъ извѣстнаго расчета и стремленія къ обоюдному надувательству, не говоря уже о предполагаемой ли или доказанной денежной подоплекѣ такого сотрудничества. Но этотъ элементарно ясный вопросъ въ современныхъ условіяхъ россійской дѣйствительности падаетъ на почву, достаточно уже подготовленную всей предшествующей травлей украинскаго движенія,—и происходитъ любопытнѣйшее явленіе. Настоящая война давала уже примѣры огульныхъ обвиненій цѣлыхъ національныхъ и общественныхъ группъ во всевозможныхъ видахъ „измѣны“: евреи, армяне, грузины, магометане, социаль-демократы поочередно уже привлекали съ этой точки зрѣнія сугубое вниманіе,—и всегда находились люди и органы, которые протестовали противъ подобныхъ огульныхъ обвиненій, которые старались по крайней мѣрѣ разъяснить, что даже увлеченіе военными дѣлами и задачами не даетъ права безнаказанно лгать и клеветать. Совершенно иное отношеніе проявляется чрезвычайно, до ослѣпительности ярко въ украин-

числѣ прочихъ членовъ „союза“ всевозможными качествами. И это въ области фактовъ, допускающихъ провѣрку!... А что если и въ остальномъ, вплоть до того, о чемъ „говорятъ“ въ редакціяхъ „Борьбы“ и „Современнаго Мира“, такая же „точность“ и „провѣренность“?

скомъ вопросѣ. Здѣсь всякое ничтожнѣйшее лыко раздувается въ огромнѣйшую строку со стороны специалистовъ по открыванію политическаго „вась-ись-даса“ при полномъ почти безмолвствованіи противоположной стороны. Не знаешь въ концѣ-концовъ, чѣмъ объяснить это во всякомъ случаѣ зловѣщее молчаніе: есть ли это знакъ тайнаго согласія или просто безразличіе. За примѣрами ходить недалеко. По поводу безсмысленныхъ обвиненій еврейскаго населенія русскіе общественные и политическіе дѣятели опубликовали свой извѣстный протестъ и, разумѣется, правильно поступили. Но вотъ, не говоря уже о прочемъ, г. Маклаковъ въ интервью съ польскимъ журналистомъ бросаетъ фразу о зависимости всего украинскаго движенія отъ нѣмецкихъ денегъ,—и не только никто противъ этого не протестуетъ, но даже открытое письмо къ г. Маклакову, мѣсяць тому назадъ направленное мною въ редакціи нѣсколькихъ прогрессивныхъ изданій, до сихъ поръ мытарствуется по редакціямъ и, конечно, напечатано не будетъ. Исчезновеніе съ лица земли всей украинской прессы прошло почти незамѣченнымъ и неотмѣченнымъ въ русской печати даже съ чисто фактической стороны. Событія въ Галичинѣ, поставившія на карту существованіе уже просто культурныхъ цѣнностей, не освѣщены ровно ни съ какой стороны, хотя отсутствіе освѣщенія немѣшаетъ же, скажемъ, г. Брюсову „съ удовольствіемъ отмѣтить, что... край замѣтно обрусѣлъ“¹⁾. И т. д., и т. д.—буквально безъ конца. И даже къ рекламируемой теперь „провокаціи“ не трудно подобрать весьма красочныя параллели, о которыхъ, однако, ни слова не было произнесено въ русской печати. Вотъ, напримѣръ, „Биржевыя Вѣдомости“ свою перепечатку статьи г. Алексинскаго разукрасили разными этакими страшными заглавіями въ кинематографическомъ духѣ: „Кто провокаторъ?“, „Дѣло самозваннаго (?!) революціонера“ и т. п. Хорошо, пусть „Биржевыя Вѣдомости“ негодуютъ. Но вѣдь та же газета въ началѣ войны съ весьма замѣтнымъ респектомъ помѣщала статьи „бывшаго члена галиційскаго сейма“ г. Дудыкевича, С. Бендасюка и другихъ дѣятелей такъ-называемаго „карпато-русскаго освободительнаго комитета“, образовавшагося въ Кіевѣ изъ австрійскихъ подданныхъ, и отнюдь къ ихъ именамъ никакихъ страшныхъ и сильныхъ эпитетовъ

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“, № 73.

не присоединяла... Почему двойною мѣрою измѣряются совершенно аналогичныя явленія?

Скажутъ: „независящія обстоятельства“. Да, они, конечно, имѣютъ значеніе, и доказательствомъ этому служатъ хотя бы зіяющіе пробѣлы въ статьѣ г. Алексинскаго. Но тогда, во-первыхъ, возникаетъ сомнѣніе, слѣдуетъ ли возбуждать вопросы, освѣщенію которыхъ препятствуютъ указанные обстоятельства. А во-вторыхъ... во-вторыхъ, обсужденію въ украинскомъ вопросѣ особенно охотно подвергаются стороны, совершенно излишнія по существу, но неуязвимыя съ точки зрѣнія именно независящихъ обстоятельствъ. Примѣръ. Вотъ „Кіевская Мысль“,—вслѣдъ за неполной, съ характерными пропусками, перепечаткой статьи г. Алексинскаго этотъ прогрессивный органъ помѣщаетъ и соображенія уже „собственного корреспондента“ г. Энзиса о „трагедіи маленькихъ героевъ“¹⁾. Я увѣренъ, что подобнымъ размашистымъ тономъ г. Энзисъ не позволитъ себѣ говорить ни о какихъ трагедіяхъ, хотя бы и самыхъ маленькихъ людей другой національности. А объ украинцахъ—ничего, можно. И „Кіевская Мысль“, которая объ иныхъ сторонахъ украинскаго вопроса и не заикается вовсе и даже въ перепечаткахъ систематически вытравливаетъ самое слово „украинскій“, это неприличіе печатаетъ. Почему это?

Я думаю, что, отвѣтивъ на этотъ вопросъ, мы дадимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и правильную оцѣнку газетнаго шума, поднятаго вокругъ статьи г. Алексинскаго. Она называется „О провокаціи“ и, какъ правильно указали уже „Русскія Вѣдомости“²⁾, не совсѣмъ точно такъ называется. Но какъ назвать поведеніе прессы, которая, не будучи въ состояніи подвергнуть вопросъ правильному и всестороннему освѣщенію и систематически замалчивая несравненно болѣе важныя его стороны, все-таки стремится производить вокругъ него шумъ? Я не знаю, какъ назвать это, но не сомнѣваюсь, что названіе будетъ нехорошее. „Двойною мѣрою“—это будетъ, пожалуй, и слишкомъ слабо и неточно... И тѣмъ болѣе, что подумали ли эти шумящіе о провокаціи витіи о положеніи людей, которые со связанными руками и заклепаннымъ ртомъ, безъ языка принуждены смотрѣть на вакханаліи, разыгрывающіяся вокругъ ихъ національнаго имени? И неужели простыя соображенія о стыдѣ, тактѣ и достоин-

1) „Кіевская Мысль“, № 100.

2) „Русскія Вѣдомости“, № 82.

ствѣ печатнаго слова не подсказываютъ имъ единственно по условіямъ времени правильнаго рѣшенія—закрѣпить свой вѣсъ—исъ-дасть,—хотя бы временно закрѣпить, по крайней мѣрѣ до того момента, когда зрители поневолѣ получатъ, наконецъ, возможность выступить въ болѣе дѣятельной роли?

Выдвинутый статьей г. Алексинскаго вопросъ въ этой плоскости представляется мнѣ дѣйствительно чрезвычайно, до боли важнымъ. Важнымъ даже не исключительно съ моей, украинской, точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія просто уже достоинства русскаго печатнаго слова и дальнѣйшихъ украинско-русскихъ отношеній. Боюсь только, не утонулъ ли онъ уже окончательно и безнадежно въ газетномъ шумѣ, волной не совсѣмъ чистой сенсациі захлеснувшимъ истинную сущность вопроса...

С. Ефремовъ.

22/IV. 1915 г.

Случайныя замѣтки.

I. Легенда А. Погодина о С. В. Соловьѣвѣ.

Вокругъ украинскаго вопроса растутъ легенды, творятся „сказанія“, плетутся сѣти. Замѣтно влеченіе къ созданію легендъ въ области украинскаго вопроса и у харьковскаго профессора г. А. Погодина. Но онъ поступаетъ нѣсколько иначе, чѣмъ В. А. Маклаковъ ¹⁾. Послѣдній, муссируя сплетню о подкупѣ украинской интеллигенціи, повторяетъ на страницахъ польской прессы, при ея молчаливомъ попустительствѣ и явной готовности поддержать сплетню, въ сущности то, что вышло изъ нѣдръ этой же прессы. Мы видимъ, что здѣсь В. А. Маклаковъ совершенно не оригиналенъ и его творчество носить явныя черты позаимствованія безъ указанія источниковъ. А. Погодинъ оперировать созданіемъ чужого домысла не хочетъ и творить собственную легенду на украинскую тему, но, въ отличіе отъ г. Маклакова, не вкругъ живыхъ людей, а на могилѣ челоуѣка, совершенно неповиннаго въ творимой г. Погодинымъ легендѣ.

Психологическіе мотивы возникновенія этой легенды представляютъ несомнѣнный интересъ. Оказывается, что г. Погодинъ, несмотря на прежнія свои статьи объ украинствѣ какъ о явленіи безцѣльномъ и ненужномъ, а объ украинцахъ какъ народѣ во всѣхъ отношеніяхъ конченномъ и безнадежномъ, все-же не теряетъ надежды на исправленіе и покаяніе ихъ, конечно, съ отказомъ отъ заблужденій, и готовъ протянуть пальмовую вѣтвь мира тѣмъ, о комъ онъ говорилъ такъ жестоко, къ кому онъ съ такимъ униженіемъ относился, кого онъ не разъ и не два выставлялъ на позорище. Нынче онъ готовъ трогательно признать, что „прекрасная Малороссія заслуживаетъ своихъ поэтовъ, своихъ дѣятелей“, что интеллигенція „родного намъ малороссійскаго народа“ имѣетъ право не отре-

¹⁾ См. „Украинская Жизнь“, № 3—4, стр. 111—114.

каться „отъ любви къ своему народу“,—но попутно съ этимъ Погодинъ увѣряетъ всѣхъ и каждого, что „наши украинцы“ лишены способности учиться и не хотятъ мыслить. „Если бы они вообще могли учиться и хотѣли мыслить!“—скорбить онъ, страдая за украинцевъ. И все-же, несмотря на такую обобщающую и безвозвратную характеристику „вообще“ украинцевъ, безъ всякихъ исключеній, Погодинъ „во имя великаго дѣла любви“ рѣшается, видимо, на послѣдній педагогическій пріемъ для того, чтобы вразумить закоренѣлыхъ въ своихъ заблужденіяхъ украинцевъ и путемъ нагляднаго примѣра привести не „хотящихъ мыслить“ къ сознанию заблужденія и къ признанию правильности взгляда г. Погодина на украинскій вопросъ. Сущность этого взгляда,—читатель нашъ, конечно, помнитъ,—сводится къ тому, что украинскій народъ, въ интересахъ собственнаго благополучія и культурнаго совершенствованія, долженъ отказаться отъ созданія своей культуры и сдѣлаться матеріаломъ для удобренія другихъ народовъ; то, что сдѣлано украинскимъ обществомъ для развитія народа, ненужно, вредно, опасно. Эту нехитрую науку украинцы никакъ не могутъ понять и усвоить. Съ точки зрѣнія г-на Погодина это—непроходимая тупость, отсутствіе всякой способности къ усвоенію элементарныхъ понятій, свидѣтельствующая о крайней степени низкаго уровня „нашихъ украинцевъ“. И вотъ для того, чтобы втемяшить въ сознаніе украинцевъ элементарныя положенія, вызывается изъ могилы привлекательный и, судя по отзывамъ, обаятельный образъ покойнаго харьковскаго профессора С. В. Соловьева, который долженъ сопутствовать вызывающему какъ его alter ego во взглядѣ на украинскій вопросъ и служить, такъ сказать, „прикрытіемъ“ для достиженія поставленнаго заданія. Такъ часто бываетъ: когда ищутъ единомышленниковъ, авторитетныхъ и импонирующихъ, и не находятъ ихъ среди живыхъ или хотятъ увеличить число „одинакомыслящихъ“, всегда ссылаются на мертвыхъ, навязывая имъ свои цѣли и взгляды, съ которыми часто никакъ не вяжется то, что мы знаемъ объ ушедшихъ отъ насъ. Подобное случилось съ г. Погодинымъ. Ему было мало гг. Струве, Щеголева, всѣхъ именитыхъ и мелкотравчатыхъ націоналистовъ и почему-то понадобилось еще сослаться на С. В. Соловьева для подтвержденія той мысли, что украинство, какъ литературное и общественно-національное явленіе, должно быть втиснуто въ ложе провинціализма и что всякія стремленія къ расширенію этого узкаго русла вызывали

и вызываютъ отрицательное отношеніе не только со стороны г. Погодина, въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго, но и со стороны такихъ людей, какъ покойный С. В. Соловьевъ. Когда поставлена была эта цѣль, г. Погодинъ рѣшилъ раскрыть новую страницу изъ біографіи С. В. Соловьева и повѣдать слѣдующее: „покойный владѣлъ небольшимъ имѣніемъ въ Екатеринославской губ. и очень любилъ Малоросію, но совершенно чуждался современнаго политическаго украинства“¹⁾. На продолженіи этой мысли,—вы, конечно, понимаете?—стоитъ мораль: если С. В. Соловьевъ, человѣкъ безупречный и въ общественномъ, и въ моральномъ смыслѣ, чуждался украинства, то, очевидно, не даромъ; очевидно, въ этомъ явленіи есть дѣйствительно какія-то отталкивающія черты, заставляющія людей чуждаться его какъ чумы, стоять отъ него возможно подальше. А эта мораль можетъ служить, конечно, косвеннымъ доказательствомъ правильности позиціи самого г-на Погодина въ украинскомъ вопросѣ и цѣлесообразности той атаки, какую онъ на столбцахъ „Утра Россіи“ въ послѣдніе годы ведетъ на „осинныя гнѣзда“ и культурно-общественныя стремленія украинцевъ. Принявъ и первое положеніе, и второе, слѣдуетъ заключить, что между Погодинымъ съ одной стороны и С. В. Соловьевымъ съ другой никакого различія во взглядахъ на украинскій вопросъ нѣтъ и что г. Погодинъ имѣетъ право назвать послѣдняго „товарищемъ“ не только по факультету, но и по общему отношенію къ украинскому вопросу.

Такое сопоставленіе рядомъ именъ А. Погодина и С. В. Соловьева было бы совершенно неправильнымъ и во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ для памяти послѣдняго. Мнѣ живо помнятся статьи харьковскихъ газетъ, посвященныя покойному харьковскому профессору въ связи съ его неожиданной смертію, но ни въ этихъ статьяхъ, ни въ некрологахъ я не помню, чтобы былъ хотя намекъ на ту черту въ его біографіи, о которой сообщаетъ теперь г. Погодинъ. Покойный С. В. Соловьевъ не былъ политическимъ дѣятелемъ и въ частности никогда и нигдѣ не манифестировалъ своихъ отношеній къ „современному политическому украинству“, которое едва-ли всесторонне могло его интересовать въ виду того, что интересы С. В. Соловьева лежали въ другой плоскости. Желая себя провѣрить и выяснить украинскіе моменты, связанные съ С. В. Соловьевымъ, я обратился къ наиболѣе

¹⁾ „Утро Россіи“ № 27, 1915.

обстоятельной статьѣ проф. Н. Ф. Сумцова въ „Вѣстникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества“, № 4, 1913, посвященной памяти покойнаго, и вотъ что между прочимъ нашель я въ любовно и тепло написанныхъ строкахъ стараго харьковскаго профессора:

„С. В. Соловьевъ не вла дѣ л ѣ украинскимъ языкомъ, но, проживая среди украинскаго народа, онъ питалъ къ нему расположеніе. Увлекаясь сильно новой провансальской литературой, главнымъ образомъ какъ онъ выражался въ докторской диссертациі, по причинѣ ея ярко выраженнаго гуманитарнаго направленія, простоты, искренности и любви къ ближнимъ, С. В. не могъ не признавать такого еще болѣе обездоленнаго явленія, какъ украинское литературное и народное слово... С. В. Соловьевъ, глубоко проникнутый гуманизмомъ провансальской литературы, и на украинскій языкъ, украинскую литературу склоненъ былъ смотрѣть глазами Мистраля. Ему, какъ стилисту, непріятна была порча украинскаго языка, съ которымъ онъ былъ знакомъ по Шевченку, но въ принципіальномъ смыслѣ онъ стоялъ на почвѣ безукоризненнаго національнаго и литературнаго доброжелательства“.

Приведенное сообщеніе говоритъ нѣчто иное, чѣмъ то, что считаетъ нужнымъ нынѣ, черезъ три года по смерти Соловьева, сообщить о немъ г. Погодинъ. Изъ этого сообщенія Н. Ф. Сумцова, знавшаго своего товарища по факультету долго (25 лѣтъ) и близко, мы можемъ заключить, что во всякомъ случаѣ отношеніе С. В. Соловьева къ украинству было совершенно непохожимъ на отношеніе къ нему со стороны Погодина. Ибо, если покойный профессоръ склоненъ былъ смотрѣть на украинскій языкъ и украинскую литературу глазами Мистраля, то еще не значить, что этотъ взглядъ правиленъ и въ достаточной степени обоснованъ; Соловьевъ знакомъ былъ съ украинской литературой лишь по Шевченку, а этого мало, чтобы имѣть правильное представленіе о содержаніи и достиженіяхъ современнаго культурнаго украинскаго творчества. Но и независимо отъ этого отношеніе С. В. Соловьева къ украинству было безукоризненно доброжелательнымъ, чего, конечно, никакъ нельзя сказать о г. Погодинѣ. И, прочитавъ ссылку послѣдняго на С. В. Соловьева, какъ на единомышленника во взглядѣ на украинскій вопросъ, невольно диву даешься: зачѣмъ понадобилось г. Погодину создавать легенду вокругъ имени

человѣкъ, который совершенно не подходитъ для уготовленной ему роли и, вѣроятно, всѣми силами,—быль бы онъ живъ,—запротестовалъ бы противъ навязываемаго ему амплуа въ антиукраинскомъ походѣ?! Неужели г. Погодинъ не могъ для этой цѣли избрать болѣе подходящихъ кандидатовъ, которыхъ вѣдь нынче не счесть, но отъ которыхъ покойный С. В. Соловьевъ постарался бы отойти подальше въ сторону?

Видимо, плохо обстоитъ дѣло у г. Погодина съ подборомъ и накрпленіемъ возраженій противъ украинства; мало живыхъ единомышленниковъ,—вызываемъ мертвого изъ гроба, приписываемъ ему свои мысли въ расчетъ: не разберутъ, молъ, гдѣ мое, а гдѣ его,—и въ процессъ этого своеобразнаго фольклорнаго творчества забываемъ и о чувствѣ мѣры въ выдумкѣ, и о необходимости сдѣлать ее похожей на правду.

С. Петлюра.

II. Еще одинъ Тряпичкинъ-очевидецъ.

Ролью „Тряпичкина-очевидца“ соблазнился и русскій беллетристъ г. Кондурушкинъ, претендующій на чуткость въ пониманіи „духовныхъ запросовъ большихъ народныхъ массъ“... Пока онъ, „вояжируя по Галиціи“, писалъ о томъ, какъ „чирикаютъ воробы“ и „кричатъ галки“, эти цѣнные наблюденія печатались на страницахъ „Рѣчи“, но когда г. Кондурушкину захотѣлось поставить діагнозъ „больной странѣ“ (см. „Биржевыя Вѣдомости“, 4 мая 1915 г.), ему пришлось искать гостепріимства въ пропперовскомъ „парламентѣ мнѣній“, хотя еще правильнѣе было бы итти въ суворинскій...

Казалось бы, что беллетристъ, впервые посѣщающій незнакомую страну, прежде всего ознакомится съ ея художественной литературой, если его интересуеъ душа незнакомаго ему народа. Но г. Кондурушкинъ вмѣсто чтенія Франка, Федьковича, Стефаника, Кобылянской, Мартовича и др. сталъ „бесѣдовать“ съ москвофилами и серьезно, повидимому, думаетъ, что всѣ благоглупости, повѣданныя его собесѣдниками, даютъ необыкновенно цѣнный матеріалъ для его діагноза „больной странѣ“. Во всякомъ спорѣ, конечно, необходимо выслушать обѣ стороны. Но вѣдь „споръ“

украинцевъ съ „людьми русскихъ убѣждений“ въ Галиціи не словесный споръ, гдѣ надо выслушать аргументы обѣихъ сторонъ и тогда „судить“. Для сужденія объ украинцахъ и москвофилахъ въ Галиціи важно вѣдь не то, что они сами „о себѣ“ говорятъ, а то, что можно узнать, изучая исторію галиційскихъ общественныхъ, политическихъ, соціальныхъ и національныхъ отношеній. И нужно воистину все легкомысліе Тряпичкина-очевидца, чтобы, выбросивъ за бортъ весь этотъ матеріалъ, съ фельетонной развязностью приглашать „судить“ на основаніи матеріала, почерпнутаго изъ случайныхъ бесѣдъ со случайными собесѣдниками.

Украинцы, ни галицкіе, ни російскіе, никогда никого не приглашали „судить“ по своимъ „показаніямъ“ о себѣ, а если критиковали своихъ противниковъ, то на основаніи фактическаго матеріала, такъ что для возраженія противъ этой критики прежде всего необходимо разбираться въ фактическомъ матеріалѣ. Въ частности, російскіе украинцы и до войны на страницахъ „Украинской Жизни“, и уже во время войны въ специальной книгѣ, посвященной „Галичинѣ“, стремились дать русскому обществу необходимый матеріалъ для пониманія галицкихъ отношеній. Кто же и гдѣ доказалъ его невѣрность, тенденціозность, лживость, подкрѣпивъ свои доказательства фактами?

Г. Кондурушкину „уже извѣстны показанія украинства вообще и мазепинства въ частности“. Но ему совершенно неизвѣстны, судя по опубликованнымъ бесѣдамъ съ „людьми русскихъ убѣждений“ въ Галиціи, дѣйствительныя отношенія въ Галиціи. Знакомство съ ними онъ замѣняетъ „бесѣдами“ и заканчиваетъ свой фельетонъ побѣдоноснымъ восклицаніемъ: „Вотъ что говорятъ о себѣ „люди русскихъ убѣждений“ въ Галиціи. Ну, хорошо—„говорятъ“. А гдѣ у г. Кондурушкина критерій для сужденія, насколько все ему рассказанное соотвѣтствуетъ дѣйствительности? „До сихъ поръ образованное русское общество,—увѣряетъ г. Кондурушкинъ,—узнавало о нихъ (москвофилахъ) черезъ гг. украинцевъ“. Это фактически невѣрно: о москвофилахъ лѣтъ шесть тому назадъ писалъ въ „Московскомъ Еженедѣльникѣ“ князя Е. Трубецкого проф. А. Погодинъ, писалъ въ московскихъ газетахъ покойный А. А. Стаховичъ. Послѣдній, при всей своей искренности и правдивости, совершенно не разобрался въ галицкихъ отношеніяхъ, но проф. А. Погодинъ вѣдь и не украинецъ, и въ пристрастіи къ украин-

цамъ заподозрѣнь быть не можетъ. Пусть перечтетъ его „показанія“ г. Кондурушкинъ: онъ убѣдится въ чрезвычайной ихъ близости къ „показаніямъ“ „гг. украинцевъ“.

Наконецъ, неосвѣдомленность и,—что хуже ея,—неправильная освѣдомленность—не аргументъ. Если бы г. Кондурушкинъ далъ русскому обществу матеріаль для освѣдомленія о галицкихъ отношеніяхъ, онъ заслуживалъ бы только благодарности. Но для этого нужно серьезное изученіе, а г. Кондурушкинъ вмѣсто него предпочелъ „бесѣдовать съ людьми русскихъ убѣжденій“ въ Галиціи...

Спорить съ его „собесѣдниками“—трудъ бесполезный; мы здѣсь отмѣчаемъ только удивительный методъ, какимъ оперируетъ г. Кондурушкинъ: негодность его ясна безъ лишнихъ комментаріевъ... Люди, сколько-нибудь знакомые съ украинствомъ въ Галиціи, хорошо знаютъ прежде всего, что оно не едино, что въ немъ существуютъ различныя направленія; знаютъ, что „галицкая политика“ подверглась рѣзкой критикѣ, напримѣръ, въ извѣстной брошюрѣ проф. М. Грушевскаго „Наша політика“ (Львовъ, 1911 г.); нѣкоторые, можетъ быть, припомнятъ и мои корреспонденціи изъ Львова въ „Рѣчи“ лѣтомъ 1913 г. съ отчетомъ о галицко-украинскихъ дѣлахъ въ Галиціи и критической оцѣнкой формировавшихся тогда лозунговъ. У галицко-украинской политики были свои цѣли и ошибки, но она можетъ указать и на свой активъ въ видѣ культурныхъ и политическихъ достижений. Правительственной партіей, вопреки показаніямъ собесѣдниковъ г. Кондурушкина, украинство въ Галиціи никогда не было, а въ борьбѣ за права и интересы своего народа съ господами положенія въ краѣ—поляками, стремившимися полонизировать украинцевъ,—часто встрѣчало москвофиловъ въ станѣ союзниковъ своихъ враговъ.

Жизнь края нынѣ стоитъ передъ неизвѣстной завѣсой будущаго, но если для пониманія настоящаго необходимо знаніе прошлаго, то для созиданія будущаго еще болѣе необходимо исходить изъ точнаго и внимательнаго изученія элементовъ, матеріала будущей постройки. Это обязываетъ къ изученію народа новаго края, его культуры. А вѣдь культуры не изучишь по бесѣдамъ, хотя бы и съ „обѣими сторонами“. Необходимо изученіе хозяйства, экономическаго быта, экономическихъ организацій, просвѣщенія, науки, литературы, церковной организаціи и многого

другого. Во всѣхъ этихъ областяхъ украинцы въ Галиціи, какъ выразился одинъ изъ ихъ дѣятелей, „Русь святу від поляків боронили, боролися з поляками, румунами, мадярами, німцями і вибороли собі яку-таку долю“...

Развязность г. Кондурушкина и благоглупости, сообщенныя ему собесѣдниками, этого факта не уничтожатъ. Г. Кондурушкинъ съ легкимъ „говорять“ бросаетъ украинцамъ обвиненіе въ томъ, что отчасти по ихъ „доносу“ австрійцы производили аресты людей „русскихъ убѣжденных“. Его „собесѣдники“ справедливѣе и указали ему, что австрійцы вѣшали „и тѣхъ, и другихъ“ (и украинцевъ, и руссофиловъ). Сейчасъ не время исчислять, на кого какія бѣды и гоненія обрушила война. Бѣдствія войны, какъ бы они ни были тягостны,—переходящи, а народы—неистребимы... Изъ развалинъ подымется новая жизнь! Но отъ русскаго беллетриста, взявшагося въ трагическій моментъ исторіи края „судить“ объ его внутреннихъ отношеніяхъ, можно было ожидать, что онъ не соблазнится ролью Тряпичкина-очевидца, и если ему непосильно изученіе всего того, что для такого сужденія необходимо, то хотя остановится вдумчивымъ взглядомъ на томъ, что ему должно быть близко. Если бы г. Кондурушкинъ ограничился, напримѣръ, той частью „спора“ гг. украинцевъ съ „людьми русскихъ убѣжденных“ въ Галиціи, которая происходитъ на аренѣ литературнаго творчества, онъ увидѣлъ бы тутъ съ одной стороны произведенія И. Франка, Федьковича, Кобылянской, Стефаника, Мартовича, Бордуляка и др., а съ другой—ни одного крупнаго дорованія, ни одного таланта. Это вѣдь, говоря словами г. Кондурушкина, „о чемъ-то свидѣтельствуешь“...

Вмѣсто того, чтобы передавать со словъ собесѣдниковъ о непониманіи галицкими крестьянами украинскаго перевода „Тараса Бульбы“ и чрезвычайномъ успѣхѣ москвофильскаго изданія подлинника, г. Кондурушкинъ могъ бы достать цифры распространенія въ Галиціи украинскихъ изданій и москвофильскихъ и хотя поддержать въ рукахъ и перелистать москвофильское изданіе „подлинника“ гоголевскаго „Тараса Бульбы“... Многое могъ бы г. Кондурушкинъ даже при краткости своего „вояжа“ по Галиціи, если бы его не соблазнила роль Тряпичкина-очевидца. На всякій спросъ находится предложеніе: на гг. Тряпичкиныхъ сейчасъ спросъ очень большой...

Мих. Могилянскій.

Ш. Государственный прозорливец г. Савенко.

Это „страшно“ интересно! Слушайте:

„Съ береговъ Днѣпра“ Членъ Гос. Думы А. Савенко,—такъ подписываетъ этотъ публицистъ свои статьи,—увѣряетъ редакцію „Прикарпатской Руси“, что чуть не одинъ только онъ давно раскусилъ истинную природу и „вся сокровенная“ украинцевъ. Не только то, что они эзоповскимъ языкомъ пишутъ и говорятъ,—недаромъ вѣдь сказано, что языкъ данъ человѣку для того, чтобы онъ лучше могъ скрывать свои мысли,—но и то, что они думаютъ; даже больше,—что находится у нихъ въ сферѣ подсознанія и до чего они еще не додумались. Онъ „давно знаетъ, что „украинское“ движеніе—измѣнническое“, и разоблаченія г. Алексинскаго на него „не произвели никакого впечатлѣнія“. Русское общество, по словамъ Савенка, отличается „неосвѣдомленностью и наивностью въ отношеніяхъ къ „украинскому“ движенію“. Савенко, въ противоположность русскому обществу,—человѣкъ очень освѣдомленный и очень не наивный. Онъ своимъ здравымъ умомъ и не менѣе здоровой натурой, лишенной, тоже въ отличіе отъ русскаго общества, „довѣрчивости и простодушія“, давно разгадалъ „тотъ іезуитизмъ, который давно усвоенъ вожаками „украинства“. А, разгадавъ и почуявъ, такъ сказать, „чѣмъ дѣло пахнетъ“, Савенко, сильный своею увѣренностью и увѣренный въ дальнозоркости своего глаза, который, по его же признанію, „съ дѣтскихъ лѣтъ“ наметался на украинскихъ продѣлкахъ, началъ разоблачать „невинныхъ агнцевъ“ въ маскѣ. Талантъ даетъ себя знать рано: иные гении еще грудными ребенками обнаруживаютъ задатки своего будущаго величія. Пока не написана біографія г. Савенка, мы, къ сожалѣнію, принуждены блуждать въ потемкахъ и строить только догадки да проблематическія гипотезы о времени перваго выступленія будущаго разоблачителя украинскихъ интригъ. Допустимо, что изслѣдователи жизни и дѣяній г. Савенка предложатъ не одно объясненіе тѣхъ, пока еще неизвѣстныхъ, факторовъ, подъ влияніемъ которыхъ талантливый ребенокъ уже съ дѣтскихъ лѣтъ началъ присматриваться къ загадочному явленію, именуемому украинствомъ. Но мы, живые современники г. Савенка, удовольствуемся пока лишь авторитетнымъ признаніемъ самого объекта будущихъ изслѣдованій, что уже дѣтскіе годы его жизненнаго пути запечатлѣлись усиленной работой мысли

и зрительныхъ впечатлѣній, направленныхъ къ изученію и познанію украинства. Возможно, что подъ знакомъ притяженія къ украинству, въ различныхъ его формахъ и проявленіяхъ, въ разнообразныхъ его элементахъ и раскрытіяхъ, прошла вся жизнь г. Савенка, вплоть до послѣдняго момента. За нѣсколько десятилѣтій зрительныя впечатлѣнія расширились, распыленные, индуктивные элементы наблюдений были продуманы и напряженіемъ творческой мысли углублены, а, пройдя такія горнила контролирующихъ испытаній, воплотились въ законченный синтезъ, развитой до совершенства, отшлифованный до безукоризненности, до такой степени, гдѣ все стоитъ на своемъ мѣстѣ, гдѣ всѣ детали, незначительныя извилины и для простого глаза незамѣтныя черточки тѣсно связаны другъ съ другомъ, одна отъ другой завися, одна другую дополняя, одна другую порождая. Савенко, обладая такимъ цѣннымъ матеріаломъ наблюдений надъ украинствомъ, не скрывалъ его подъ спудомъ: меньше всего онъ хотѣлъ уподобиться лукавому евангельскому рабу, и отъ времени до времени раскрывалъ передъ современниками сокровищницу своихъ познаній въ украинскомъ движеніи. Онъ дѣлалъ больше и приглашалъ современниковъ черпать изъ нея полными пригоршнями, обогащаться всѣхъ, кто чувствовалъ себя нищимъ и невѣжественнымъ или голоднымъ въ вопросахъ, касающихся украинства. И невѣжественные и голодные прибѣгали къ сокровищницѣ г. Савенка: одни — просвѣтляя свое невѣжество, другіе — насыщаясь крохами украиновѣдѣнія, падавшими со столовъ „Кіевлянина“, „Новаго Времени“, „Полтавскаго Вѣстника“, „Подольянина“ и иныхъ изданій, гдѣ дѣлился своими богатыми познаніями въ украиновѣдѣніи г. Савенко. Мы, современники подвиговъ на этомъ поприщѣ г. Савенка, знаемъ и помнимъ, какъ и что писалъ онъ по вопросамъ, связаннымъ съ украинствомъ и въ какомъ направленіи, въ какомъ, такъ сказать, стилѣ шло раскрытіе имъ существа украинства. Но память вѣдь притупляется, и мы теперь, несомнѣнно, не могли бы вспомнить во всей полнотѣ облика украинства, созданнаго творческою кистью г. Савенка, если бы онъ не пришелъ къ намъ на помощь и не возсоздалъ снова въ существенныхъ чертахъ прежнихъ плодовъ своего творчества. Этотъ образъ реставрированъ мастеромъ на столбцахъ „Прикарпатской Руси“ въ № отъ 20 апрѣля с. г.

Съ даромъ ясновидящаго и прозорливца, проникающаго

въ глубины помысловъ человѣческихъ и умѣющаго въ то же время изъ раздробленныхъ частей и отдѣльныхъ кусочковъ жизни создать цѣльный образъ ея, дать ему надлежащее имя, прочесть ненаписанное, вскрыть несозрѣвшее, обобщить раздробленное, со всѣми этими дарованіями подходить г. Савенко къ тому сфинксу, который именуется украинцемъ, и называетъ его настоящимъ именемъ: „народные отщепенцы и предатели вообще“. Всѣ безъ изъятія, всѣ до одного, всѣ „вообще“! Конечно, редакція „Прикарпатской Руси“ согласна съ этимъ: еще бы! Но Савенко—членъ Госуд. Думы—да благословить аллахъ избирательный законъ 3-го іюня 1907 г.!—отчего ему не предоставить мѣсто для повторенія „многажды“ изложеннаго и не единожды запечатлѣннаго?! Въ самомъ дѣлѣ почему не повторить лишній разъ, что „украинцы—предатели вообще“? Если этому не повѣрило до сихъ поръ русское общество, несмотря на увѣренія утверждавшихъ это, то вѣдь,—недаромъ капля камень точить,—не слѣдуетъ падать духомъ: быть можетъ, и повѣритъ, въ особенности, когда ему представятъ неопровержимыя доказательства общей измѣны украинства и докажутъ, что это такъ же вѣрно, какъ дважды два четыре? И Савенко утверждаетъ, что въ приложеніи къ украинскому предательству дважды два дѣйствительно четыре.

Вы хотите провѣрить эту аксіому? Хотите убѣдиться, что въ этомъ утвержденіи нѣтъ ошибки?

Слѣдуйте только методологическимъ путемъ, протоптаннымъ на столбцахъ „Прикарпатской Руси“ г. Савенкомъ, и вы придете къ тѣмъ же выводамъ, которые осіяли г. Савенка. Ни вправо, ни влѣво при этомъ не уклоняйтесь и забудьте о фактахъ. Да и что такое факты? Вѣдь, если ихъ нѣтъ, то тѣмъ хуже для фактовъ! Помните, что только прозрѣніе и ясновидѣніе, визионерство и суггестія—вѣрные компасы для достиженія поставленной цѣли.

„Украинцы—предатели вообще“. Какъ это происходитъ, въ итогѣ какого процесса собирательный украинецъ дѣлается предателемъ? Исчерпывающій отвѣтъ на эти вопросы и даетъ г. Савенко въ своей статьѣ, собственно въ той части ея, гдѣ изложены приемы „работы“ украинцевъ. Я долженъ сказать, что въ этой части статья г. Савенка представляетъ несомнѣнный, огромный интересъ въ одинаковой мѣрѣ какъ для историка, такъ и для психолога (Мнѣ кажется даже, что не отвернется отъ нея и психіатръ). Чтобы читатель

самъ могъ убѣдиться въ ярко выраженныхъ, неповторяемыхъ чертахъ статьи г. Савенка, мы дословно будемъ воспроизводить ихъ въ той редакціи, какъ онѣ вылились изъ-подъ пера ясновидца Савенка.

Итакъ, какъ „вожаки мазепинства“ дѣлають изъ православныхъ малороссовъ „украинцевъ“?..

Очень просто, оказывается, но въ то же время и съ чисто іезуитскимъ методомъ. Простота и сложность приѣма иллюстрируется на примѣрѣ „работы“ среди „учащейся молодежи“.

Обращаются къ ней. Ну, „сначала идетъ рѣчь о такихъ невинныхъ вещахъ, какъ малорусская рѣчь, малорусская пѣсня, одежда и т. д.“. Когда поговорять объ одеждѣ, споютъ пѣсню, дѣло, въ сущности говоря, наполовину готово,—коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть,—„стараясь увлечь любовнымъ изученіемъ и усвоеніемъ всего того, что носить черты этнографической самобытности Малороссіи“. Дальше въ лѣсъ—больше дровъ: „когда этотъ культурно-этнографическій фундаментъ заложенъ, тогда агитаторы начинаютъ осторожно, исподволь внѣдрять въ души молодежи представленіе, что-де великороссы, это—совсѣмъ особый народъ, совершенно чуждый малороссамъ“. Когда и это положеніе усвоено, тогда преподносятъ Шевченка и прививаютъ культъ украинскаго генія. При этомъ не забываютъ объ осторожности: „сначала чисто политическіе мотивы затушевываются“, но, конечно, до поры, до времени,—до тѣхъ поръ, пока не продѣлають „всей предварительной работы“. Достаточно убѣдиться, что послѣдняя закончена, какъ сразу же начинаютъ отшлифовывать любителей украинской пѣсни, одежды, убѣдившихся къ этому времени, что украинская „свита“ или „кожухъ“ есть нѣчто совершенно индивидуальное и самобытное и что ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя сравнивать съ „серемягой“ или „полушубкомъ“. Въ процессѣ отшлифовыванія прибѣгаютъ снова къ тому же Шевченку, но только уже къ той части поэзіи его, которая на первой стадіи пропаганды „старательно затушевывалась“, т. е. къ „чисто политическимъ мотивамъ“. Знакомствомъ съ этими мотивами поэзіи украинскаго поэта, по схемѣ г. Савенка, и заканчивается процессъ „сворачиванія въ украинство учащейся молодежи“, ибо выводы изъ знакомства вытекають сами собой: „съ этого момента свернутые становятся „украинцами“ и, въ зависимости отъ темперамента,

быстро въ большей или меньшей степени фанатизируются". Надо полагать, что такъ какъ „свращеніе“ происходитъ на югѣ, а темпераментъ населенія его въ общемъ одинаковый, то „фанатизированіе“ захватываетъ свращенныхъ въ одинаковой степени. „Большей или меньшей степени“ достигаетъ оно,—объ этомъ г. Савенко, къ сожалѣнію, не сообщаетъ.

Такъ происходитъ процессъ свращенія учащейся молодежи. О томъ, какъ совершается вовлеченіе въ кругъ украинскихъ интересовъ крестьянъ и рабочихъ и остальныхъ группъ населенія, въ статьѣ, снова къ сожалѣнію, нѣтъ указаній. Дѣйствуютъ ли тутъ прежніе методы и приемы или замѣняются болѣе іезуитскими—неизвѣстно. Но, какъ бы то ни было, когда г. Савенко узнаетъ, что, напримѣръ, въ народной школѣ споютъ украинскую пѣсню,—на елкѣ, что ли, или продекламируютъ украинское стихотвореніе, онъ хорошо отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ удѣльномъ вѣсѣ, какое занимаетъ она въ процессѣ свращенія: „я хорошо знаю, что это значить!“—воскликаетъ онъ. Его не проведешь. Поете, декламируете? Знаемъ съ какою цѣлью! На устахъ пѣсня, а въ сердцѣ измѣна. Съ виду прикидываетесь „невинными агнцами, „жертвами челоувѣческой злобы и клеветы“, а на дѣлѣ, даже декламируя украинскія стихотворенія, „интригу и подкопы противъ единой Руси“ ведете!

Убѣжденный въ злокозненности украинской одежды, пѣсни, декламаціи, литературы и т. д., Савенко вспоминаетъ, какъ онъ раскрывалъ украинскую интригу, какъ предостерегалъ отъ нея русское общество: „съ каведры Государственной Думы я выступалъ“, „указывалъ“, говорилъ, писалъ (и еще какъ писалъ!), но зову его „добродушное общество“ не внимало, ибо, по свидѣтельству Савенка, „не понимало и не хотѣло понять“. Потому ли не понимало, что не хотѣло понять, или потому, что не могло усвоить концепціи украинства въ пониманіи г. Савенка, остается неразъясненнымъ. Во всякомъ случаѣ фактъ заблужденія русскаго общества насчетъ украинцевъ на-лицо, какъ на-лицо противоположное: правильность взглядовъ на украинскій вопросъ г. Савенка. Это очень печальный фактъ, дающій лишнюю иллюстрацію къ тому, какъ была бы опасна жизнь и дѣятельность общества, если бы рядомъ съ нимъ не было такихъ прозорливыхъ и талантливыхъ личностей, какъ г. Савенко, которыя подобно яркимъ свѣточамъ озаряютъ дали грядущаго, умѣ-

ють распознать въ невинныхъ формахъ прозное содержаніе настоящаго и ударить въ спасительный колоколь тогда, когда о бѣдѣ, угрожающей обществу, и не подозрѣваютъ. Не бѣда, если общество останется глухимъ къ предостереженіямъ, какъ въ этомъ и признается г. Савенко: „общество не понимало и не хотѣло понять“. Личность морально удовлетворена: она все, что отъ нея требовало велѣніе долга, своевременно исполнила и можетъ утѣшать себя сознаніемъ, что это именно она, а не кто другой, первая сказала: „э“!..

Въ сущности говоря, вся статья г. Савенка и представляеть изъ себя новую варіацію этого „э“. Пусть будетъ и такъ: чѣмъ бы ни тѣшилось дитя, лишь бы не плакало. Если Савенка въ свое время не оцѣнило русское общество, которое, какъ и всякое общество, проявило въ данномъ случаѣ, видимо, удивительное непониманіе призывовъ, провозглашаемыхъ выдающимися людьми, то теперь Савенко, по крайней мѣрѣ въ собственныхъ глазахъ, вырастетъ до размѣровъ ибсеновскаго героя,—въ свое время непонятаго, но нынѣ уже получающаго запоздалое признаніе своихъ давнихъ заслугъ въ оцѣнкѣ украинства. „Такъ вотъ кто такіе эти украинцы“, „такъ, значитъ, вы были правы!“—съ такими восклицаніями обращаются къ г-ну Савенку „skonфуженно“ многіе малороссы“, и герой дня, сообщающій со свойственной ему скромностью объ этихъ обращеніяхъ, самолично видѣль, „какъ въ сердцахъ вѣрныхъ, но обманутыхъ малороссовъ закипало негодованіе и ненависть“.

Мы видимъ изъ всѣхъ признаній г. Савенка, изложенныхъ по возможности его же собственными словами, что депутатъ-націоналистъ пережилъ глубокую драму, выпадающую на долю крупныхъ дѣятелей, непонятыхъ исторіей, но испытывающихъ нѣсколько запоздалую радость въ признаніи за ними услугъ, оказанныхъ обществу. Преклонимся передъ этой драмой и будемъ счастливы за непонятаго страдальца: все хорошо, что хорошо кончается. Порокъ осужденъ и воплощенная въ лицѣ г. Савенка добродѣтель торжествуетъ. Быть можетъ, глубоко-драматическій эпизодъ изъ исторіи расхожденія г. Савенка съ русскимъ обществомъ послужить благодарной темой для вдохновеннаго драматурга, и онъ создастъ намъ образъ новаго доктора Штокмана, скала переживаній котораго будетъ глубже, шире, значительнѣе переживаній, выпавшихъ на долю героя Ибсена. Мнѣ кажется, что драматургъ не забудетъ вложить въ одинъ

изъ монологовъ своего героя признаніе г. Савенка, сдѣланное имъ на страницахъ „Прикарпатской Руси“:

„Я самъ горячо люблю Малороссію“,

и такъ какъ любовь, какъ и вѣра, безъ дѣлъ „мертва есть“, то художественному персонажу Савенка придется представить не одно доказательство, что его любовь не та, о которой поэтъ говорилъ:

«Ти, брате, любиш Русь,
Як хліб і кусень сала...
Як люблять добре пиво,
Як дім, воли, корови»....

И потомъ, мнѣ кажется, что этотъ драматизированный г. Савенко постарается пойти дальше въ діагнозъ, поставленномъ современному украинству, и предложить рядъ самыхъ радикальныхъ мѣръ для борьбы съ нимъ, взявъ за образецъ тѣ операціи надъ украинствомъ, которыя предлагаются рѣшительными хирургами на страницахъ „Кіева“. И такъ какъ первоисточникомъ всей украинской „интриги“, „сепаратизма“ и т. д. являются безусловно, судя по концепціи г. Савенка, этнографическія особенности украинскаго племени, то и ихъ надо уничтожить, сдѣлавъ такъ, чтобы въ этомъ отношеніи никакой разницы, никакого отличія отъ великороссовъ не было.

Мы предложили бы съ своей стороны г-ну Савенку, какъ члену Государственной Думы, войти съ законодательнымъ предложеніемъ о запрещеніи украинцамъ пѣть свои пѣсни, декламировать украинскія стихотворенія, носить „свиту“, „сиву шапку“, существующіе и напечатанные въ различныхъ изданіяхъ матеріалы, свидѣтельствующіе объ особности національнаго облика украинцевъ и ихъ индивидуальномъ творчествѣ, уничтожить и впредь не только не печатать, но и не собирать и не записывать. Ужъ если бороться съ опасностью, то бороться радикально, а не паліативами! Послѣдніе достойны недозрѣлыхъ государственныхъ умовъ. Истиннымъ государственнымъ дѣятелямъ, типа Савенка, паліативы не по плечу: они смотрятъ по завѣту Козьмы Прутковъ „въ корень“ украинской „интриги“ и вырываютъ не только этотъ корень, но и ту почву, изъ которой онъ вырастаетъ.

Подробное описаніе корня и почвы уже сдѣлано,—описаніе обстоятельное, всестороннее, на какое только позволя-

до нынѣшнее время, всецѣло дающее г-ну Савенку использовать обстоятельства: „мели, Емеля,—твоя недѣля“.

Остается ждать продолженія и выводовъ изъ этой „мели“ хотя бы въ видѣ проекта закона,—краткое содержаніе котораго нами очерчено,—для борьбы съ „украинскою опасностью“.

И тогда, когда этотъ законъ будетъ осуществляться, настанетъ страдная пора для исполнителей проектируемыхъ мѣръ по части уничтоженія всего того, изъ чего вырастаетъ индивидуальный обликъ украинца. Конечно, въ первую очередь этнографическія и антропологическія особенности украинскаго племени привлекутъ къ себѣ вниманіе эпигоновъ г. Савенка: они все сдѣлають, чтобы этихъ особенностей не существовало и чтобы сами „украинцы“ уподобились арапамъ изъ баллады гр. Алексѣя Толстого „Единеніе“. Тамъ, въ этой балладѣ, защитники „единенія“ въ цѣляхъ уничтоженія „сепаратистской“ окраски этнографической кожи „араповъ“ дѣйствовали вполне по методу, отвѣчающему противоукраинской профилактикѣ г-на Савенка:

«Князь Черкасской,
Усердіемъ великъ,
Имъ мазаль бѣлой краской
Ихъ неуказный ликъ;
Съ усердіемъ, столь же смѣлымъ,
И съ помощью воды
Погодинъ теръ (бы) мѣломъ
Ихъ черные зады!»

Недостатка въ послѣдователяхъ кн. Черкаскаго и Погодина не будетъ. Это также ясно, какъ то неподражаемое глубокомысліе, о которомъ повѣдалъ намъ прозорливецъ—г. Савенко.

С. Петлюра.

Открытое письмо къ В. А. Маклакову.

М. Г.

Василій Алексѣвичъ.

Ваша политическая дѣятельность какъ члена партіи народной свободы, ваше участіе въ борьбѣ съ ритуальнымъ навѣтомъ, ваше выступленіе въ качествѣ защитника по дѣлу Бейлиса, окончившееся и для васъ лично скамьей подсудимыхъ,—все это давало основаніе думать, что вы не способны принимать участіе въ національной травлѣ, отъ кого бы она ни исходила и противъ кого бы ни направлялась. Исключенія, казалось бы, не должно составлять и украинское національное движеніе, какъ бы вы лично къ нему ни относились,—и тѣмъ болѣе, что вотъ уже восемь мѣсяцевъ, съ начала европейской войны, это движеніе подвергается неустанной и ожесточенной травлѣ и вслѣдствіе прекращенія все й украинской прессы не можетъ въ настоящее время даже защищаться отъ клеветническихъ навѣтовъ. Казалось бы, что ваше участіе,—разъ вамъ угодно было проявить его,—въ этой новой, хотя въ то же время и чрезвычайно старой, тяжбѣ можетъ выразиться только въ одномъ направленіи. Но...

Въ № 10-мъ варшавскаго журнала „Swiat“ (отъ 6-го марта) появилось изложеніе вашей бесѣды съ сотрудникомъ названнаго журнала о русско-польскихъ отношеніяхъ, сочувственно подхваченное уже и „Прикарпатской Русью“. Вниманіе останавливаетъ на себѣ одно мѣсто изъ этой, кстати сказать, чрезвычайно характерной бесѣды. На замѣчаніе вашего собесѣдника о томъ, что поляки въ Галичинѣ въ самое послѣднее время вошли въ соглашеніе съ украинцами („rusinami“), вы „съ видимымъ неудовольствіемъ“, какъ отмѣчаетъ польскій органъ, отвѣтили буквально слѣдующее:

„Соглашеніе состоялось со вскормленной на нѣмецкія деньги („piemieckie pieniądze“) украинской („rusinska“)

интеллигенціей, а не съ русскимъ (точнѣе—великорусскимъ, „rosyjskim“) народомъ, который только теперь выражаетъ свою радость“.

Итакъ, къ согласному хору прикарпатскихъ и иныхъ клеветническихъ завываній въ націоналистической травлѣ украинскаго движенія присоединился, если мысль ваша передана вѣрно, и вашъ почтенный голосъ... Какъ политическій дѣятель не со вчерашняго дня, вы, конечно, понимаете всю тяжесть обвиненія, публично брошеннаго вами по адресу украинской интеллигенціи. Понимаете также и возникающую отсюда для васъ обязанность—публично же подтвердить фактами столь тяжкое и серьезное обвиненіе. Понимаете, несомнѣнно, и общій долгъ всякаго общественнаго дѣятеля—„со словомъ обращаться честно“... Поэтому, не вступая пока въ полемику съ вами по существу вопроса, не касаясь также вашего, сопровождаемаго „видимымъ неудовольствіемъ“, замѣчанія о „русскомъ“ (собственно „великорусскомъ“) народѣ въ Галичинѣ,—позволю себѣ выразить надежду, что вы не замедлите печатно же подкрѣпить извѣстными вамъ фактами свое положеніе о зависимости всего украинскаго движенія, представляемаго національной интеллигенціей края, отъ пресловутыхъ „нѣмецкихъ денегъ“. Къ этому считаю нужнымъ прибавить, что отсутствіе съ вашей стороны подобнаго рода **фактическаго** подтвержденія будетъ служить—не для меня только—неоспоримымъ признакомъ, позволяющимъ дать вашему поступку такую оцѣнку, какой онъ несомнѣнно заслуживаетъ ¹⁾.

С. Ефремовъ.

Г. Кіевъ, 19 III. 1915 г.

¹⁾ О выступленіи г. В. Маклакова по данному вопросу см. статью С. Петлюра: „Укр. Ж.“ 1915 г. кн. 3—4 стр. 111—114.

Изъ русскихъ газетъ.

I, Колумбъ изъ „Русскаго Слова“.

Открывать Америку послѣ того, какъ она была уже открыта Колумбомъ, не совсѣмъ удобно. „Русское Слово“ думаетъ по этому поводу иначе и устами Сергѣя Мамонтова открываетъ ее въ видѣ галицкихъ храмовъ. Сергѣй Мамонтовъ поѣхалъ въ Галичину, увидѣлъ нѣсколько униатскихъ церквей и, пораженный ихъ своеобразной архитектурой, началъ метать громы и филиппики по поводу неосвѣдомленности русскаго общества и по поводу пренебреженій и чуть ли не гоненій, которымъ подвергались эти памятники украинскаго зодчества. Открытія, сдѣланныя С. Мамонтовымъ на столбцахъ „Русскаго Слова“, являются яркой иллюстраціей невѣжества многихъ корреспондентовъ, информирующихъ русское общество въ тѣхъ явленіяхъ галицкой жизни, которыхъ они совершенно не знаютъ, но о которыхъ они съ неостанавливающеюся нии передъ чѣмъ развязностью считаютъ нужнымъ въ докторальномъ тонѣ писать. Мы уже отмѣчали въ предыдущей книжкѣ нашего журнала несуразное „открытіе“ Мамонтова, обратившее на себя вниманіе и „Южнаго Края“, который въ № отъ 8 апрѣля пишетъ по этому поводу слѣдующее:

Г. Серг. Мамонтовъ, увидѣвъ случайно нѣсколько галицкихъ церквей, дѣлаетъ смѣлое заключеніе объ ихъ большомъ сходствѣ съ церквами великорусскаго Сѣвера и рекомендуетъ заняться ихъ изученіемъ.

Прежде всего г. Серг. Мамонтовъ ошибается, что церкви Галиціи очень похожи а церкви великорусскаго Сѣвера. Рѣзко отличаются церкви Галиціи въ частности и Украины вообще отъ храмовъ великорусскаго Сѣвера не только своей орнаментировкой, но и всей архитектурной массой, начиная съ крестовъ и кончая опасанью, которой въ сѣверныхъ церквахъ не встрѣчается вовсе.

Украинскія и галицкія церкви въ силу исторически сложившихся обстоятельствъ служили не только мѣстомъ для молитвы,

но зачастую играли и роль крѣпостей, почему большинство изъ нихъ, особенно каменные (камняницы), строились съ бойницами, гайными подземными ходами и т. п., на сѣверѣ же роль крѣпостей иногда играли только монастыри.

Неправъ г. Серг. Мамоновъ и въ томъ, что храмы Галиціи до сихъ поръ не изучались и неизвѣстны въ Россіи. Правда, широкимъ кругамъ русской интеллигенціи они знакомы сравнительно мало, но тѣмъ не менѣе довольно много лицъ посвятили немало труда и времени на ихъ изученіе. Еще много лѣтъ тому назадъ извѣстный украинскій художникъ С. И. Васильковскій путешествовалъ по Галиціи и записалъ красками и зафотографировалъ цѣлую серію наиболѣе интересныхъ храмовъ Галиціи и Украины. Многіе изъ этихъ храмовъ попали на картины, экспонировались на выставкахъ въ Петроградѣ и Москвѣ и были тамъ проданы, попавъ въ частныя руки. Въ харьковскомъ городскомъ музеѣ имѣется цѣлая серія храмовъ Галиціи, сдѣланныхъ акварелью тѣмъ же художникомъ.

На послѣднемъ всероссійскомъ сѣздѣ зодчихъ въ Москвѣ делегатомъ отъ украинскаго архитектурно-художественнаго отдѣла харьковскаго литературно-художественнаго кружка К. Н. Жуковымъ былъ прочитанъ докладъ объ украинскомъ зодчествѣ вообще и о церковномъ въ частности.

Тѣмъ же отдѣломъ кружка были устроены послѣдніе три года выставки (живопись, ваяніе, зодчество); каталога 1-й выставки (1913 года), къ сожалѣнію, у насъ подъ руками не имѣется, на 2-й въ отдѣлѣ архитектуры между прочимъ экспонировалось 154 церкви въ украинскомъ стилѣ и изъ нихъ 11 галиційскихъ, на 3-й экспонировалось 177 церквей и изъ нихъ 9 галиційскихъ.

Такого же типа церкви, въ большинствѣ случаевъ построенныя украинскими или запорожскими казаками, разбросаны по всей Украинѣ, особенно на Волыни и Подоліи, много ихъ въ Черниговской, Полтавской, Екатеринославской (по Днѣпру) и друг. южныхъ губерніяхъ; очень извѣстенъ, напримѣръ, новомосковскій деревянный девятикупольный соборъ, по преданію, построенный запорожцами.

Изъ авторовъ, писавшихъ объ украинскихъ и галицкихъ церквяхъ и вообще объ украинскомъ зодчествѣ, можно указать:

В. Іанусъ. *Cerkwie drewniane w okolicach Lwowa.* Варшава, 1912 года.

И. Грабарь. Деревянное церковное зодчество въ Прикарпатской Руси (Исторія русскаго искусства, выпускъ 8-й).

К. Мокловскій. *Stuka ludowa w Polsce.* Львовъ, 1903 года.

В. Щербаковскій. Архитектура у ріжніх народів і на Україні. Кіев. 1910 року.

Онъ же. Украинске мистецтво. Кіів, 1913 р.

Ө. К. Волковъ, профессоръ. Старинныя деревянныя церкви на Волыни. Изд. этнограф. отдѣла музея Императора Александра III.

Г. Г. Павлуцкий, профессор. Деревянные и каменные храмы Украины. 1905 года.

А. Вар... Объ украинскомъ архитектурномъ стилѣ. «Украинская Жизнь», январь, 1913 г.

Онъ же. Деревянное церковное зодчество Украины и стиль барокко. «Украинская Жизнь», декабрь, 1913 г.

Можно полагать, что многіе изъ авторовъ, писавшихъ по этимъ вопросамъ, намъ неизвѣстны, но уже изъ этого краткаго перечня ясно, что г. Серг. Мамонтовъ писалъ по вопросу, въ которомъ былъ мало освѣдомленъ, а вѣдь не мѣшаетъ напомянуть, что не всегда слѣдуетъ говорить то, что знаешь, но всегда слѣдуетъ знать то, о чемъ говоришь.

Къ перечню работъ и изслѣдованій, приведенныхъ въ статьѣ „Южнаго Края“, слѣдуетъ прибавить статью въ № 9—10 нашего журнала за прошлый годъ А. Новицкаго „Архитектура деревянныхъ церквей въ Галичинѣ“, рядъ статей Шумицкаго, помѣщенныхъ на страницахъ „Ілюстрованої України“, и др. Впрочемъ, едва ли и болѣе полный перечень литературы по данному предмету могъ бы оказать какое-либо вліяніе на галицкихъ „Колумбовъ“. Ихъ теперь много и каждый что-нибудь открываетъ, нисколько не заботясь о томъ, что открываемая ими Америка—не такая ужъ не извѣстная страна, какъ это представляется „Колумбамъ“ и изъ „Русскаго Слова“, и изъ другихъ изданій, на страницахъ которыхъ тоже выступаютъ свои „Колумбы“, ничуть не уступающіе С. Мамонтову, а то и превосходящіе его какъ неосвѣдомленностью въ данномъ предметѣ, такъ и развязностью въ информированіи о немъ русскаго общества.

На Украинѣ и внѣ ея.

За два мѣсяць.

Наложень арестъ на «драматичні малюнки» г. Затишок-Могущенко «За стінами» (Золота клітка, Харьків, 1915) по постановленію харьковскаго инспектора по дѣламъ печати съ возбужденіемъ судебного преслѣдованія по ст. 1027 Улож. о наказ.

Прекращеніе изданій. Кіевской администраціей объявлено, что украинскія изданія «Записки украинскаго науковаго т-ва в Киіві» и «Іжакъ» А. С. Степаненка, какъ не вышедшія въ свѣтъ въ теченіе установленнаго закономъ періода, признаны прекратившимися. Отъ издателей затребовано возвращеніе выданныхъ имъ свидѣтельствъ на ихъ изданія («Кіевск. М.», № 111).

Устраненіе М. М. Могилянскаго. По сообщенію 1-го департамента министерства юстиціи, городнянскому, Черниговской губ., сѣзду мировыхъ судей сообщено о послѣдовавшемъ 15-го декабря устраненіи высшимъ дисциплинарнымъ присутствіемъ сената отъ должности мирового судьи М. М. Могилянскаго до окончанія о немъ дѣла по обвиненію по 279 ст. Улож. о наказ. (дѣло петроградскихъ адвокатовъ въ связи съ дѣломъ Бейлиса). 21-го апрѣля М. М. Могилянскій отъ должности устраненъ. Должность мирового судьи по выборамъ городнянскаго земства г. Могилянскій отправлялъ съ 1-го января 1914 года («Черн. Сл.»).

Борьба газеты «Кіевъ» противъ кинематографа. «Кіевъ» положительно неистощимъ въ выискиваніи источниковъ «украинской пропаганды». Онъ возставалъ противъ буквъ «і» и «ъ»; потомъ повелъ борьбу противъ вывѣски съ крамольнымъ именемъ — С. Грушевскаго (отца украинскаго историка); теперь газета указываетъ, кому слѣдуетъ, на опасность «мазепинской пропаганды», свивающей гнѣздо въ кинематографахъ. Вотъ, что пишетъ по этому поводу прозорливая газета:

«Выметенная послѣднее время изъ печати военною цензурой мазепинская пропаганда старается найти себѣ обиходныя лазейки. Одну изъ нихъ она уже успѣла нащупать: это—кинематографъ. Для большей предосторожности избранъ пока мало посѣщаемый кинематографъ одной изъ дачныхъ окрестностей Кіева. Лазейки вѣдь, какъ извѣстно, этимъ и отличаются: неза-

мѣтно, потихоньку, съ невиннымъ видомъ—для начала, а разъ проложена дорожка, такъ можно и смѣлѣе развернуться. То, что ставилось 30-го апрѣля въ святошинскомъ кинематографѣ въ видѣ драмы подъ названіемъ «Мазепа», можно назвать осторожнымъ предисловіемъ къ мазепинской пропагандѣ посредствомъ кинематографа. Нѣтъ нужды подробно излагать содержаніе «драмы», вращающееся исключительно на романическихъ похожденияхъ Мазепы, предшествовавшихъ его преступной политической авантюрѣ: важно отмѣтить общую тенденцію «драмы». А тенденція эта вполне ясна, если принять во вниманіе, что Мазепа выставляется симпатичнымъ юношей, съ благороднымъ сердцемъ, истиннымъ рыцаремъ «безъ страха и упрека» и вообще обрисованъ въ такихъ краскахъ, что у наивнаго зрителя, плохо знакомаго съ исторіей, не можетъ не вызывать симпатій.

Предисловіе для мазепинской пропаганды, какъ видите, превосходное.

— Мазепа—злодѣй? Политическій преступникъ? Государственный измѣнникъ?

— Помилуйте! Это такой благородный челоѣкъ, такой рыцарь! Могъ ли онъ быть измѣнникомъ и злодѣемъ?!..

«Психологическая почва» для пропаганды готова.

И эту почву уже готовятъ. Готовятъ открыто путемъ наглядныхъ «живыхъ картинъ»... (№ 469, 2/V).

Послѣ кинематографа «Кіеву» слѣдуетъ обратить вниманіе на грамофонныя пластинки, на вышитыя рубахи, сѣрыя смушковые шапки, а кстати указать на крамольную породу «украинскаго» рогатаго скота. Рогатый скотъ—безобидный въ смыслѣ политической пропаганды и сепаратизма, но все-таки... названіе «украинскій» наводитъ на размышленіе, и лучше было бы, если бы породу эту переименовать болѣе благонадежной кличкой. Приходится удивляться, почему до сихъ поръ не обратился на это вниманія «Кіевъ».

— Бывшій предсѣдатель украинскаго кружка «Кобзарь» въ Москвѣ, въ послѣдніе два года съ большимъ успѣхомъ выступавшій въ парижской оперѣ, И. А. Алчевскій снова возвращается на Императорскую сцену.

— Артистъ кіевской оперы, украинскій пѣвецъ Цесевичъ (басъ) послѣ удачнаго дебюта приглашенъ въ Большой театръ въ Москвѣ.

— Въ Кіевѣ образовалась новая украинская труппа, въ составъ которой входятъ М. Заньковецкая, П. Саксаганскій, Линицкая, Марьяненко и др.

— По сообщенію харьковскаго «Утра» (№ 2631), въ кружкѣ по изученію политической экономіи при харьковскомъ университетѣ 13-го апрѣля заслушанъ былъ докладъ студента Заикина «Экономическое состояніе Галицкой Руси до войны».

— 11-го апрѣля въ харьковскомъ литературно-художественно-этнографическомъ обществѣ имени гр. Квитки-Основьяненко состоялся очередной семейный вечеръ, на которомъ сверхъ обыкновенной концертной программы поставленъ былъ «Юбилей»

Чехова въ украинскомъ переводѣ. На собраніи того же общества 8-го апрѣля былъ заслушанъ докладъ О. Мисюка «М. Шаповал як поет»; собраніе, состоявшееся 6-го мая, научно-литературнаго отдѣла названнаго общества было посвящено заслушанію доклада И. М. Хоткевича «Объ украинской интеллигенціи».

Некрологи.

Литвинъ (29-го апрѣля). 30-го апрѣля въ Николаевѣ состоялись похороны молодого украинскаго общественнаго дѣятеля Литвина, по иниціативѣ котораго въ Николаевѣ была учреждена украинская «Просвіта». Покойный, будучи призванъ во время послѣдней мобилизаціи въ армію въ качествѣ ополченца, прибылъ на мѣсто назначенія и тамъ скоропостижно скончался отъ разрыва сердца. Покойный страдалъ порокомъ сердца. Неожиданная смерть вызвала глубокую печаль среди украинцевъ и городского общественнаго управленія, гдѣ онъ много лѣтъ служилъ. По ходатайству предсѣдателя «Просвіты» николаевскій градоначальникъ разрѣшилъ привезти тѣло покойнаго въ Николаевъ («Одесск. Нов.»).

Я. В. Яроцкій. Скончавшійся преподаватель кіевскаго коммерческаго училища общества преподавателей Я. В. Яроцкій, сынъ профессора кіевскаго университета, родился 4-го ноября 1857 г. Уже на школьной скамьѣ у него зародился интересъ къ общественности. Несмотря на увлеченіе общественными и политическими вопросами, не позволявшее ему всецѣло отдаться наукѣ, удачная кандидатская работа по исторіи Бремена открывала передъ нимъ путь къ ученой карьерѣ; но матеріальныя обстоятельства не позволили остаться при университетѣ и заставили принять мѣсто учителя въ Черкассахъ (въ 1882 г.). Въ концѣ 80-хъ годовъ Я. В. преподавалъ въ Житомирѣ. Свои досуги Я. В. отдавалъ занятіямъ археологіей, которой глубоко интересовался: онъ произвелъ рядъ археологическихъ раскопокъ на Волыни,—результаты ихъ поступали въ Императорскую археологическую комиссію, музеи Житомира и Городка. Прочнымъ памятникомъ работы Я. В. въ этомъ направленіи является музей общества изслѣдователей Волыни, организація котораго тѣсно связана съ его именемъ. Находилъ онъ время и для литературной дѣятельности, помѣщая статьи и замѣтки по вопросамъ археологіи и исторіи въ тогдашней «Волыни», «Трудахъ общества изслѣдователей Волыни», «Кіевской Старинѣ», «Археологической лѣтописи Южной Россіи» и послѣдніе годы въ украинскомъ педагогическомъ журналѣ «Світло». Съ пребываніемъ Я. В. въ Житомирѣ совпадаетъ и оживленіе его общественной дѣятельности. Въ началѣ 900-хъ годовъ, когда шла интенсивная работа въ житомирской публичной бібліотекѣ, Я. В., какъ ея предсѣдатель, принимаетъ живое участіе въ ея дѣлахъ; работаетъ онъ также въ губернскомъ статистическомъ комитетѣ. Но особенно много вниманія и силъ

отдаетъ онъ тогда же зародившемуся обществу изслѣдователей Воыни въ качествѣ секретаря секціи, а далѣе предсѣдателя археологической секціи. Не прекращается его общественная дѣятельность и въ 1905 году, когда онъ былъ избранъ директоромъ кременецкаго коммерческаго училища. Живо идя навстрѣчу общественной иниціативѣ, Я. В. всего себя отдаетъ молодой школѣ, вносить туда много энергіи, знанія, а главное — теплоты. Избранный почетнымъ мировымъ судьей Кременецкаго уѣзда, онъ не оставляетъ своихъ научныхъ и литературныхъ занятій. Наряду съ ними его разносторонняя натура ищетъ удовлетворенія въ области прекраснаго: краски и серьезная музыка были его отдыхомъ. По переѣздѣ въ Кіевъ въ 1912 году покойный близко входитъ въ жизнь и интересы 1-го общества преподавателей. Здѣсь, на посту, среди неустанной работы застала его неожиданная смерть... («Кіевск. М.», 19/V).

Б. А. Марковичъ. 18-го марта въ Петроградѣ скончался Богданъ Аѳанасьевичъ Марковичъ, сынъ украинскихъ писателей Аѳанасія и Александры (Марко Вовчокъ) Марковичей. Въ послѣдніе годы это имя очень рѣдко можно было встрѣтить въ текущей прессѣ, но въ тотъ періодъ, когда подготавливалось и развивалось освободительное движеніе, Марковичъ былъ виднымъ и популярнымъ русскимъ журналистомъ. Неутомимый газетный работникъ, писавшій иной разъ по три—четыре статьи въ день, Марковичъ обнаруживалъ черты подлинной литературности, добраго литературнаго воспитанія. Въ этомъ отношеніи сказала, должно быть, его хорошая наслѣдственность: онъ былъ сыномъ знаменитой Марка Вовчокъ, прославившейся въ 60-хъ годахъ своими рассказами изъ народнаго быта. Года три тому назадъ Б. А. выступалъ въ петроградскомъ литературномъ обществѣ съ интереснымъ докладомъ о нѣкоторыхъ чертахъ изъ жизни и творчества его матери.

Скончался онъ на 62 году жизни («Рѣчь»).

Музей Подольской губерніи. Въ музеѣ Подольской губерніи, основанномъ въ 1912 году губернскимъ земствомъ въ Каменецъ-Подольскѣ по иниціативѣ «Подольскаго о-ва естествоиспытателей и любителей природы», намѣчено было три отдѣла: естественно-историческій, демографическій и культурно-историческій. Однако, въ силу сложившихся обстоятельствъ музею удалось до сихъ поръ составить только лишь одинъ естественно-историческій отдѣлъ, который и былъ открытъ въ февралѣ 1914 года. Въ этомъ отдѣлѣ преобладаютъ предметы кустарной промышленности Подоли, ея исторіи и современнаго положенія. Обиліемъ экспонатовъ по кустарнымъ промысламъ музей обязанъ участникамъ организованнаго губернскимъ земствомъ въ 1913 году обслѣдованія кустарной промышленности, которые во время разъѣздовъ по губерніи собирали самые разнообразныя образцы кустарныхъ издѣлій.

Предметы по исторіи кустарной промышленности рисуютъ

довольно полно цеховой строй городского ремесленного мѣщанства, причемъ исторію нѣкоторыхъ цеховъ можно прослѣдить съ XVIII в. до самаго послѣдняго времени (1903 г.). Такими историческими документами нѣкоторыхъ цеховъ Подоліи (напримѣръ, г. Летичева, м. Меджибожа и м. Дунаевецъ) являются грамоты, акты и приходо-расходныя книги кушнірнаго, портняжяго, ткацкаго, гончарнаго, сапожнаго цеховъ. Тутъ же довольно полная коллекція нѣкоторыхъ реликвій цеховъ, въ составъ которой входятъ: цеховыя знамена и такъ-называемыя цешки, цеховскіе значки, употреблявшіеся въ качествѣ повѣстокъ при созывѣ товарищей по цеху. Между послѣдними интересно отмѣтить «заквічану цешку», украшенную искусственными цвѣтами и употреблявшуюся въ послѣдній разъ для созыва товарищей при выборѣ послѣдняго цехмейстера сапожнаго цеха м. Дунаевецъ. Къ памятникамъ цеховой промышленности Подоліи относятся также: цеховая «скрыня» сапожнаго цеха м. Меджибожа съ изображеніемъ внутри святыхъ безсребренниковъ Козьмы и Демьяна, двѣ нагайки—«дисциплины» или «звичаі», употреблявшіяся для наказанія по приговору товарищескаго суда, «братская» цеховая свѣча, съ которой стоялъ въ церкви цехмейстеръ, и, наконецъ, «гаманъ»—кошелекъ, въ которомъ хранилась казна кушнірнаго цеха г. Летичева.

Гораздо полнѣе представлено въ музеѣ современное положеніе кустарной промышленности Подоліи. Здѣсь находятся графическія изображенія кустарныхъ промысловъ, явившіеся въ результатѣ статистическаго обслѣдованія ихъ земствомъ, фотографіи, рисующія обстановку труда въ кустарныхъ производствахъ и главнѣйшія стадіи его и, наконецъ, подлинныя издѣлія. Собранные въ музеѣ экспонаты характеризуютъ типичнѣйшія черты довольно распространеннаго въ Подоліи украинскаго кустарнаго производства, его различныхъ отраслей, гончарнаго, деревяннаго, сапожнаго, каменнаго, кушнірнаго, ткацкаго, ковроваго, вышивальнаго и портняжяго промысловъ. Между прочимъ ковровый промыселъ представленъ 30 образцами разныхъ ковровыхъ издѣлій, вышивальныи—353 образцами вышивокъ, а портняжныи—10 наиболѣе типичными образцами народной одежды. Экспонатомъ исчезающаго уже промысла является коллекція крестьянскихъ ювелирныхъ издѣлій, состоящая изъ «наместа» (ожерелья), двухъ колецъ и двухъ паръ серегъ. Такъ какъ народное творчество въ области кустарной промышленности въ Подоліи является лишь мѣстнымъ варіантомъ общаго для всей Украины украинскаго стиля, то для установленія взаимной связи и зависимости части отъ цѣлаго и болѣе легкаго усвоенія посѣтителеми музея мѣстныхъ особенностей украинскаго стиля въ Подоліи необходима наличность въ музеѣ хотя бы съ самомъ минимальномъ количествѣ образцовъ кустарныхъ издѣлій другихъ украинскихъ губерній. Починъ въ этомъ отношеніи уже сдѣланъ. Въ музеѣ имѣются уже образцы современныхъ народныхъ вышивокъ Полтавской губерніи.

Полагая, что для развитія кустарной промышленности въ

Подоліи особенно важно ознакомленіе съ нею широкихъ торговыхъ и покупательскихъ круговъ, губернское земство посылало на состоявшуюся въ 1914 году въ Берлинѣ выставку кустарной промышленности Россіи имѣвшіеся въ музеѣ экспонаты. Въ настоящее время, по сообщенію «Экономической Жизни Подоліи» (№ 4 за 1914 г.), откуда мы черпаемъ наши свѣдѣнія о музеѣ, одна изъ англійскихъ посредническихъ фирмъ вступила въ переговоры о сбытѣ нѣкоторыхъ мѣстныхъ кустарныхъ издѣлій на англійскихъ рынкахъ.

Цѣлямъ поддержанія кустарной промышленности въ ея народныхъ художественныхъ формахъ служатъ школьныя коллекціи, къ составленію которыхъ уже приступилъ культурно-историческій отдѣлъ музея.

«Отдѣлъ ставитъ себѣ задачей,—читаемъ въ статьѣ упомянутого земскаго органа,—по мѣрѣ возможности стремиться къ тому, чтобы при каждой школѣ былъ маленькій музей, гдѣ бы каждый школьникъ учился любить и уважать особенности своего края и гдѣ бы онъ могъ узнать, что изъ этихъ особенностей наиболѣе цѣнно и въ какомъ отношеніи и, наконецъ, что изъ нихъ можетъ быть использовано для практическихъ цѣлей». Одна изъ такихъ коллекцій уже передана въ каменецкую художественно-ремесленную мастерскую.

Съ кооперативной выставки. Московскій городской народный университетъ имени А. Л. Шанявскаго организовалъ первые десятидневные (съ 27-го марта по 5 апрѣля) «Курсы по организациіи мѣстныхъ кооперативныхъ курсовъ». При курсахъ университетомъ была устроена выставка, для которой собранъ довольно богатый матеріалъ по многочисленнымъ вопросамъ, связаннымъ съ организацией мѣстныхъ кооперативныхъ курсовъ.

Выставка представляла тѣмъ большій интересъ, что кооперативные курсы, устраиваемые въ различныхъ уголкахъ Россіи, при условіи рациональной постановки ихъ, имѣютъ помимо своихъ специальныхъ цѣлей—подготовки приказчиковъ, счетоводовъ и другихъ кооперативныхъ работниковъ—большое культурное и воспитательное значеніе. Экспонаты же, присланные съ Украины, давали возможность судить о значеніи курсовъ, устраиваемыхъ на территоріи Украины, для ея населенія, какъ и о тѣхъ запросахъ, которые предъявляются со стороны курсистовъ.

Въ большомъ просторномъ помѣщеніи университета, отведенномъ для выставки, на столахъ—груды книгъ и брошюръ по кооперациіи солидныхъ и дешевыхъ популярныхъ изданій; всевозможные программы, проспекты, отчеты о мѣстныхъ кооперативныхъ курсахъ, разложенные по губерніямъ; тутъ же волшебные фонари, кинематографы, въ большихъ рамахъ прозрачныя свѣтовые картины. Стѣны заняты плакатами, афишами о лекціяхъ по кооперациіи, діаграммами и картограммами объ организованныхъ въ Россіи курсахъ по общей кооперациіи и отдѣльнымъ отраслямъ ея. Кооперативная литература распадается на два отдѣла; въ первомъ—пособія для лекторовъ и организаторовъ

курсовъ на мѣстахъ, во второмъ—пособія, предлагаемыя самимъ слушателямъ, курсистамъ.

Мѣстные кооперативныя и земскія учрежденія и отдѣльные дѣятели кооперации въ большинствѣ случаевъ довольно сочувственно отнеслись къ предложенію университета принять участіе въ выставкѣ. Многіе отчеты о курсахъ, организованныхъ въ губерніи или уѣздѣ, снабжены болѣе подробными сообщеніями, авторы которыхъ дѣлятся общими впечатлѣніями объ устроенныхъ ими курсахъ. Въ одномъ изъ такихъ сообщеній находимъ между прочимъ строки, не лишенныя интереса:

... «Обычно послѣ каждой часовой лекціи, — пишетъ дѣятель кооперации на Украинѣ, — устраивались собесѣдованія, чѣмъ достигалась двоякая цѣль: путемъ обмѣна мнѣній выяснялось все недостаточно хорошо понятое изъ прочитаннаго, а затѣмъ бесѣды вносили оживленіе въ работу, что важно здѣсь, въ Подольіи, гдѣ отъ слушателей-малороссовъ требуется особое напряженіе для пониманія русской рѣчи ¹⁾ и гдѣ само по себѣ чтеніе безъ живыхъ бесѣдъ крайне утомляло бы слушателей»...

Авторъ, къ сожалѣнію, не указываетъ опредѣленно конечныхъ результатовъ занятій, въ какой мѣрѣ достижима вообще цѣль устройства курсовъ—осмысленное усвоеніе курсистами извѣстной суммы кооперативныхъ знаній даже при наличности со стороны ихъ «особаго напряженія». Предоставивъ автору самому поискать внимательно отвѣта въ практикѣ своей кооперативной дѣятельности, посмотримъ лучше, что пишутъ сами слушатели о курсахъ.

Нѣкоторыми курсами на Украинѣ организовались среди слушателей анкеты для выясненія степени ихъ подготовленности къ слушанію курсовъ, успѣшности усвоенія излагаемаго на лекціяхъ, наконецъ, для выясненія ихъ пожеланій и запросовъ.

Матеріалы этихъ анкетъ, — отвѣты слушателей, присланные на выставку въ подлинникахъ, — явились, пожалуй, самыми цѣнными экспонатами выставки.

Отвѣты нѣкоторыхъ курсистовъ изложены чистымъ украинскимъ литературнымъ языкомъ. Авторы этихъ отвѣтовъ пользовались при знакомствѣ съ кооперацией украинской кооперативной литературой, читаютъ регулярно украинскія періодическія изданія и не только спеціальныя кооперативныя, но и общія («Маяк», «Радуга»). Отвѣты второй группы слушателей изложены жаргономъ, съ преобладаніемъ, однако, чистыхъ украинскихъ словъ. Наконецъ, встрѣчались изрѣдка отвѣты, написанные болѣе или менѣе сносно на русскомъ языкѣ.

Большинство курсистовъ, какъ это можно было видѣть изъ общаго просмотра отвѣтовъ на анкеты, обращается съ просьбой излагать лекціи въ болѣе популярной, доступной формѣ. Наконецъ, на вопросъ о кооперативныхъ журналахъ, читаемыхъ регулярно или случайно, многіе указываютъ одинъ или нѣсколько вмѣстѣ украинскихъ органовъ, какъ-то: «Наша Кооперация»,

¹⁾ Курсивъ нашъ.

«Рілля», нѣкоторые, кромѣ того,—«Маяк», «Радугу». Часто встрѣчается также «Муравейникъ-Комашня», за которымъ слѣдуютъ кооперативные журналы на русскомъ языкѣ (Данныя объ этихъ анкетахъ въ свое время опубликовывались въ «Нашій Кооперациі»).

Эти анкетные матеріалы показывали, что украинская періодическая популярная пресса нашла здѣсь не единичныхъ, а довольно-таки многочисленныхъ читателей.

И не только читателей, но и корреспондентовъ. Вмѣстѣ съ анкетными матеріалами присланы довольно тщательно и заботливо рукою собранныя вырѣзки изъ журналовъ и газетъ, въ которыхъ помѣщались какъ подробныя, такъ и самыя краткія сообщенія о курсахъ, фотографическіе снимки—группы курсистовъ, зданія, помѣщенія кооперативовъ и т. п.

Среди этихъ-то вырѣзокъ выдѣлялись «дописи» — корреспонденціи о курсахъ лекторовъ, организаторовъ ихъ и, наконецъ, и самихъ курсистовъ, помѣщенные въ «Нашій Кооперациі», «Рілли».

Многочисленныя корреспонденціи, помѣщаемыя въ украинскихъ популярныхъ органахъ, явились весьма убѣдительнымъ доказательствомъ тѣснаго единенія, установившагося между украинской періодической популярной прессой и ея читателями—сельскими кооперативными работниками...

Б. Стопневичъ.

Украинскій лазаретъ въ Петроградѣ.

(Отъ нашего корреспондента).

9-го марта генераль-адъютантъ Дашковъ, какъ сообщалось уже въ «Укр. Ж.», въ сопровожденіи инспектора лазаретовъ генерала бар. Врангеля посѣтилъ по Высочайшему повелѣнію петроградскій городской украинскій лазаретъ (В. О., Тучкова наб., 4) и отъ имени Его Величества благодарилъ раненыхъ за вѣрную службу Царю и отечеству. Двое раненыхъ, Стасевичъ и Дежинъ, награждены георгіевскими медалями за храбрость. Устроители лазарета, администрація, врачи и санитарный персоналъ удостоились Высочайшей благодарности. Считаемо нелишнимъ сообщить необходимыя данныя объ этомъ лазаретѣ.

Возникъ онъ въ Петроградѣ по почину группы украинцевъ, собравшихъ для этой цѣли нѣкоторую сумму и обязавшихся ежемѣсячными взносами. Главными организаторами этого дѣла явились Н. А. Могилянская, О. Ѳ. Туганъ-Барановская, С. С. Ющенко, Н. В. Энгель, А. В. Алексѣева, В. К. Троцина, Я. П. Забѣлло и др. Лазаретъ приписанъ къ городской организаціи, и помѣщеніе для него предоставлено кн. А. А. Имеретинской. Попечителемъ лазарета отъ города состоитъ Н. В. Соловьевъ. Оказывать врачебную помощь и завѣдывать лазаретомъ изъявили готов-

ность врачи П. Ф. Меркульевъ, А. П. Войновичъ, П. П. Маслаковецъ и М. И. Гегелло; завѣдующій хирургическимъ отдѣленіемъ Александровской больницы С. А. Потоцкій принялъ на себя обязанности консультанта-хирурга.

Освященіе и открытіе лазарета состоялось 16-го ноября въ присутствіи представителей городского управленія во главѣ съ городскимъ головою гр. И. И. Толстымъ, учредителей лазарета и представителей мѣстной украинской колоніи. Послѣ молебна сказалъ прочувствованное слово свящ. К. А. Агеевъ. Во время чая, предложеннаго присутствовавшимъ на открытіи лазарета, произнесли рѣчи проф. М. И. Туганъ-Барановскій и М. А. Славинскій. Первый ораторъ указалъ на особый характеръ настоящей войны, которая несетъ освобожденіе зарубежнымъ народамъ и потому должна въ тѣмъ большей степени содѣйствовать мирному культурному процвѣтанію народностей Россіи; такіе факты, какъ устройство украинскаго лазарета въ Петроградѣ и Москвѣ, центрахъ государственной и культурной жизни Россіи, ораторъ считаетъ знаменательными: въ нихъ онъ находитъ подтвержденіе своей идеи о томъ, что вполнѣ правильное и прочное развитіе русскаго государства можетъ совершаться лишь при симбіозѣ двухъ русскихъ народностей, не стѣсненныхъ въ развитіи своихъ національных особенностей. Затѣмъ М. А. Славинскій въ своей рѣчи, сказанной на украинскомъ языкѣ, указалъ, что настоящій моментъ всеобщаго подъема народовъ имперіи является лучшимъ отвѣтомъ на оскорбительную для національнаго чувства политику подозрѣній, проводимую нѣкоторыми кругами русскаго общества; не менѣе двухъ милліоновъ нашихъ братьевъ исполняютъ свой долгъ на полѣ сраженія; всѣ мы въ мѣру силъ своихъ исполняемъ свой гражданскій долгъ здѣсь, дома, принимая участіе въ общей дѣятельности, вызываемой нуждами войны, и съ тѣмъ большимъ правомъ должны принять участіе и въ плодахъ побѣды.

18-го ноября украинскій лазаретъ уже принялъ первыхъ раненыхъ изъ городской Александровской больницы, къ которой лазаретъ приписанъ. Больные поступали въ большинствѣ въ томъ состояніи, когда наступало заживаніе ранъ и требовалось хорошее питаніе и длительное лѣченіе ваннами, массажемъ и т. п. Только въ мартѣ были доставлены раненые прямо съ позицій.

Средства лазарета составились изъ ежемѣсячныхъ взносовъ отъ 1 руб. до 200 руб. Есть 2 именныя кровати памяти трагически погибшаго авіатора Л. М. Мацѣвича и «О-ва Взаимнаго Кредита дѣятелей печатнаго дѣла». Общая сумма ежемѣсячныхъ взносовъ около 600 руб., и на нее разсчитанъ ежемѣсячный бюджетъ лазарета. Кромѣ того, въ пользу лазарета устроенъ концертъ артистомъ И. А. Алчевскимъ и организована проф. Туганъ-Барановскимъ лекція, въ которой приняли участіе проф. Чубинскій, проф. Зѣлинскій, П. Н. Милуковъ, Н. А. Гредескулъ, М. А. Славинскій. Выручкою отъ этихъ двухъ предпріятій въ суммѣ около 1.500 руб. покрыты всѣ расходы по первоначальному оборудованію лазарета, а также явилась возможность оста-

вить неприкосновенными нѣсколько сотъ рублей на лѣтніе мѣсяца, когда притокъ средствъ неизбѣжно сократится.

Весь врачебный и административный трудъ въ лазаретѣ работающія въ немъ лица несутъ бесплатно; особенно много труда вложили въ это дѣло д-ръ П. Ф. Меркульевъ, С. С. Ющенко, Н. В. Энгель, Н. П. и П. М. Могилянскіе и А. Ю. Волкова. Средній медицинскій персоналъ (сестры, массажистки, студентъ-санитаръ при возникновеніи лазарета) также жертвуютъ часть своего труда, такъ какъ двѣ старшія сестры получаютъ жалованье только въ половинномъ размѣрѣ, а массажисткѣ оплачиваются только расходы ея по разѣздамъ. Низшій персоналъ состоитъ изъ санитаровъ, кухарки и сидѣлки (она же бѣльевица). Столь немногочисленный персоналъ можетъ обслуживать 25 кроватей только благодаря внутреннему распорядку, установившемуся въ лазаретѣ, отчасти по предложенію самихъ больныхъ. Больные сами убираютъ свои постели, а также палаты, въ которыхъ лежатъ, для чего они размѣщаются съ такимъ расчетомъ, чтобы тяжелый больной помѣщался между двумя легко ранеными товарищами. Сверхъ того, двое несутъ ежедневно дежурство по кухнѣ.

Въ лазаретѣ установлены правильныя занятія съ ранеными — по обученію ихъ грамотѣ, сапожному мастерству и плетенію сѣтей. Обученіе грамотѣ лежитъ на сестрахъ-добровольцахъ и частью на 2—3 раненыхъ, прошедшихъ курсъ 2-классныхъ народныхъ училищъ. Въ результатѣ этихъ занятій ни одинъ раненый не вышелъ изъ лазарета неграмотнымъ: всѣ научились читать и подписывать свое имя, а многіе писать и вполне разборчиво.

Сапожная мастерская функционируетъ только періодами, въ зависимости отъ того, имѣется ли сапожникъ среди раненыхъ, находящихся на излѣченіи; тѣмъ не менѣе она успѣваетъ произвести чинку всей обуви прибывающихъ больныхъ. Плетеніе сѣтей, которое благодаря удобству и опрятности работы стало любимымъ занятіемъ больныхъ, приноситъ и нѣкоторый доходъ, такъ какъ сѣтки охотно покупаются магазинами игрушекъ и рыболовныхъ принадлежностей. На вырученныя деньги покупается матеріалъ, а чистый доходъ остается раненымъ. Кромѣ того, въ лазаретѣ былъ прочитанъ по почину проф. Елагина агрономомъ Яковлевымъ рядъ лекцій по сельскому хозяйству—о травосѣяніи, животноводствѣ, выдѣлкѣ кожъ и т. п.

Патронатная коммиссія, существующая при лазаретѣ, снабжаетъ всѣмъ необходимымъ солдатъ, уходящихъ изъ лазарета въ строй или на родину, причемъ эти послѣдніе получаютъ книги преимущественно историческаго содержанія и по вопросамъ сельского хозяйства.

Съ выходомъ больного изъ лазарета связь съ нимъ не прекращается: солдаты, находящіеся вблизи Петрограда въ учебныхъ и слабосильныхъ командахъ, приходятъ по праздникамъ въ лазаретъ какъ въ родной домъ; тѣ же, кто ушелъ въ строй, шлютъ письма, въ отвѣтъ на которыя патронатъ посылаетъ подарки на позиціи. Тѣ раненые, которымъ предстоитъ вернуться

на родину, часто отказываются отъ своей доли подарковъ въ пользу товарищей, идущихъ въ строй или находящихся на позиціяхъ, и по ихъ указанію были куплены и отправлены слѣдующіе предметы: электрическіе фонарики, зажигательницы, ножи, записныя книжки, теплыя войлочные подстилки. Всѣ письма, карточки, образцы работъ и т. д. въ лазаретѣ сохраняются, чтобы въ будущемъ было можно воспроизвести картину жизни и дѣятельности украинскаго лазарета.

О. Б.

Извѣстія изъ Галичины и про Галичину.

Административная высылка. 11-го апрѣля изъ Галичины доставлено въ Кіевъ 6 арестованныхъ, высылаемыхъ за Волгу, въ ихъ числѣ 5 евреевъ и 1 русинка («Кіевск. М.», № 101); 17-го апрѣля доставленъ большой этапъ въ 132 человѣка, высылаемыхъ въ восточныя губерніи Россіи. Среди доставленныхъ 49 евреевъ; послѣдніе помѣщены въ д. 62 по Кирилловской улицѣ, гдѣ еврейской общиной оборудована арестантская для пересылаемыхъ черезъ Кіевъ галиційскихъ евреевъ («Кіевск. М.», № 107); 21-го апрѣля доставленъ былъ большой этапъ, до 100 человѣкъ, галиційскихъ евреевъ, высылаемыхъ въ восточныя губерніи («Кіевск. М.», № 111); 22-го апрѣля новый этапъ въ 86 человѣкъ, высылаемыхъ «по неблагонадежности» туда же; этапъ, прибывшій изъ Галичины въ Кіевъ 24-го апрѣля, состоялъ изъ 36 человѣкъ (христіанъ и евреевъ); среди нихъ нѣсколько женщинъ («Кіевск. М.», № 114); этапъ, прибывшій изъ Галичины 26-го апрѣля, изъ 13 человѣкъ. Въ сообщеніи «Кіевской Мысли» отъ 28-го апрѣля сообщается объ этапѣ изъ 14 человѣкъ,—среди нихъ одинъ ксендзъ; въ томъ же сообщеніи упоминается объ этапѣ изъ 14 человѣкъ (среди нихъ одинъ раввинъ), прибывшемъ въ Кіевъ 27 апрѣля; 28 апрѣля прослѣдовалъ этапъ около 90 чел. (всѣ евреи) («Кіевск. М.», № 118); 1 мая прибылъ этапъ изъ 19 человѣкъ; въ этомъ этапѣ, по сообщенію той же газеты (№ 121), имѣются 75-лѣтніе старики и 5-тимѣсячныя дѣти. Часть этапа состоитъ изъ словаковъ, часть—изъ евреевъ; 2 мая прибыло въ Кіевъ 3 партіи, общей численностью въ 62 человѣка, высылаемыхъ изъ Галичины («Кіевск. Мысль» № 122): этапъ, прибывшій въ Кіевъ 4 мая, состоялъ изъ 78 человѣкъ («около половины галиційскихъ евреевъ» («К. М.» № 124); этапъ 5 мая—изъ 42 человѣкъ (№ 125); этапъ 7 мая—высылаемыхъ за Волгу изъ 10 человѣкъ (№ 127).

— По сообщенію «Львовскаго Военнаго Слова», въ одномъ изъ ночлежныхъ дворовъ Львова арестованъ былъ секретарь уніатскаго митрополита А. Шептыцкаго Зданевичъ.

— Въ числѣ украинцевъ, арестованныхъ во Львовѣ и высланныхъ въ одну изъ волжскихъ губерній, находится также извѣстный украинскій писатель (литературный критикъ) М. Мочульскій, а также г. Дермаль (дѣятель по коопераціи).

Епископъ униатскій Чеховичъ скончался въ Перемышлѣ въ двадцатыхъ числахъ апрѣля. Чеховичъ родился въ 1847 г. Образованіе получилъ во львовскомъ университетѣ. Каѳедру униатскаго епископа въ г. Перемышлѣ получилъ въ 1896 г. Все время осады русскими войсками Перемышля епископъ оставался въ осажденномъ городѣ, являясь однимъ изъ дѣятельныхъ организаторовъ помощи наиболѣе нуждающемуся населенію города. Со смертью епископа Чеховича униатская церковь въ Галичинѣ остается безъ архіерейскаго руководства: митрополитъ А. Шептыцкій, какъ извѣстно, высланъ въ одну изъ центральныхъ губерній Россіи; епископъ Хомышинъ при занятіи русскими войсками Галичины, выѣхалъ въ Вѣну.

Бѣженцы изъ Галичины. Какъ сообщаетъ «Vorwärts», въ Вѣнѣ находится въ настоящее время 250,000 бѣженцевъ изъ Галичины, въ Нижней Австріи 25,000, въ Верхней Австріи 22,000, въ Штиріи 30,000, въ Каринтіи 10,000, въ Зальцбургѣ 3,000, въ Тиролѣ 2,000, въ Крайнѣ 4,000, въ Богеміи 115,000, въ Моравіи 35,000, въ австрійской Силезіи 5,000. А если еще считать галичанъ, спасшихся въ Венгрію и въ Германію, то выйдетъ, что не менѣе полумилліона жителей бѣжали изъ Галичины до потери австрійцами своихъ областей. Въ числѣ этихъ бѣженцевъ 250,000 поляковъ, 220,000 евреевъ и около 30,000 русинъ («Кіевск. М.»).

— Потокъ бѣженцевъ изъ Галичины въ Кіевъ въ началѣ мая сильно увеличился. Къ концу мѣсяца число бѣженцевъ было болѣе 10,000. По свѣдѣніямъ «Русск. Вѣд.», бѣгутъ не только крестьяне и рабочіе, но и интеллигенты. Администрація предложила городскому самоуправленію принять мѣры къ приему, расквартированію и призрѣнію бѣженцевъ. Образована для этой цѣли спеціальная комиссія, обратившаяся къ населенію съ просьбой о помощи бѣльемъ, ибо многія женщины и дѣти лишены даже одежды.

— **Скупка рукописей и старопечатныхъ книгъ въ Галичинѣ.** Среди объявленій, помѣщаемыхъ на заглавномъ листѣ «Прикарпатской Руси», бросается между прочимъ въ глаза слѣдующее: «Старинныя рукописи и старопечатныя книги всякаго содержанія и рода, не исключая отдѣльныхъ листовъ и отрывковъ, покупаю по хорошимъ цѣнамъ». Посредникомъ купли-продажи является редація «Прикарпатской Руси».

— Выходившая во Львовѣ газета «Новый Край» на № 46 прекратила свое существованіе «по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ». Въ редакціонномъ заявленіи по этому поводу, между прочимъ говорится: «На смѣну «Новому Краю» явится новая газета. Судьба новой газеты, быть можетъ, будетъ счастливѣе нашей, ей удастся принести пользу, она распространится по всей Галиціи, мысли ея, какъ колоколъ, будутъ будить спящихъ и звать на работу живущихъ, а отдаленнымъ эхомъ ея будетъ «Новый Край». Въ этомъ наша заслуга». Съ своей стороны мы должны отмѣтить, что закрывшаяся газета мало помогла русскому обществу, незнакому съ Галичиной, въ дѣлѣ ознакомленія его съ новымъ краемъ. Сложныя отношенія послѣд-

няго, національныя отличія, культурныя и политическія достиженія различныхъ національностей остались внѣ интересовъ «Новаго Края». На это обстоятельство было обращено вниманіе между прочимъ и «Южнымъ Краемъ».

Рѣчи г. Дудыкевича и М. Родзянко. Предсѣдатель Государственной Думы М. Родзянко во время пребыванія во Львовѣ былъ предметомъ особливаго вниманія со стороны дѣятелей «Прикарпатской Руси». Въ честь его устроенъ былъ банкетъ, на которомъ, по словамъ «Львовскаго Вѣстника» (органъ генералъ-губернатора Галичины), В. Дудыкевичъ произнесъ рѣчь.

«Въ рѣчи своей В. Θ. Дудыкевичъ отмѣтилъ, что въ лицѣ предсѣдателя Государственной Думы онъ привѣтствуетъ главу свободного и державнаго представительства русскаго народа, который олицетворяетъ силу, мощь и волю русскаго народа, вѣрнаго своему Государю, а также выдающагося общественнаго дѣятеля, защитника единства русскаго народа и языка—тѣхъ началъ, вокругъ которыхъ въ теченіе долгихъ лѣтъ объединились лучшіе сыны Прикарпатской Руси для борьбы не на жизнь, а на смерть съ врагами общей русской родины и русскаго народа. Въ дальнѣйшей части своей рѣчи В. Θ. Дудыкевичъ выразилъ М. В. Родзянко благодарность за посѣщеніе древней русской земли—Галичины, высказалъ увѣренность, что М. В. Родзянко видѣлъ, навѣрное, разоренныя селенія и, безъ сомнѣнія, обратилъ свое вниманіе и на то, что русскій народъ Галичины безропотно и покорно переноситъ свои страданія. Въ заключеніе В. Θ. Дудыкевичъ просилъ М. В. Родзянко принять земной поклонъ и сердечный братскій привѣтъ русскаго народа Прикарпатя и въ настоящую торжественную минуту вмѣстѣ со всѣми молитвенно вспомнить освободителя и объединителя Руси—Государя Императора».

М. В. Родзянко тоже сказалъ рѣчь и въ ней выразилъ сердечную признательность за теплый привѣтъ и замѣтилъ, что его глубоко трогаетъ любовь галицкаго народа къ Русскому Царю и привязанность къ Державной Россіи, которую, несмотря на страданія, онъ сумѣлъ сохранить въ своемъ сердцѣ и мысли. Далѣе М. В. Родзянко отвѣтилъ, что послѣ войны настанетъ время, когда опредѣлятся взаимныя отношенія Державной и Галицкой Руси, сейчасъ же, когда льется кровь и грохочутъ пулеметы, онъ о нихъ говорить не можетъ. Высокознаменательныя и священные слова, сказанныя Государемъ Императоромъ во время пребыванія Его Императорскаго Величества во Львовѣ 9 апрѣля: «Да будетъ едина, могучая и нераздѣльная Русь»—давно живутъ въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей и ярко отражаютъ волю русскаго Монарха и вѣрнаго ему русскаго народа—осуществить великую цѣль войны, когда подъ мощнымъ и мудрымъ скипетромъ Русскаго Царя свершится объединеніе всей Руси въ единомъ сердцѣ и въ единой мысли. Рѣчь свою М. В. Родзянко закончилъ, еще разъ выразивъ свою признательность за братскій привѣтъ, словами, что онъ, по обычаю его родной Малороссіи, привѣтствуетъ собравшихся словами: «Христосъ воскрес!»

Послѣдовало общее «Воистину воскресе», послѣ чего хоръ исполнилъ пасхальное пѣснопѣніе, и М. В. Родзянко при дружныхъ аплодисментахъ присутствовавшихъ троекратно облобызался съ В. Ө. Дудыкевичемъ.

Интересно отмѣтить, что «Прикарпатская Русь», помѣщая обстоятельный отчетъ о чествованіи г. Родзянко прикарпатскими дѣятелями, выпустила изъ отчета то мѣсто рѣчи, гдѣ предсѣдатель думы вспомнилъ объ «обычаѣ его родной Малороссіи».

Жалобы «русофиловъ на русскую интеллигенцію. С. Кондурушкинъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» излагаетъ жалобы галицкихъ москвофиловъ на русскую интеллигенцію:

«Мы отдѣлены отъ русской интеллигенціи какой-то злополучной глухой стѣной недовѣрія и вражды. Русская прогрессивная интеллигенція чуждается насъ за то, что вотъ мы рады націоналистамъ, которые приходили къ намъ со словомъ привѣта въ тяжелые годы нашихъ гоненій. Да, рады и благодарны отъ души, потому что намъ было тяжело и всякій привѣтъ изъ великой Россіи намъ былъ какъ капля воды на языкъ Лазаря въ аду. Только мы-то были не богатымъ, а бѣднымъ Лазаремъ, а адъ нашъ былъ не справедливымъ судомъ Господнимъ, а случайностью исторіи. Но вѣдь мы столь же рады были и русскимъ людямъ изъ лѣваго лагеря! Былъ у насъ А. А. Стаховичъ...

А намъ это было просто непонятно, вѣдь мы въ вашей политической и общественной борьбѣ не участвуемъ».

И еще говорили намъ гости изъ русской прогрессивной интеллигенціи: «Вы поддерживаете въ Россіи реакцію». Странно, какъ мы могли это дѣлать, будучи, во-первыхъ, въ Австріи, а во-вторыхъ — какъ мы могли это дѣлать у васъ, добиваясь у себя всеобщаго избирательнаго права и прочихъ основъ правового порядка? Просто здѣсь кроется самое нелѣпое недоразумѣніе! Мы понимаемъ такъ, что недоразумѣніе зависитъ отъ васъ. Забота о русской національной культурѣ у васъ стала монополіей правительства, потому вамъ и можетъ казаться, что наша любовь къ русской культурѣ есть то же самое, что одобреніе политики русскаго правительства. Но это ужъ не наша вина, а ваше недоразумѣніе.

Но, дѣйствительно, есть между нами и русской интеллигенціей несогласіе, на первый взглядъ, существенное. Мы здѣсь боролись съ галицкимъ «украинствомъ», а украинство русское вызываетъ къ себѣ сочувствіе интеллигенціи. Вотъ наше великое преступленіе, которое подвергло насъ опалѣ со стороны русскаго прогрессивнаго общества».

Собесѣдники г. Кондурушкина отрицали политическую окраску своей партіи:

«У насъ, въ русской партіи въ Галичинѣ, есть люди различныхъ политическихъ взглядовъ, начиная отъ монархистовъ до крайнихъ лѣвыхъ. Наше «русофильство», какъ любовь француза къ французской культурѣ, нѣмца — къ нѣмецкой, англичанина — къ англійской, вѣдь еще совершенно ничего не говоритъ о нашихъ общественно-политическихъ настроеніяхъ. И нигдѣ,

кромѣ Россіи, это не послужило бы поводомъ къ какимъ-нибудь заподозрѣваніямъ».

Въ дальнѣйшемъ «жалобщики» все-же признались, что у ихъ «партіи» опредѣленно «консервативное» лицо. Впрочемъ, это было давно извѣстно всякому хоть мало-мальски знакомому съ галицкими отношеніями.

«**Львовское Военное Слово**», снова, послѣ перерыва, начавшее съ 1-го апрѣля выходить подъ прежней редакціей капитана Наркевича, пишетъ между прочимъ слѣдующее: газета «никогда не будетъ поддерживать ту небольшую крикливую кучку рутинной олигархіи, въ опьяненномъ властью воображеніи которой создалось, повидимому, убѣжденіе, что русская армія заняла Галицію для того, чтобы дать имъ свести старые счеты съ политическими противниками. Мы не палачи, и передъ нашей совѣстью равны всѣ тѣ граждане, которые лояльны въ отношеніи оккупирующей арміи и русскаго правительства. Для насъ совершенно ясно, что наша опора въ Галиціи лежитъ въ справедливомъ, но и твердомъ отношеніи къ народной массѣ, а не въ выкрикахъ той небольшой кучки дезертировъ отъ своего народа, которая хочетъ видѣть въ нашей доблестной арміи лишь орудіе своихъ политическихъ вождѣлений». «Дезертиры отъ своего народа». Это очень мѣтко сказано; читатель безъ труда, конечно, догадается, о комъ идетъ рѣчь. «Львовское Военное Слово», заканчивая цитируемую нами статью, говоритъ: «День перваго апрѣля издавна принято считать обманнымъ днемъ. Пусть же онъ будетъ днемъ обманутыхъ надеждъ для тѣхъ, кто на разрушеніи культурнаго дѣла предполагалъ устроить личныя дѣла или свести старые счеты». Будемъ ждать, что предположеніе «Львовскаго Военнаго Слова» оправдается. Пока же слѣдуетъ имѣть въ виду, что сведеніемъ «старыхъ счетовъ» и разрушеніемъ культурнаго дѣла въ Галичинѣ занимается кучка «дезертировъ отъ своего народа», ютящаяся возлѣ «Прикарпатской Руси», дѣятельность которой, повидимому, начинается распознаваться новыми для Галичины людьми. Указывая на дѣятельность «москвофильской» группы въ связи со статьей «Львовскаго Военнаго Слова», газета «Полтавскій День» (№ 597, 7 апрѣля) замѣчаетъ: что эта «группа—аналогична нашимъ крайнимъ правымъ «союзникамъ», которые признаютъ единственной своей задачей патріотизма видѣть вездѣ и всюду измѣну, а единственной мѣрой борьбы—давленіе... При этой политикѣ просто обдѣлываются свои личныя дѣла и смѣшиваются, по безсмертному выраженію Щедрина, понятіе отечества съ политикой «ваше превосходительство»...

Жалуются. Конфликтъ Ставропигійскаго института со «Львовскимъ Военнымъ Словомъ». Изъ отчета объ общемъ собраніи членовъ Ставропигійскаго института, состоявшемся 29-го марта, мы узнаемъ, что собраніемъ единогласно были приняты слѣдующія два предложенія В. О. Дудыкевича:

1) Выразить глубокое сожалѣніе по поводу ни на чемъ не основанныхъ и совершенно неоправданныхъ выходокъ газеты «Львовское Военное Слово» противъ Ставропигійскаго института

и поручить новоизбранному совѣту сдѣлать по этому поводу соотвѣтственные представленія Его Императорскому Высочеству Верховному Главнокомандующему, главнокомандующему арміями юго-западнаго фронта, начальнику кievскаго военнаго округа и военному генераль-губернатору Галичины.

2) Поручить новоизбранному совѣту незамедлительно обсудить историческую роль Ставропигійскаго института, какъ защитника православія, и въ возможно скоромъ времени созвать чрезвычайное общее собраніе членовъ для вынесенія соотвѣтственнаго рѣшенія по этому вопросу («Прикарп. Русь», № отъ 30-го марта).

О номенклатурѣ Галичины. При «Народномъ совѣтѣ» (москвофильская организація во главѣ съ г. Дудыкевичемъ) образована географическая комиссія, работающая надъ проектомъ измѣненія географическихъ названій городовъ и др. населенныхъ пунктовъ, а также рѣкъ и горъ Галичины. Когда будетъ закончена работа по Галичинѣ, названная комиссія займется вопросомъ объ измѣненіи географическихъ названій по Буковинѣ и Угорской Руси. Въ связи съ дѣятельностью комиссіи въ указанномъ направленіи «Московскія Вѣдомости» (№ 76, 4 апрѣля) поднимаютъ вопросъ объ измѣненіи названія улицъ и площадей въ городахъ Галичины, особенно во Львовѣ.

Проекты праздниковъ «возсоединенія Галичины». Архіепископъ Антоній (харьковскій) возбудилъ въ синодѣ вопросъ о томъ, чтобы 6 мая сдѣлать «національнымъ прадникомъ возсоединенія Галичины» и чтобы въ этотъ день совершалось богослуженіе не Іову праведному, а преподобному Іову почаевскому, память котораго творится также 6-го мая». Съ этимъ проектомъ не согласна редакція «Кіева» и предлагаетъ проектъ объявить «такимъ праздничнымъ днемъ» или 21-го августа, день взятія Львова, или же 9-го апрѣля, день перваго пріѣзда Государя Императора въ Галичину (№ 457).

Обслѣдованіе памятниковъ зодчества Галичины и Буковины. Группа членовъ академіи художествъ вошла въ академію съ предложеніемъ командировать въ Галичину и Буковину комиссію для изученія памятниковъ зодчества.

Совѣтъ академіи, обсудивъ предложеніе, пришелъ къ заключенію, что поднимать объ этомъ вопросъ въ настоящее время представляется несвоевременнымъ, и полагалъ съ своей стороны внести въ собраніе академіи предположеніе объ избраніи комиссіи изъ пяти лицъ для ознакомленія съ существующими въ бібліотекахъ Петрограда матеріалами, касающимися памятниковъ Галичины и Буковины, и для выработки способа наилучшаго осуществленія мѣропріятій по изученію и охранѣ памятниковъ искусства въ завоеванныхъ областяхъ.

Священники для Галиціи. Архіепископъ волынскій Евлогій обратился ко всѣмъ ректорамъ духовныхъ семинарій съ предложеніемъ ознакомить оканчивающихъ въ текущемъ году курсъ семинаріи съ положеніемъ Галиціи и совѣтовать имъ, принявъ священство, отправиться туда для служенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пред-

полагается въ самомъ непродолжительномъ времени поднять вопросъ объ открытіи специальной семинаріи для подготовки священниковъ въ Галиціи. Семинарія эта, по всей вѣроятности, будетъ учреждена въ одномъ изъ городовъ завоеваннаго нами края («Полтавск. День», № отъ 12-го апрѣля).

— Св. синодъ постановилъ открыть при уѣздныхъ соборахъ волинской епархіи 110 штатныхъ священническихъ мѣстъ съ тѣмъ, чтобы назначенные на эти мѣста священники откомандировались въ Галичину для временнаго управленія приходами. Въ дальнѣйшемъ предполагается открыть въ Галичинѣ православную духовную семинарію въ противовѣсъ уніатской («Кіевъ»).

— Архіепископъ харьковскій Антоній, пріѣхавшій въ Петроградъ для участія въ занятіяхъ синода по разработкѣ вопроса объ устроении православныхъ церквей въ Галичинѣ, высказался въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Дня» о торжествѣ дѣла православія въ Галичинѣ. По мнѣнію архіепископа, «унія—наносное явленіе, не вошедшее въ глубину народнаго самосознанія»... Что же касается галиційскаго уніатскаго духовенства, то и оно въ большей своей части, по мнѣнію архіепископа Антонія, въ душѣ всегда было православнымъ и лишь изъ крайней необходимости подчинялось уніатскому епископу». Въ цѣляхъ усиленія кадровъ православнаго духовенства въ Галичинѣ архіепископъ Антоній обратился къ кончающимъ въ этомъ году семинаристамъ съ предложеніемъ ѣхать на священническія мѣста въ Галичину. Русское духовенство здѣсь обезпечено изъ средствъ синода: священнику положено жалованіе 100 р. въ мѣсяцъ, псаломщику 25 руб. Квартира причту полагается отъ сельскихъ обществъ («День» № 106). Въ связи съ пріѣздомъ харьковскаго архіепископа въ Петроградъ «Рѣчь» (№ 108) сообщаетъ о двухъ проектахъ: по одному предполагается выдѣлить Галичину въ особый экзархатъ, наподобіе грузинскаго, по другому—учредить во Львовѣ митрополичью каедрю. Для скорѣйшаго открытія послѣдней, однако, по мнѣнію церковныхъ сферъ, имѣется одно формальное препятствіе: Галичина канонически подчинена константинопольскому патріаршему престолу. Для того, чтобы она перешла въ вѣдѣніе русской церкви, необходимо формальное согласіе константинопольскаго патріарха. Событія, связанныя съ войной, мѣшаютъ разрѣшенію вопроса въ томъ направленіи, какое намѣчается въ церковныхъ кругахъ Россіи.

Награды священникамъ, перешедшимъ изъ уніи въ православіе.

Нѣкоторые уніатскіе священники, «недавно еще перешедшіе въ православіе, успѣли уже снискать вниманіе церковной власти и удостоены ею отличій и наградъ. Такъ, по сообщенію «Рѣчи» (№ 120), по ходатайству архіепископа Евлогія св. синодъ постановилъ: священниковъ Ф. Рѣшетиловича и А. Яворскаго возвести въ санъ протоіереевъ и наградить наперснымъ крестомъ; священниковъ І. Носальскаго, М. Заяца и В. Волошинскаго—наградить камилавкой и наперснымъ крестомъ; священниковъ І. Головку, І. Сухоровскаго, І. Гоцкаго, Г. Каровца, И. Штогрына, Е. Зарыцкаго, М. Ильницкаго, И. Бабяна, М. Мархаровича и І. Яблонскаго—камилавкою.

Инспекторомъ по дѣламъ печати для Галичины назначенъ, какъ сообщаютъ газеты, Л. Злотниковъ, сотрудникъ «Земщины». По поводу назначенія г. Злотникова «День» говоритъ, что новый цензоръ «хорошо извѣстенъ въ петроградскихъ литературныхъ кругахъ въ качествѣ одного изъ самыхъ непримиримыхъ дѣятелей праваго лагеря. Между прочимъ «Земщиной» онъ былъ командированъ на процессъ Бейлиса. По образованію г. Злотниковъ—художникъ. Назначеніе его на упомянутый высокій и отвѣтственный постъ въ только-что присоединенной области вызываетъ въ Петроградѣ много понятныхъ толковъ» (№ 125, 8 февраля).

Букварь для галицкихъ школъ. По сообщенію «Львовскаго Вѣстника» (№ 64, 4 мая), издаваемого при управленіи военного генераль-губернатора Галичины, ученымъ комитетомъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія одобренъ къ употребленію въ начальныхъ народныхъ школахъ букварь для галицкихъ школъ «Первое Слово», составленный М. Іустиновымъ и В. А. Праводолубовымъ. Ученый комитетъ нашелъ лишь нужнымъ сдѣлать въ букварѣ незначительныя исправленія и измѣненія. Авторы посвятили свои труды Наслѣднику Цесаревичу.

Составъ чиновъ галицкой администраціи. Въ № 10 «Вѣстника Полиціи» напечатано слѣдующее сообщеніе: «Генераль-губернаторское управленіе во Львовѣ нынѣ намѣрено освободиться отъ услугъ командированныхъ полицейскихъ чиновъ и не упускать случая замѣщать должности уѣздныхъ начальниковъ кандидатами изъ представителей земскихъ управъ, уѣздныхъ предводителей дворянства, совѣтниковъ губернскихъ правленій и т. д.»

Австрійскіе власти и украинцы. «Русское Слово» приводитъ слѣдующій приказъ войскамъ австрійскаго главнокомандующаго эрцгерцога Фридриха объ отношеніи къ украинцамъ и о понятіяхъ, скрывающихся за терминомъ «русины» и «украинецъ». Какъ видитъ читатель приказъ эрцгерцога Фридриха въ его інформаціонной части не свободенъ отъ ошибокъ и неправильнаго освѣщенія фактовъ:

«Неосвѣдомленность частей относительно политическихъ взглядовъ и убѣжденій населенія какъ средней и восточной Галиціи, а также Буковины, такъ и юго-западной Россіи имѣла часто послѣдствіемъ крупныя промахи и несправедливое отношеніе къ собственнымъ подданнымъ.

Необходимо освѣдомлять части въ вышеуказанномъ смыслѣ, причемъ отправнымъ пунктомъ можетъ послужить слѣдующая краткая справка. Какъ юго-западъ Россіи, такъ и средняя и восточная Галиція, а также Буковина населены одной и той же народностью, которая въ Россіи называется малороссами, а въ Австріи—русинами или украинцами. По вѣрѣ это частью уніаты, въ большинствѣ же православные. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ русины раздѣляются на двѣ части. Одна часть—русофилы—либо открыто, либо тайно стремится къ отложенію отъ Австріи и къ присоединенію къ Россіи. Въ этомъ политическомъ теченіи главную роль играютъ не крестьяне, а ихъ во-

жаки—учителя и попы. Другая часть—украинцы—преслѣдуютъ цѣль объединенія всѣхъ украинскихъ земель съ присоединеніемъ къ Австріи.

Въ то время, какъ первая часть преслѣдуетъ противогосударственныя цѣли, вторая можетъ быть названа лояльной. Понятно, что какъ въ той, такъ и въ другой группѣ встрѣчаются личности съ противоположными или индифферентными взглядами. Поэтому при разсмотрѣніи каждаго случая надлежитъ считаться съ данной личностью. Слѣдующіе пункты могутъ служить руководствомъ для болѣе справедливой и правильной политики:

1) Необходимо поставить въ извѣстность каждаго нижняго чина, что безусловно ошибочно считать заранѣе всѣхъ русинъ измѣнниками.

2) Также неправильно считать всѣхъ задержанныхъ измѣнниками, такъ какъ многіе изъ нихъ арестовываются по ложнымъ доносамъ.

3) Ложные доносы прекратятся, если вмѣстѣ съ оговореннымъ задерживать (гдѣ это возможно) также и доносчика.

4) Плохое обращеніе съ задержанными подрываетъ авторитетъ военной власти и должно быть наказуемо.

5) Нижнимъ чинамъ, не говорящимъ на мѣстномъ языкѣ, должно быть внушено офицерами, что Галиція отнюдь не является чужой страной; къ живущему въ Галиціи лояльному населенію необходимо относиться возможно болѣе дружественно.

Ничѣмъ не вызванное плохое обращеніе нашихъ войскъ, не говорящихъ на мѣстномъ языкѣ, съ населеніемъ можетъ легко повлечь за собою то, что это населеніе будетъ видѣть въ нашемъ солдатѣ врага, а въ родственномъ по языку и крови казакѣ—избавителя.

Въ заключеніе не слѣдуетъ забывать, что какъ русинскіе (украинскіе) солдаты, такъ и солдаты польской и другихъ національностей съ геройскимъ мужествомъ сражались въ рядахъ нашей арміи и исполнили, такимъ образомъ, свой долгъ передъ родиной» («Русск. Слово», 23 апрѣля, № 93).

«Ликъ Галиціи». Сотрудникъ «Голоса Москвы» въ корреспонденціи изъ Львова старается изобразить «ликъ Галиціи». Конечно, это изображеніе неполное и посвящено лишь описанію матеріальнаго положенія, въ какомъ пребываетъ сейчасъ, послѣ 9 мѣсяцевъ войны, населеніе края. Но нѣкоторыя черты «лика» даютъ яркое представленіе о томъ, какъ живетъ нынѣ населеніе. Прежде всего корреспондентъ отмѣчаетъ, что когда происходитъ выдача пособій неимущему населенію, то «невольно убѣждаешься, что «бѣднѣйшаго» населенія въ этой части Галиціи нѣтъ. Здѣсь каждый «бѣднѣе». Послѣ частыхъ реквизицій, боевъ, прохождения армій противниковъ и т. п., недостатка въ первыхъ предметахъ пропитанія цѣны на все поднялись. Небольшой бѣлый хлѣбецъ стоитъ «пів-рубля», т. е. полтинникъ. Соли и мяса, конечно, нѣтъ. Мука очень рѣдка. Картофель и масло столь рѣдкіе гости, что о нихъ не стоитъ и говорить.

Немногочисленные торговцы знаютъ, что конкуренціи нѣтъ и не скоро будетъ, что сколько бы они ни выдерживали товаръ, все равно его купятъ рано или поздно. Даже если хлѣбъ зачерствѣетъ, если сало будетъ пахнуть, если сельди потекутъ,—они не рискуютъ ничѣмъ. При такихъ цѣнахъ на все неудивительно, что населеніе голодаетъ. Старику или старухѣ съ пятью—шестью малыми ребятами стало трудно жить. Крестьяне пробовали начать засѣвать поля. Вспашку продѣлали дѣвушки и старики, но нѣтъ зерна, а почва въ Галиціи, особенно въ западной, очень бѣдна.

Вотъ здѣсь, въ Галиціи, можно видѣть, какъ «обезмужчинена» Австрія.

Вы не увидите никого отъ 18 до 55 лѣтъ, кромѣ безрукихъ или безногихъ нищихъ, торчащихъ на вокзалахъ» (№ 93, 23 апрѣля).

Библіографія.

Ю. Я. Хейфицъ. *Галиція. Политическое, административное и судебное устройство. Петроградъ. 1915. Стр. 63.*

Правовая жизнь Галичины для юриста представляет выдающийся интерес прежде всего потому, что ея политическій строй осложняется моментомъ національнымъ и въ результатъ мы видимъ довольно часто несоотвѣтствіе между юридическими нормами, положенными въ основу его организаціи и воплощеніемъ ихъ въ конкретной дѣйствительности.

Въ виду этого для знакомства съ дѣйствительными правовыми условіями жизни Галиціи является совершенно недостаточнымъ изображеніе однѣхъ юридическихъ схемъ, по которымъ строится ея политическій и административный строй, но необходимо кромѣ того и изображеніе того, какъ та или иная норма воплотилась въ дѣйствительности.

Рецензируемая книга г. Хейфица въ значительной степени страдает указаннымъ недостаткомъ; онъ сказывается на каждой изъ трехъ главъ, на которыя раздѣлена его книга.

Такъ, въ первой главѣ, «Политическое устройство», авторъ значительную долю вниманія удѣляетъ характеристикѣ нормъ общаго австрійскаго государственнаго права, и за нимъ неясно вырисовываются мѣстные особенности галицкой правовой жизни, связанная съ системой организаціи представительства въ сеймѣ и другими сферами политической жизни края. Изъ того краткаго схематичнаго изложенія избирательнаго права въ сеймѣ, какое даетъ авторъ, читатель совершенно не сможетъ уяснить себѣ той роли и значенія борьбы между поляками и украинцами за справедливое представительство въ сеймѣ, которая столь характерна для политической жизни Галиціи.

Точно также недостаточно оттъѣнена авторомъ и роль областного школьнаго комитета, который вслѣдствіе преобладающаго значенія въ его составѣ представителей польской націи является тормазомъ культурнаго развитія украинской народности. Очевидно, тѣсная связь правовыхъ условій галицкой дѣйствительности съ происходящей въ ней національной борьбой ускользнула отъ вниманія г. Хейфица, ибо въ книгѣ, посвященной специально Галичинѣ, авторъ удѣляетъ національнымъ отношеніямъ всего двѣ—три страницы.

Въ томъ же случаѣ, когда автору приходится говорить объ украинской національности, рельефно сказывается тенденціозность автора, являющаяся, вѣроятно, результатомъ односторонности того источника, изъ коего онъ черпалъ свое знакомство съ украинскимъ вопросомъ; таковымъ являлось преимущественно изданіе Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія «Галицкая Русь прежде и нынѣ»; отсюда и сужденіе автора,

что часть украинскаго населенія «не обнаруживаетъ стремленія къ объединенію съ русскимъ народомъ» (стр. 30).

Это пренебреженіе автора національнымъ моментомъ сказалося также и на изложеніи главъ объ административномъ и судебномъ устройствѣ: содержаніе заполнено преимущественно матеріаломъ, относящимся къ общему австрійскому государственному праву, и въ немъ тонуть мѣстныя особенности Галичины; ни кооперативное, ни аграрное законодательства, имѣющія столь огромное значеніе для Галиціи, здѣсь не затронуты.

Такимъ образомъ, благодаря тому, что г. Хейфицъ ограничился формально-юридической стороною правовой жизни Галичины, его очеркъ теряетъ значительную долю цѣнности, которую онъ могъ бы имѣть, и оставляетъ впечатлѣніе неразработанности, ибо голыя юридическія схемы остаются незаполненными жизненнымъ содержаніемъ.

И. Лебединскій.

Улановъ. *„Галиція въ ея прошломъ и настоящемъ“*. М. 1914 г. Ц. 15 к.
Его-же. *„Галиція“*. Изд. Моск. О-ва Народныхъ Ун.—товъ. Ц. 3 к.

Историческая комиссія при учебномъ отдѣлѣ о-ва распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ, идя навстрѣчу назрѣвшей потребности широкихъ массъ въ хорошихъ научно-популярныхъ книгахъ, связанныхъ съ переживаемой эпохой и освѣщающей такъ или иначе цѣлый рядъ крупныхъ вопросовъ современности, выпустила серію брошюръ подъ общимъ заглавіемъ «Война и культура». Не останавливаясь на характеристикѣ серіи въ цѣломъ, обращаюсь къ одной изъ брошюръ: г. Уланова «Галиція въ ея прошломъ и настоящемъ». Автора брошюры о Галичинѣ нельзя заподозрѣть ни въ тенденціозности, ни въ намеренномъ искаженіи, онъ безпристрастно признаетъ культурныя особенности галичанъ и ихъ самобытность, сложившіяся въ долгомъ историческомъ процессѣ, онъ требуетъ уваженія къ нимъ, такъ какъ увѣренъ, что только на такой почвѣ могутъ установиться правильныя національныя отношенія. И тѣмъ не менѣе брошюра страдаетъ многими чрезвычайно серьезными дефектами, которые лишаютъ ея значенія и мѣшаютъ автору выполнить поставленную задачу: дать ясное и яркое представленіе о современной жизни Галичины, точнѣе—о тѣхъ социально-политическихъ и культурно-національных отношеніяхъ, какія существовали въ ней до войны. Причина этой неудачи авторскаго замысла кроется, на нашъ взглядъ, въ методической ошибкѣ, допущенной г. Улановымъ: трактовкѣ исторіи и современности Галичины съ точки зрѣнія русскаго историка, русскаго историческаго процесса и русскихъ отношеній. Этотъ взглядъ совершенно невѣрный: процессы украинской исторіи отличались большой сложностью и многими специфическими чертами. И не только невозможно подходить къ нимъ съ мѣркой изъ русской исторіи, но, въ строгомъ смыслѣ, нельзя говорить даже объ единой во всей эпохѣ исторіи Украины, а приходится различать Галичину, Киевщину,

Гетьманщину и т. д.,—настолько процессы соціально-экономического развитія протекали различно въ этихъ земляхъ, выросшихъ изъ разорваннаго на части живого тѣла украинскаго народа.

Подходя съ невѣрнымъ масштабомъ, авторъ не могъ возсоздать особенности исторіи Галичины, развернуть передъ читателемъ все содержаніе ея жизни, особенно за послѣднее столѣтіе, дать ощущеніе дѣйствительныхъ, а не надуманныхъ отношеній. Брошюра расплывчата, блѣдна, лишена стройности и, какъ ни странно для работы, ставящей цѣлью знакомство съ «современностью», даетъ гораздо больше свѣдѣній о XII—XIII в., чѣмъ о современной эпохѣ.

Распадается она на четыре очерка: первый посвященъ географіи и этнографіи страны, остальные три («Галиція—самостоятельное русское княжество», «Ляхолѣтіе», «Галиція подъ властью Австріи») — исторіи Галичины. Отдѣльнаго очерка современной жизни нѣтъ, кое-какія отрывочныя свѣдѣнія втиснуты въ послѣдній отдѣлъ — «Галиція подъ властью Австріи». Кстати упомяну о терминѣ, которымъ пользуется г. Улановъ для обозначенія эпохи польскаго владычества въ Галичинѣ, — «ляхолѣтіе»: приходится сознаться, что, вопреки увѣренію автора, будто періодъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ «Ляхолѣтія», термина такого въ исторіографіи не существуетъ и онъ чисто искусственъ, сильно напоминая по созвучію другое явленіе изъ русской исторіи — «Лихолѣтіе».

Г. Улановъ склоненъ для поясненія фактовъ и отношеній изъ исторіи Галичины приводить сравненія изъ русской исторіи. Конечно, такая параллель, какъ Романъ Галицкій и Иванъ Грозный, по существу, довольно невинна и болѣе всего свидѣтельствуетъ о склонности автора къ аналогіи, но эта склонность даетъ иногда гораздо худшій результатъ, приводя, напримѣръ, автора къ этнографической путаницѣ: онъ отождествляетъ «русскій», «русьскій», употребляемые въ Галичинѣ для обозначенія понятія «украинецъ», съ понятіемъ «русскій» въ смыслѣ «великороссъ», говоря о «русской народности», «русской культурѣ», и въ то же время называетъ галичанъ «руси́нами». Ерго́русинъ и русскій — одно и то же. А по сути это просто игра терминологіей, къ которой часто прибѣгаютъ за послѣднее время и на которую довѣрчиво попался и г. Улановъ.

Не разбирая подробно историческаго очерка до конца XVIII в., я все-же отмѣчу, что въ немъ есть много положительныхъ сторонъ: добросвѣстность, стремленіе дать историческій процессъ, а не наборъ отдѣльных фактовъ, анализъ соціальныхъ отношеній. Но на-ряду съ этимъ имѣются крупныя упущенія и пробѣлы: такъ, напр., вполне справедливо указавъ на приниженное положеніе украинскаго элемента во время польскаго владычества, г. Улановъ этотъ процессъ ополяченія и приниженія украинскаго элемента изображаетъ какъ что-то совершившееся, хотя «не быстро и не безъ борьбы со стороны русскихъ землевладельцевъ», но во всякомъ случаѣ при общей пассивности населенія, лишь упомянувъ вскользь о львовскомъ братствѣ. А между

тѣмъ XV в. былъ эпохой кризиса, когда украинство дѣйствительно оттѣснялось, но вело борьбу, доказательствомъ которой служатъ многочисленныя крестьянскія волненія XV в. и то интенсивное культурно-національное движеніе, которое вспыхнуло подъ вліяніемъ сначала реформаціоннаго, а потомъ католическаго натиска на православіе и выработало особую форму организаціи—братства,—очаги національнаго сознанія тогдашнихъ украинцевъ, густою сѣтью покрывшіе не только Галичину, но и другія украинскія земли. Этотъ моментъ совершенно упущенъ авторомъ, а вѣдь онъ окрашиваетъ извѣстнымъ образомъ исторію галичанъ и имѣлъ громадное значеніе.

Но особенно слабый очеркъ «Галиція подъ властью Австріи», рисующій положеніе Галичины за послѣднее столѣтіе. Здѣсь свалены въ одну кучу разнообразныя, подчасъ любопытныя, свѣдѣнія объ экономической жизни, борьбѣ за школу, политическомъ строѣ Галичины и т. п., но все это разрозненно, хаотично и не даетъ цѣльной картины. Что касается жизни украинскаго о-ва за этотъ періодъ, тѣхъ теченій, которыя развивались въ немъ, то о нихъ вовсе не упоминается. Моментъ національнаго возрожденія не выявленъ, ничего не говорится, напр., о кружкѣ Шашкевича, сыгравшемъ, какъ извѣстно, роль будирующаго элемента для національнаго сознанія, не упоминается о возникновеніи народническаго теченія, которое развило широкую дѣятельность въ 70—80 гг., но зародилось раньше. Вообще украинцы стусеиваются: главное приобрѣтеніе революціи 1848 г. авторъ видитъ въ постановкѣ «русскаго національнаго вопроса», хотя въ то время былъ поставленъ совершенно ясно и опредѣленно не «русскій вопросъ», а украинскій и «соборъ руськихъ ученыхъ», созданный въ 1848 г., отмежевалъ украинскую національность съ одной стороны отъ польской, съ другой—отъ великорусской.

По мнѣнію г. Уланова, «конституціонная борьба выдѣлила изъ среды русинъ двѣ партіи: 1) «москалефильскую» или «старорусскую» и 2) «народовецкую» или «украинофильскую» (стр. 46). Это навѣрно: и то, и другое теченіе существовало и раньше, и народовцы еще съ начала 60-хъ годовъ начинаютъ выпускать рядъ изданій на украинскомъ языкѣ («Вечерниці» 1862 г., «Мета» 1863—65 гг. и т. д.), и поэтому часть русинскаго общества, заявившая въ 1866 г. во всеуслышаніе о своемъ національномъ единствѣ съ народомъ русскимъ, вовсе не выражала мнѣнія всего галицкаго общества, какъ выходитъ по г. Уланову. Нужно добавить еще, что партійная группировка, выдвинутая авторомъ—москвофилы и народовцы,—вовсе не исчерпываетъ дѣйствительности и очень устарѣла; уже съ 90 гг. народовецкая группа распадается и выдѣляетъ національно-демократическую, радикальную, изъ которой потомъ выдѣляется и социаль-демократическая партія.

Проглядѣвъ г. Улановъ и наиболѣе своеобразную черту быта Галичины, выработанную въ процессѣ постоянной и острой національной борьбы: развитіе общественной инициативы и самодѣятельности, которое позволило галичанамъ добиться всего того, что у нихъ было, и, главное, показало высокую жизнедѣятель-

ность и напряженность національной энергіи. Но объ этомъ авторъ разбираемой брошюры, очевидно, не подозреваетъ, такъ какъ утверждаетъ, что «крестьянскія общества» (взаимопомощи) «развиваются здѣсь очень туго», «русинскіе хлопы влечать жалкое и безнадежное состояніе», и появленіе среди нихъ стойкихъ и независимыхъ польскихъ крестьянъ не только не повредитъ имъ, «но скорѣе будетъ на пользу забитому хлопцу». Не впадая въ преувеличенія и не идеализируя дѣйствительно тяжелаго экономическаго положенія галицкихъ крестьянъ, все-же нужно отмѣтить, что развитіе кооперацій и экономическія организаціи среди украинцевъ заложили прочный фундаментъ къ его улучшенію, и не отъ польскихъ крестьянъ приходилось ждать спасенія галичанамъ, а отъ развитія собственной самодѣятельности.

Одинъ голый перечень существующихъ культурно-просвѣтительныхъ и экономическихъ организацій, какъ «Просвіта», «Краєвий шкільний союзъ», «Руське т-во педагогичне», «Т-во українськихъ науковихъ викладів ім. Петра Могили», «Сільський господаръ», «Краєвий союз кредитовий», «Народна торговля», страховое о-во «Дністеръ» и т. д., и т. д. (о нихъ авторъ вовсе не упоминаетъ), показываетъ, что украинцы въ Галичинѣ пошли именно этимъ путемъ. Та же самодѣятельность проявилась и въ школьномъ вопросѣ, и нельзя, говоря о школѣ, умолчать о развитіи частной инициативы въ этомъ направленіи: кромѣ 5 гимназій казенныхъ надо упомянуть рядъ общественныхъ, значительно повышающихъ количество средне-учебныхъ заведеній съ украинскимъ языкомъ преподаванія. Подводя итоги всему сказанному, приходится констатировать, что хотя брошюра г. Уланова написана добросовѣстно, лишена тенденціозности и имѣетъ нѣкоторыя несомнѣнно положительныя стороны, въ цѣломъ ознакомленія съ Галичиной она не даетъ, такъ какъ отсутствуютъ самыя характерныя черты галицкой жизни, а послѣднее столѣтіе освѣщено чрезвычайно блѣдно и невѣрно.

Совершенно то же можно сказать и относительно листка г. Уланова «Галиція», выпущеннаго московскимъ О-вомъ народныхъ университетовъ, съ той разницей, что указанные дефекты, —отсутствіе картины современной Галичины, преобладаніе исторіи XII—XIII в., блѣдность и расплывчатость,—замѣтны еще сильнѣе. Нельзя не выразить недоумѣнія по поводу метода пользованія цифровымъ матеріаломъ: г. Улановъ оперируетъ съ цифрами слишкомъ произвольно и приблизительно: такъ, считая населеніе Галичины въ 9 милл. приблизительно (по 4 милл. украинцевъ и поляковъ, 900 тыс. евреевъ и около 100 тыс. нѣмцевъ), авторъ на слѣдующей страницѣ сбавляетъ его сразу до 7 милл. Какое же значеніе имѣютъ такія цифры и что онѣ могутъ доказать?

Н. М.

Систематическій указатель литературы за 1914 годъ. *Библіографическій ежгодникъ. Выпускъ IV. Подъ ред. И. В. Владиславлева.*

Вотъ уже четвертый годъ выходитъ систематическій указатель литературы И. В. Владиславлева, и только въ послѣднемъ,

четвертомъ, выпускъ нашлось мѣсто и для украинской литературы. Обходя вопросъ, почему раньше не находилось, мы сейчасъ только привѣтствуемъ это нововведеніе въ указатель. А само изданіе указателя намъ кажется дѣломъ важнымъ, необходимымъ, и нужно только желать, чтобы изданіе его расширялось и въ особенности въ направленіи предоставленія мѣста литературамъ всѣхъ народностей, населяющихъ Россію. Въ данномъ выпускѣ, въ которомъ уже дошла очередь до Украины, еще не представлены отдѣльно Грузія, Бѣлоруссія, Литва, латыши (книги по исторіи, напр., этого народа помѣщены въ отд. «Русская исторія»).

Что касается введенія въ указатель украинской литературы, то къ этому приходится, повидимому, подойти только какъ къ опыту, а не къ чему-то болѣе или менѣе полному и совершенному. И вотъ, подходя такъ, мы и считаемъ нужнымъ указать на тѣ недостатки, которые сами собой бросаются въ глаза и требуютъ исправленія.

Вся украинская литература не собрана въ одномъ отдѣлѣ—«Ukrainica», какъ было бы желательно въ интересахъ дѣла, а распределены по отдѣламъ: исторія, литература, социальныя науки и т. д., и въ каждомъ уже отдѣлѣ помѣщается въ видѣ особой рубрики. Въ отдѣлѣ «Литература» есть рубрики: русская литература, украинская и др., а вотъ почему-то юбилейная литература о Т. Г. Шевченко отнесена къ русской литературѣ. Это было бы еще понятно, если бы юбилеи были выдѣлены внѣ зависимости отъ національности поэта, а въ данномъ разѣ въ рубрикѣ «Русская литература» указываются юбилейныя книги о Шевченкѣ, Лермонтовѣ вмѣсто того, чтобы отнести книги о Шевченкѣ къ украинской литературѣ. Да и самъ г. Владиславлевъ во II части указателя (журнальная литература) поступаетъ такъ. Рубрика «Украинская литература», къ сожалѣнію, вышла ужъ очень маленькой (всего 4 книжки), что, конечно, можетъ произвести впечатлѣніе крайней бѣдности. «Чернігівка» Костомарова оказалась среди русской литературы. «Завѣты отцовъ» Винниченка, помѣщенные въ 14-мъ сборникѣ «Земля», тоже «силою обстоятельствъ» оказались среди русской литературы. Не вся указана и юбилейная литература о Шевченкѣ. Нѣтъ книгъ Хованскаго, Клопова, Мельникова. Въ отдѣлѣ же «Исторія», собственно говоря, и рубрики отдѣльной «Украинская исторія» нѣтъ, а въ рубрикѣ «Русская исторія» выдѣлено: Финляндія, Польша, Украина. Объ этомъ приходится, конечно, только сожалѣть, такъ какъ исторія украинская по праву и вполне заслуженно завоевала себѣ свое опредѣленное мѣсто. Тутъ же составитель помѣстилъ и М. Грушевскаго «Исторію украинскаго казачества» и литературу о Галиціи, причемъ опять-таки «Буковинскіе очерки» Продана помѣщены въ рубрикѣ «Новая исторія», а Зубковскаго «Галиція» въ рубрикѣ географіи. Нѣтъ брошюры М. Богдановича «Червоная Русь», рецензіи о которой были и въ «Русской Школѣ» (9—10), и въ «Вѣстникѣ Воспитанія» (8 кн.). Затѣмъ «Матеріалы къ исторіи Ахтырщины» Твердохлѣ-

бова—въ рубрикѣ географіи, а «Очерки по исторіи декоративнаго искусства Украины» Шероцкаго отнесены къ антропологіи и этнографіи (что, конечно, можно). Все это только затрудняетъ нахожденіе какой-либо нужной книги: имѣть ли свой *raison d'être* помѣщать въ рубрику «Археологія, архивистика» работы полтавской уч. архивной комиссіи, актовыя книги полтавскаго городского уряда XVII в., Л. Падалки—«Прошлое полтавской территоріи» и цѣлый рядъ другихъ, не выдѣляя ихъ, какъ украинскія?

Не лучше, если не хуже, обстоитъ дѣло и во II части указателя, гдѣ перечисляется журнальная литература.

Тутъ въ отдѣлѣ «Исторія» есть рубрика «Польша, Украина, Арменія и война». Указаны статьи и историческаго содержанія, и посвященныя текущему моменту (о Галиціи). Но статьи А. Л. «Борьба за школу въ Галиціи» и «Народное образованіе въ Галиціи» уже оказываются совсѣмъ въ другомъ отдѣлѣ, въ рубрикѣ «Народное образованіе». А если такъ (размѣщать), то тогда уже и статьи: В. Прокоповича «Родной языкъ и народная школа на Украинѣ» и В. Садовскаго «Русское учительство и украинская школа» надо помѣщать въ эту же рубрику, а не въ рубрику «Національный вопросъ», какъ это дѣлаетъ составитель. Можно, конечно, и тамъ, и тамъ размѣщать, но почему въ разныя мѣста, когда наиболѣе правильно вопросъ объ языкѣ и школѣ украинской выдѣлить просто въ особую рубрику? Статьи А. Грушевскаго о кирилло-мееодіевскомъ братствѣ и К. Михальчука «Изъ украинскаго былого», С. Петлюры «Былое въ украинскихъ журналахъ» опять попадаютъ не на свое мѣсто, а статья И. Хоткевича «Бандура» отнесена къ «Національному вопросу». Статьи же Мякотина «Очерки соціальной исторіи Малороссіи» и «Работы Лучицкаго по малорусской исторіи» вдругъ оказываются среди статей по русской исторіи, т.-е. получается такое же распредѣленіе, какое было въ III выпускѣ, гдѣ работа Грушевскаго М. объ украинскомъ казачествѣ помѣщалась среди работъ по русской исторіи, но вѣдь въ III выпускѣ украинскія книги не выдѣлялись, теперь же ихъ рѣшили выдѣлить ¹⁾. Все это, быть можетъ, промахи, не такіе ужъ серьезные, существенные, но во всякомъ случаѣ досадные, а съ работой Мякотина и недопустимые.

Ну, а почему библиографъ не помѣстилъ въ библиографическомъ же сборникѣ «Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію». Вып. III (Укриновѣдѣніе),—остается загадкой.

Надо полагать, что эти два наиболѣе крупные недостатка,—неполнота указанныхъ книгъ и статей и путанное распредѣленіе ихъ,—будутъ устранены уже въ слѣдующемъ выпускѣ и русское общество въ болѣе правильномъ свѣтѣ увидитъ обзоръ украинской литературы.

Ив. Коваленко.

¹⁾ Не указаны статьи Стопневича „Населеніе Галиціи“, О. Б. „Деревянная церковная архитектур. Галиціи“, Жученка „Угорская Русь“, помѣщенные въ „Украинской Жизни“ за 1914 г.

Литературная лѣтопись.

— Готовится къ выпуску „Український Науковий Збірник“, заключающей въ себѣ статьи и матеріалы по исторіи України, исторіи украинской литературы и этнографіи. Сборникъ выйдетъ въ Москвѣ на украинскомъ языкѣ. Подписываться на него можно и въ конторѣ нашего журнала (ц. 1 р. 50 к.).

— Украинскій „Гуртокъ“ въ Полтавѣ на собраніи, состоявшемъ 5-го апрѣля, рѣшилъ приступить къ изданію „Українського декламатора“ и артистическихъ открытокъ съ портретами участниковъ-артистовъ Гуртка. Изданіе поручено правленію Гуртка.

— Въ изданіи „Дзвін“ (Харьковъ) вышелъ рассказъ В. Винниченка „Уміркований та щирій“. Ц. 5 к.

— Вышли „Загадки-Забавки“ Майстренка (сборникъ стихотвореній на украинскомъ языкѣ) въ Петроградѣ. Ц. 20 к.

— Издательство „Запорожжа“ издало „З Дніпра на Дунай“, повѣсть А. Кащенко изъ временъ разрушенія Запорожской Сѣчи. Екатеринославъ. Ц. 20 к.

— Е. В. Пустовойтомъ изданъ въ Кіевѣ сборникъ рассказовъ на украинскомъ языкѣ „Оповідання“ Гаврила Левченка: „Справжнє кохання“, „Нухим“. Ц. 20 к.

— Изданы слѣдующія украинскія книги: Суходольскій А. и Юркевичъ П. „За океаномъ“ (За далеким морем). Песа в 4 дѣях. Сумы. 1915. 87 стр. Ц. 30 к.

Альбиновскій Микола. Украинскій театр веселыхъ мініатур. Том першій. Одесса. 1915. Видання 2-е автора. 111 стр. Ц. 85 к.

— Въ переводѣ съ украинскаго языка на русскій готовится къ выпуску „Московскимъ Книгоиздательствомъ“ романъ украинскаго беллетриста В. Винниченка „Божки“.

— Въ апрѣльской книжкѣ „Голоса Минувшаго“ помѣщено продолженіе статьи С. Ефремова „Изъ исторіи возрожденія Галичины“. Авторъ останавливается „на зарѣ возрожденія“ галицкихъ украинцевъ (первая половина XIX ст.).

— Въ изданіи П. А. Вартминскаго въ Петроградѣ въ скоромъ времени выйдетъ книга К. Баладыженка „Прошлое Буковины“. Тотъ же авторъ готовитъ къ изданію другую книгу: „Прошлое Угорской Руси“.

— Издательство „Задруга“ издало

книжку Яриновича „Галичина въ ея прошломъ и настоящемъ“, очеркъ исторіи національной жизни русинъ въ Австро-Венгріи). Ц. 30 к.

— Распоряженіемъ Главнаго Управленія желѣзныхъ дорогъ изданъ трудъ проф. Л. Н. Яснопольскаго „Пути сообщенія Галиціи въ административномъ и финансовомъ отношеніяхъ“, явившійся результатомъ обслѣдованія (статистико-экономическаго) авторомъ Галичины.

— „Ежемѣсячный Журналъ“ (№ 4) напечаталъ статью С. Ефремова о Галичинѣ.

— Въ видѣ отдѣльнаго оттиска изъ журнала „Русская Школа“ вышла брошюра С. Вознесенскаго „Галицкая Русь и ея борьба за національную культуру“. Петроградъ. 1915.

— С. Ефремовъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 92) помѣщаетъ главу изъ очерка, посвященнаго судьбамъ Угорщины.

— Въ „Народномъ Образованіи“ (кн. 2) С. Фарфоровскій въ статьѣ „Духовная школа въ Угроссѣ“ дѣлится личными впечатлѣніями о постановкѣ духовнаго образованія въ Угорщинѣ.

— Земскія изданія о Галичинѣ. Въ послѣднее время інформаціонныя статьи о Галичинѣ можно встрѣтить и на страницахъ земскихъ популярныхъ періодическихъ изданій. Послѣднія, предлагая своимъ читателямъ въ популярномъ сжатомъ изложеніи статьи о Галичинѣ, проявляютъ гораздо большую освѣдомленность о дѣйствительномъ положеніи Галичины вообще и объ украинскомъ населеніи ея въ частности, чѣмъ авторы нѣкоторыхъ статей въ „толстыхъ“ журналахъ или авторы нѣкоторыхъ книгъ о Галичинѣ.

Такъ, „Извѣстія Херсонскаго Уѣзднаго Земства“ (№ 12) въ статьѣ объ экономическомъ положеніи Галичины отмѣчаютъ большія заслуги „Просвіты“ въ дѣлѣ распространенія сельскохозяйственныхъ знаній. Въ прим. редакціи къ статьѣ между прочимъ читаемъ: „Въ виду большого интереса среди нашихъ читателей ко вновь завоеванному краю помѣщаемъ еще разъ статью о Галиціи (другого автора)“.

„Уфимскій Сельскохозяйственный Листокъ“ (изд. уфимскаго губ. земства, № 6—7 и № 8) изложенію „матеріальнаго положенія русинъ“ предпо-

сылаетъ историческій и этнографическій очеркъ, а также обзоръ политическаго, административнаго устройства Галичины въ связи съ правовымъ положеніемъ укр. народа. „Послѣдній проявилъ,—читаемъ въ статьѣ,—такое упорство въ борьбѣ за свои права, такую способность къ объединенію и стремленіе къ знанію, что его можно привести въ примѣръ многимъ другимъ народамъ, которые и сильнѣе, и богаче его“. Подчеркивается и въ этой статьѣ особенно плодотворная дѣятельность „Просвіти“, украинскихъ кооперативовъ, а также о-ва „Рдна Школа“. Заслуги послѣдняго—большія пріобрѣтенія въ борьбѣ за національную школу. „За три года, собирая буквально по грошикамъ среди крестьянъ и мѣщанъ, оно основало и содержало 8 украинскихъ гимназій“... „Война прервала всю эту кипучую дѣятельность. Когда возобновится послѣдняя—покажетъ будущее“,—заканчиваетъ авторъ свою статью.

Черниговская Земская Недѣля (№ 14, 15) помѣстила полностью докладъ о Галичинѣ Д. И. Дорошенка, прочитанный въ Екатеринославѣ и напечатанный ранѣе въ „Южной Зарѣ“. Имя автора доклада само говоритъ за цѣнность очерка, перепечатаннаго „Черниговской Земской Недѣлей“.

— Историко-юридическому изслѣдованію вопроса о присоединеніи Украины къ Москвѣ посвящена вышедшая книга *И. Б. Розенфельда „Присоединеніе Малороссіи къ Россіи“* (1654—1793). Историко-юридическій очеркъ П. Г. 1915. 191 стр. 8 (16 × 24). Ц. 1 р. 25 к. Къ работѣ И. Б. Розенфельда намъ придется возвратиться.

— На итальянскомъ языкѣ вышла брошюра „*Україна и ея политическія цѣли*“.

— Полтавская Ученая Архивная Комиссія выпустила цѣнный сборникъ, составленный П. А. Гнѣдичемъ, „*Матеріалы по народной словесности Полтавской губерніи*“. Роменскій уѣздъ. Вып. I. Пѣсни обрядовыя. Съ картой уѣзда и 20 рисунками въ 13 таблицахъ. Авторъ въ теченіе 1913—1914 г. сдѣлалъ около 2000 записей, изданіе которыхъ распредѣлено будетъ на 4 выпуска. Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ: свадебныя пѣсни; плачи; веснянки, „петрѣвки“, купальныя пѣсни, „колядки“, „шедрівки“, „засівалні“ и указатель.

— Вышла брошюра С. Вознесенскаго „Славянство въ русской журналистикѣ 1896—1914 гг. (указатель ста-

тей)“. Петроградъ. 1915 г. Ц. 25 к. Общія статьи по украинскому вопросу, а также статьи о положеніи украинскаго народа въ Россіи, помѣщенные въ русскихъ журналахъ, указаны подъ рубрикой „Украинство“, статьи о галицкихъ украинцахъ указаны подъ рубриками „Национальный вопросъ въ Австріи“ и „Галиція, Буковина и Угорская Русь“. Статьи о польско-украинскихъ отношеніяхъ отмѣчены подъ рубрикой „Польша“. Въ указатель, кромѣ того, вошла библиографія журнальной литературы о Т. Г. Шевченкѣ въ связи съ его недавнимъ юбилеемъ, которую надо искать подъ рубрикой „Украинство“. Авторомъ совершенно не использованы журналы „Украинскій Вѣстникъ“, „Народы и Области Россіи“ и, наконецъ, „Кіевская Старина“. Однако, въ предисловіи къ изданію авторъ обѣщаетъ дать специальный указатель статей о славянствѣ, заключающихся въ такихъ журналахъ, какъ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, „Кіевская Старина“ и „Извѣстія О-ва Сл. Культуры“, „Славянской Миръ“.

— Въ „Библиографическомъ Ежегодникѣ“ (вып. IV. Систематическій указатель литературы за 1914 годъ. Москва 1915 г.) подъ рубрикой „Украинская литература“ отмѣчены переведенные въ 1914 г. на русскій языкъ произведенія Франка, Шевченка и Квитки-Основьяненка. Тамъ же вызванная войной литература по украинскому вопросу отмѣчена подъ рубрикой „Польша, Украина, Арменія и война“. Текущая литература по украинскому вопросу зарегистрирована въ отдѣлѣ „Национальный вопросъ“.

— Выясненію заслугъ Н. Костомарова въ исторіи украинскаго движенія посвящена статья *Мих. Могилянскаго* въ № 437 „Петроградскаго Курьера“. (13/IV).

— Въ связи съ пятилѣтней годовщиной со дня смерти Б. Гринченко († 23 апрѣля) А. Новицкій на столбцахъ „Екатеринославской Мысли“ (№№ 16 и 17) посвящаетъ памяти украинскаго писателя обстоятельную статью „На нивѣ народной“. Приведена біографія покойнаго, перечень его литературныхъ трудовъ съ краткой оцѣнкой дѣятельности покойнаго на нивѣ украинскаго возрожденія.

Тотъ же авторъ на столбцахъ той же газеты (№ 26, 6/V) посвящаетъ большую статью украинскому театру „Историческій очеркъ развитія укр. театра и его современное положеніе“.

Авторъ отмѣчаетъ между прочимъ расширение репертуара: пьесы Гринченка, Старицкой—Черняховской, О. Олеся, С. Черкасенка и въ особенности В. Винниченка, произведения котораго, по словамъ Новицкаго, „являются безусловно наиболѣе полновѣснымъ изъ всего, что дала литература послѣдняго десятилѣтія по трактовкѣ проблемъ эволюціи интеллигентской психики, взаимоотношеній интеллигенціи и широкихъ массъ и др. жгучихъ вопросовъ современности. По сложности психологическаго элемента,—заканчиваетъ свою статью Новицкій,—большинству мелкихъ труппъ съ случайнымъ составомъ эти произведенія врядъ ли доступны для исполненія, но, какъ мы видимъ, театръ, возникшій изъ глубоко народнаго корня по настоятельному требованію жизни,—по требованіямъ той же жизни непрерывно совершенствуется даже въ недостаточно благоприятныхъ условіяхъ. Надо думать, что въ дальнѣйшемъ развитіи высота исполнительныхъ силъ сравняется въ массѣ съ качественной высотой литературной продукціи, и украинскій театръ, въ дружномъ соединенномъ творчествѣ писателя и артиста-исполнителя, установится прочно на высотѣ требованій, какія могутъ быть предъявлены къ театру, какъ могучему культурному фактору“.

— Въ „Экономической Жизни Подоліи“ № 19, 20, 21, 22 за 1914 г. (органъ подольскаго губернскаго земства) помѣщена довольно обстоятельная и исчерпывающая вопросъ статья „Грузооборотъ Подольской губерніи по даннымъ министерства торговли и промышленности“.

Мы отмѣчаемъ данное изслѣдованіе, такъ какъ на страницахъ украинскихъ специальныхъ и общихъ періодическихъ изданій поднимался вопросъ о необходимости разработки матеріаловъ желѣзнодорожной статистики для выясненія вопроса объ экономической зависимости Украины отъ Великобританіи и другихъ областей Россіи (въ частности и въ нашемъ журналѣ см. ст. К. Оберучева „Къ вопросу объ экономическихъ отношеніяхъ Украины къ Великобританіи и Польшѣ“ въ № 3 за 1912 г.).

Авторъ вышеупомянутаго изслѣдованія А. С. Харাপуть, разрабатывая данныя о движеніи товарныхъ грузовъ по Подоліи, устанавливаетъ по положенію, что Подолія сбываетъ свои сельскохозяйственные продукты преимущественно въ Польшу и Сѣверо-западный край. Къ такому же выводу, толь-

ко лишь въ отношеніи ко всей Украинѣ, пришелъ, какъ извѣстно, и г. Стасюкъ въ своемъ изслѣдованіи вопроса о рынкахъ сбыта Украины, называя таковыми преимущественно Польшу и Бѣлоруссію и Литву („Записки Украинскаго Науковаго Т-ва въ Кіиві“, кн. VIII—IX). Такимъ образомъ, изслѣдованіе г. Карапута представляетъ интересъ, такъ какъ въ немъ, съ одной стороны, дается довольно яркая картина хозяйственной жизни одного изъ крупныхъ сельскохозяйственныхъ районовъ Украины—Подоліи, а съ другой—въ немъ же мы находимъ частичное подтвержденіе выводамъ г. Стасюка по вопросу объ экономической зависимости Украины отъ Великобританіи.

Тому же вопросу, объ использованіи матеріаловъ желѣзнодорожной статистики, имѣющихъ, какъ мы замѣтили выше, большое значеніе при разрѣшеніи вопроса объ экономическихъ взаимоотношеніяхъ между Украиной и другими областями Россіи, посвященъ докладъ г. Дядиченка „О необходимости изученія грузообмѣна между различными губерніями и областями Россіи въ связи съ предстоящимъ пересмотромъ торговаго договора съ Германіей“, прочитанный въ комиссіи по вопросамъ земской статистики при О-вѣ им. Чупрова въ Москвѣ 20—23-го февраля 1913 года и напечатанный въ недавно вышедшихъ „Трудахъ“ ея.

— Въ передовой статьѣ „Славянскаго Эхо“ (XII, 21/III) („безпартійный органъ“) содержится рядъ своеобразныхъ мыслей о современномъ положеніи украинства. Вотъ иллюстрація: „Чѣмъ меньше будетъ опасности со стороны „мазепинства“ политическаго, тѣмъ шире можетъ быть допущено развитіе мѣстной культурной малороссійской, украинорусской жизни... При существованіи въ Россіи окружныхъ или областныхъ земствъ украинорусская культура окончательно избавилась бы отъ „мазепинской“ опасности“.

— Проф. С. А. Котляревскій о націоналистической политикѣ въ Галичинѣ („Русск. М.“, 4 кн.) говоритъ слѣдующее: „Въ Галиціи имѣются сложные національные и вѣроисповѣдныя вопросы, которые требуютъ большой осторожности и такта: націоналистическая политика въ Галиціи объективно возможна, и нельзя на это закрывать глаза—сблуднѣ ея тамъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе тяжелое наслѣдство оставило австрійское владычество“. Своего отношенія къ цѣлесообразности націоналистической политики проф. С. А. Котля-

ревский не высказывает, но „объективная возможность“ ее, устанавливаемая имъ, говорить, что и субъективное отношение С. А. Котляревскаго къ подобной политикѣ лежитъ въ очень опредѣленной плоскости. Что же касается „такта и осторожности“, то это собственно прибавлено для смягченія перспективы. Сама постановка вопроса такъ, какъ ставить его С. А. Котляревскій, свидѣтельствуеетъ, что и люди, вспоминающіе о „тактѣ и осторожности“, этими свойствами не всегда отличаются.

— Корреспондентъ „Кіевской Мысли“ (№ 100) г. Энзисъ (изъ Копенгагена) сообщаетъ между прочимъ о появленіи въ журналѣ „Süddeutsche Monatshefte“ переводовъ съ Шевченка. Г. Энзисъ этимъ недоволенъ и полагаетъ: „воля ваша—невозможно не смѣяться“. Интересно знать, смѣется ли г. Энзисъ, а съ нимъ и редакция „Кіевской Мысли“, когда видятъ въ переводѣ на иностранный языкъ, напр., Пушкина?

— Доброта „Московскихъ Вѣдомостей“: „Никто не мѣшаетъ малороссамъ говорить по-хохлацки, играть на бандурѣ, плясать гопака, ѣсть пампушки и галушки“. Эта выдержка говоритъ не только о добротѣ писавшаго, но и его глупости. А вотъ свидѣтельство „ума“ газеты: „Но создавать изъ всего этого какой-то національный языкъ и національную культуру,—это уже значить сѣять политическій сепаратизмъ и противостественный федерализмъ въ единой русской землѣ“ (№ 83). Какъ видитъ читатель, „на городі бузина, а в Кііві дядько“.

— Нашъ „друг“ Л. Волковъ, въ связи со статьей г. Алексинскаго, нападаетъ на позицію, занятую въ этомъ вопросѣ „Русскими Вѣдомостями“ (№№ „Московскихъ Вѣдомостей“ 91 и 92). Отвѣчая на реплику „Русскихъ Вѣдомостей“, Л. Волковъ въ № 97 „Моск. Вѣд.“ повторяетъ давно знакомыя читателямъ нашего журнала возраженія и нападки на украинское движеніе, возстаая и противъ самого термина „украинскій“. Доказательства—обычныя для г-на Волкова, но на этотъ разъ исключительно тусклыми.

— „Перлы“ „Почаевскаго Листка“ по вопросу о „мазепинствѣ“ необыкновенно ярки и красочны. Украинцы называются уже не „мазепинцами“, а „мазепчуками“; „они выдумали особую непонятную для простого народа мову, только бы больше разнить ся отъ прочихъ русскихъ людей. Большая половина словъ этой украинской

мовы взята изъ польскаго, латинскаго, нѣмецкаго и даже жидовскаго языковъ“... „Мазепинствомъ, какъ моднымъ нарядомъ, любили послѣднее время щеголять всякіе деревенскіе паньчи и подпанки въ сивыхъ шапкахъ съ мало понятною жидовско-польскою мовою“.

„Мазепинство придумано нѣмцами“ (Недаромъ нѣмецъ обезьяну выдумалъ!). „Мазепинцы оскандалились въ концѣ... Прелатели и братоубійцы оказались неимѣющими ничего общаго по величію замысловъ съ гетманами Украины—борцами за свободу народа. Это не Хмельницкіе и даже не Мазепы, а просто негодяи“. Послѣ всего этого „Почаевскій Листокъ“ приходитъ къ заключенію: „Мазепинство должно исчезнуть... должно стигнуть съ лица русской земли“. Какъ св. Георгій Побѣдоносецъ своимъ копьемъ пронзилъ дракона-человѣкоубійцу, такъ своимъ словомъ Государь Императоръ поразитъ на-вѣки дракона-братоубійцу—мазепинство“ (№ 15, 15/IV).

— Въ подобномъ же духѣ составлены и „Листки для Галиціи“, издаваемые Троице-Сергіевой лаврой. До сихъ поръ уже издано болѣе двухъ десятковъ этихъ листковъ. Изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе: „Великій обманъ, великое ошуканство въ Галиціи“ (№ 21), „Великій обманъ въ Галичинѣ“ (№ 22), „Братское слово къ обманутымъ уніатамъ русскимъ галичанамъ“ (№ 23). Нѣкоторые листки изданы и на „галичко-русскомъ“ языкѣ, какъ, напр., „Якимъ способомъ устроили римскіе папы унію въ Галичинѣ“ (№ 18) и „Якъ русскіе зрадники Потѣи и Терлецкій завели на Руси церковную унію съ римскими еретиками“.

— Противъ „Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, помѣстившихъ статью „О языкѣ преподаванія, въ малороссійскихъ школахъ“ (№ 3), въ которой приведены, понятно, доказательства о ненужности родного языка для преподаванія въ школахъ выступаетъ на столбцахъ „Полтавскаго Дня“ (№ 623, 9/IV) Михаилъ По со статьей „Извращеніе или незнаніе“. Авторъ достаточно убѣдительно доказываетъ, что епархіальный органъ и извращаетъ источники литературы предмета и не знаетъ ихъ. Конечно, „Епархіальныя Вѣдомости“ при современномъ положеніи въ Россіи украинства и не могли занять иной позиціи, чѣмъ та, какую они отстаиваютъ въ вопросѣ о народномъ языкѣ. Но намъ припоминается, что епархіальная власть въ полтавской епархіи не всегда такъ думала: въ

архивахъ церквей полтавской епархіи и до сихъ поръ хранится указъ покойнаго архіепископа Іоанна, въ которомъ рекомендуется священникамъ прибѣгать къ народному языку при произнесеніи проповѣдей. Очевидно, русскій языкъ дѣйствительно мало понятенъ для паствы, какъ мало понятенъ онъ, конечно, и для школьниковъ.

— Вслѣдъ за другими изданіями много пишутъ о Галичинѣ и различныя „Епархіальныя Вѣдомости“. Статьи этихъ органовъ имѣютъ вполне опредѣленный характеръ: неизмѣнно отрицательная оцѣнка дѣятельности украинцевъ и ихъ различныхъ національных учреждений является типичнымъ для статей о Галичинѣ, помѣщаемыхъ въ епархіальныхъ изданіяхъ. Такъ, „Томскія Епархіальныя Вѣдомости“, а за ними и „Волынскія Епархіальныя Вѣдомости“ въ інформаціонной статьѣ о Перемышлѣ сообщаютъ, что здѣсь живутъ „русскіе“ (украинцевъ, конечно, не полагается признавать за народъ!), сплоченію которыхъ „мѣшала развращающая антиисторическая идея „украинизма“. Далѣе слѣдуетъ рядъ фальсифицированныхъ свѣдѣній объ украинцахъ въ подобномъ же родѣ, останавливаться на которыхъ безцѣльно.

— Въ „Вѣстникѣ Европы“ (апрѣль) помѣщенъ отзывъ М. Славинскаго о работѣ сотрудниковъ нашего журнала „Галичина, Буковина и Угорская Русь“. Отзывъ автора въ общемъ благопріятный. — „Сумскій Вѣстникъ“ въ № 75 (7/IV) въ журнальномъ обзорѣ отмѣчаетъ 2-ю книжку нашего журнала. Авторъ обзора Михаилъ По останавливается главнымъ образомъ на статьѣ П. Смутка „Языкъ цифръ въ школьномъ дѣлѣ“. Обзоръ содержанія этой же книги нашего журнала находимъ и въ „Полтавскомъ Днѣ“. Включаетъ „Украинскую Жизнь“ въ обзоръ журналовъ и новая газета „Екатеринославская Мысль“ (20/IV, № 13), указывая на нашъ журналъ какъ на источникъ для ознакомленія съ исторіей и положеніемъ Галичины. — „Голосъ Москвы“ (23/IV) помѣщаетъ рецензію А. Колмогорова на „Галичину, Буковину и Угорскую Русь“. Рецензентъ хотя и полагаетъ, что „сборникъ составленъ въ духѣ украинфильскомъ“, но тѣмъ не менѣе говоритъ, что „изложеніе вполне убѣдительное и рассчитанное на мало подготовленнаго читателя“. Этотъ отзывъ рецензента намъ приходится тѣмъ болѣе отмѣтить, что „Голосъ Москвы,

снова занялъ прежнюю позицію по отношенію къ Галичинѣ. Отмѣчаетъ книгу „Галичина, Буковина и Угорская Русь“ и „Приходскій Листокъ“ (№ 109, 23/IV), издаваемый при св. синодѣ, въ специальной статьѣ „Онъ не хотѣтъ приобщить народъ къ вѣрѣ отцовъ!“. Авторъ статьи очень сердитъ на нашихъ сотрудниковъ, которыхъ именуетъ онъ „мазепинцами“ за главу о церковныхъ отношеніяхъ въ Галичинѣ. Степень пониманія „Приходскаго Листка“ въ вопросѣ объ уніи сводится къ вскрытію политически національнаго момента, и далѣе, глубже и шире этихъ изысканій представленія названнаго листка не идутъ. „Уніатская митрополія Галичины—испытанный очагъ сепаратизма“,—вотъ въ краткихъ словахъ несложное содержаніе статьи „Листка“, посвященной данному вопросу. Статья изобилуетъ крѣпкими эпитетами и бранными выпадами противъ сотрудниковъ нашего журнала, написавшихъ книгу о Галичинѣ, съ неизмѣннымъ обвиненіемъ въ австрофильствѣ, антирусской точкѣ зрѣнія и прочихъ обвиненіяхъ, столь же вздорныхъ, какъ и бездоказательныхъ.—Въ отзывѣ „Русск. Филологич. Вѣстника“ (№ 2 1915 г.) подчеркивается „серьезное и цѣнное значеніе“ книги: „по принципу „Audiat et altera pars“ для истиннаго уясненія положенія указанной области въ настоящее время разсматриваемое сочиненіе очень кстати: оно можетъ нѣсколько корректировать неточности или увлеченія со стороны другихъ направленій“. Авторъ полагаетъ, что составители книги придержируются точки зрѣнія господствующей галицко-русской (?) народно-демократической партіи“. Заключение автора ни на чемъ не основано и, конечно, не отмѣчаетъ дѣйствительности. — Рецензентъ книги въ „Литературныхъ и научно-популярныхъ приложеніяхъ „Нивы“ свой отзывъ, въ общемъ благопріятный“ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Изъ этой статьи („На поворотѣ“) на всю книгу ложится оттѣнокъ какого-то дряхлаго скептицизма, совершенно не соотвѣтствующій торжеству присоединенія Галицій къ Россіи, которому и посвящена эта въ общемъ полезная и нужная книга“. „Екатеринославская Мысль“ отмѣчаетъ въ „обзорѣ журнала“ 3—4 кн. „Украинской Жизни“. — „Одесскія Новости“ (5/V) приводятъ выдержки изъ статьи А. А. Русова „Витѣ и украинское слово“. — „Новое Время“ по поводу статей, посвященныхъ памяти К. Е. Кор-

ша, отозвалось слѣдующей репликой: „Воспоминанія о Коршѣ любопытны особенно съ той точки зрѣнія, что даютъ самое яркое представленіе о томъ, до какихъ уродливыхъ крайностей способны доходить русскіе люди въ самоотреченіи отъ своего національнаго „я“ (№ 6/V). Какъ извѣстно, покой-

ный Коршъ не отрекался отъ своего національнаго „я“, а лишь признавалъ и за украинцами право имѣть свое національное „я“. Въ глазахъ „Новаго Времени“ и созвучныхъ ему изданій это является преступленіемъ противъ родного народа!

Открытое письмо.

7-го сего іюня въ г. Харьковѣ однимъ изъ уважаемыхъ мѣстныхъ Обществъ—харьковскимъ Обществомъ грамотности—созывается съѣздъ, имѣющій своей задачей разработку вопросовъ правильной организациі разумныхъ развлеченій для народа и подробное обсужденіе способовъ практическаго осуществленія ихъ въ Харьковской губерніи и притомъ главнымъ образомъ въ сельскихъ мѣстностяхъ ея.

Организаціонный комитетъ съѣзда разослалъ приглашенія на съѣздъ всевозможнымъ Обществамъ,—образовательнымъ, кооперативнымъ, профессиональнымъ и инымъ Обществамъ, не только нынѣ участвующимъ уже во внѣшкольно-просвѣтительной дѣятельности, но и предполагающимъ участвовать въ таковой. Стремясь поставить съѣздъ возможно полнѣе и шире, правленіе Общества грамотности не ограничилось приглашеніемъ къ участію въ съѣздѣ указаннаго выше типа Обществъ своего района, но и допустило также на съѣздѣ доклады отдѣльных лицъ, общественныхъ дѣятелей столицъ и другихъ городовъ Россіи.

Не удостоилось приглашенія къ участію въ съѣздѣ одно лишь мѣстное Общество, это — единственное въ районѣ „Украинское, имени Григорія Квитки-Основьяненка, Литературно-Художественно-Этнографическое Общество“. Какъ видно изъ одного ужъ названія, Обществу этому по роду его дѣятельности далеко не чужды всѣ цѣли и задачи созываемаго Обществомъ грамотности съѣзда.

Не было приглашено къ участію въ съѣздѣ по разумнымъ развлеченіямъ для крестьянъ Харьковской губерніи Общество, которому такъ близокъ языкъ харьковца Григорія Квитки-Основьяненка, которое стремится подойти къ народу съ его роднымъ словомъ, которое изучаетъ его пѣсню, его бытъ, его національныя особенности. Обсуждать на съѣздѣ

вопросъ о развлеченіяхъ для харьковскаго поселянина призваны всѣ, даже лица, далеко стоящія отъ края, отъ мѣстнаго населенія, отъ его обычаевъ и нравовъ. Оттѣснены только дѣти этого народа, не порвавшія съ нимъ связи, стремящіяся сохранить самое драгоцѣнное, что имѣетъ каждый народъ,—его культуру и языкъ.

И не приглашено Общество имени Григорія Квитки-Основьяненка къ участию на съѣздѣ не потому, чтобы организаціонный комитетъ не зналъ объ его существованіи (выставочная комиссія съезда извѣстила его о выставкѣ на съѣздѣ), и не потому, что организаціонный комитетъ случайно забылъ о немъ (вопросъ о приглашеніи его дважды обсуждался въ комитетѣ), а по какимъ-то совершенно инымъ причинамъ.

Мы не знаемъ точно мотивовъ, по которымъ свершился этотъ явно несправедливый актъ. Намъ остается лишь предполагать, что, по мнѣнію организаціоннаго комитета, о развлеченіяхъ сельскаго украинскаго населенія Харьковской губерніи компетентны судить всѣ, кромѣ самихъ украинцевъ.

Не ново такое отношеніе къ украинскому обществу и къ украинскому народу. Бывало такъ не разъ въ „доброе“ старое время. Но видѣть подобное отношеніе теперь, когда происходитъ міровая борьба за освобожденіе слабыхъ національностей отъ гнета сильныхъ, когда человѣчество стремится создать возможно справедливыя условія существованія для всѣхъ обездоленныхъ народностей, и видѣть это со стороны прогрессивной организаціи,—это не безъ основанія можетъ навести на мысль, нисколько вообще можно довѣрять прогрессивности харьковскаго Общества грамотности, если только члены его солидарны съ образомъ дѣйствій его правленія.

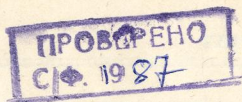
Грустно, что гг. организаторы съезда вмѣсто дружной совмѣстной работы проявили такую нетерпимость и тѣмъ самымъ омрачили одно изъ добрыхъ начинаній при первыхъ же шагахъ къ его осуществленію.

Совѣтъ Украинскаго, имени Григорія Квитки-Основьяненка, Литературно-Художественно-Этнографическаго Общества.

Г. Харьковъ, 2-го іюня 1915 г.

Редакторъ-издатель Я. А. Шеремецинскій.

0,60к

2-

3362 / 1915
~ 5-6

Урания

Книга

№ 5

1915

У. К.

III
24C-15024
1915-5/6